

Содержание

ВЗГЛЯДЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ДИСКУССИИ

Вячеслав Додонов	Изменение отраслевой структуры занятости населения Казахстана в периоды турбулентности внешнеэкономической среды	7
-------------------------	--	---

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

Жанна Каримова	Молодежь в казахстанской науке: проблемы и перспективы	28
Жулдызай Исакова, Наталья Калашникова, Эльмира Кауменова	Молодежь Казахстана: декларируемые семейные ценности и реальное поведение.	37
Отарбаева Бахтур	Городской гражданский активизм в градостроительной политике Алматы	48
Гулицзы Байшань	Дилемма и контрмеры политики цифровизации образования в Казахстане в постпандемический период	66
Айгерим Жунусова, Мэди Омаров, Динара Ниеткалиева	Особенности отношения казахстанцев к митингам	77
Арман Касымбаев, Галым Малик	Стратегии языковой политики на современном этапе развития: политологический анализ	91

РЕЦЕНЗИЯ

Мурат Лаумулин	Обзор литературы по Центральной Азии на 2022 г. Часть III	104
-----------------------	---	-----

Каззахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте
Республики Казахстан

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Абен Асел**,
руководитель Представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы

Ответственный за выпуск: Алмас Арзикулов
Редактор-корректор: Акмарал Бакирова
Верстка: Павел Романенко

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Нур-Султан, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в ТОО «Надежда 2050». г. Кокшетау, улица Баймуханова, 3.

Тираж: 500 экземпляров

Мазмұны

КӨЗ ҚАРАС. ОЙ-ПІКІР. ТАЛҚЫЛАУ

Вячеслав Додонов	Сыртқы экономикалық ортаның турбуленттілігі кезеңінде Қазақстан халқын жұмыспен қамтудың салалық құрылымының өзгеруі	7
-------------------------	--	---

САЯСАТ ЖӘНЕ ҚОҒАМ

Жанна Кәрімова	Қазақстандағы ғылымдағы жастар: мәселелері мен перспективалары	28
Жұлдызай Ысқақова, Наталья Калашникова, Эльмира Кауменова	Қазақстандық жастар: отбасылық құндылықтар мен шынайы мінез-құлық	37
Бахытнұр Отарбаева	Қала құрылыс саясатындағы қалалық азаматтық белсенділік	48
Гулицзын Байшань	Пандемиядан кейінгі кезеңде Қазақстандағы білім беруді цифрландыру саясатының дилеммасы және қарсы шаралары	66
Әйгерім Жүнісова, Мәди Омаров, Динара Ниетқалиева	Қазақстандықтардың митингтерге қатынасының ерекшеліктері	77
Арман Қасымбаев, Ғалым Мәлік	Қазіргі даму кезеңіндегі тіл саясатының стратегиясы: саяси талдау	91

РЕЦЕНЗИЯ

Мұрат Лаумулин	Орта Азия бойынша 2022 жылға арналған әдебиеттерге шолу. III бөлім	104
-----------------------	--	-----

Қазақстан Республикасының
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Әбен Әсел**,
Алматы қаласы ҚСЗИ
Өкілдігінің басшысы

Шығаруға жауапты: Алмас Арықұлов
Редактор-корректор: Ақмарал Бәкірова
Беттеу: Павел Романенко

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Нұр-Сұлтан қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.

Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318

Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі мүмкін. «Надежда 2050» ЖШС баспасынан басылып шығарылды
Көкшетау қ., Баймұқанов, 3. Таралымы: 500 дана.

Contents

VIEWS. THINKING. DISCUSSIONS

- Vyacheslav Dodonov** Changes in the sectoral structure of employment of the population of Kazakhstan during periods of turbulence of the external economic environment 7

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

- Zhanna Karimova** Youth in Kazakhstan science: problems and prospects 28

- Zhuldyzay Iskakova,
Nataliya Kalashnikova,
Elmira Kaumenova** Kazakhstan youth: declared family values and real behaviour 37

- Bakhytnur Otarbaeva** Urban civil activism in the urban planning policy of Almaty city 48

- Giliziyi Baishan** Dilemma and countermeasures of education digitization policy in Kazakhstan in the post-pandemic era 66

- Aigerim Zhunusova,
Madi Omarov,
Dinara Nietkalieva** Features of the attitude of Kazakhstan people to rallies 77

- Arman Kasymbayev,
Galym Malik** Strategies of language policy at the present stage of development: a political analysis 91

REVIEW

- Murat Laumulin** Review of foreign literature on Central Asia 2022: Part III 104

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Assel Aben**,
Head of the representative
office of KazISS in Almaty

Responsible for publication: Almas Arzikulov
Editor-corrector: Akmaral Bakirova
Layout: Pavel Romanenko

Address: 4 Beibitshilik str., Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed by «Nadegda 2050» LLP, Kokshetau, Baimukanov street, 3.
Copies: 500.

Редакционный совет

Еркин Тукумов	– председатель Редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Рахман Алшанов	– президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
Гульмира Илеуова	– директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
Гульнар Насимова	– заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
Вячеслав Додонов	– главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор экономических наук
Андрей Чеботарёв	– директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
Мартин Брусис	– доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана (Германия)
Синтия Каплан	– профессор Калифорнийского университета (США)
Геннадий Чуфрин	– академик РАН, доктор экономических наук, профессор
Асель Абен	– шеф-редактор, руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы, доктор PhD по экономике
Айжан Молдагалиева	– редактор, старший эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК

Редакциялық кеңес

- Еркін Тұқымов** – Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы ҚСЗИ директоры, саясаттану ғылымдарының кандидаты
- Рахман Алшанов** – «Тұран» білім беру корпорациясының президенті, Қазақстан Республикасы ЖОО-лар Ассоциациясы президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** – «Стратегия» әлеуметтік-саяси зерттеулер орталығы Қоғамдық қорының директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** – Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Вячеслав Додонов** – ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, экономика ғылымдарының докторы
- Андрей Чеботарёв** – «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Мартин Брусис** – әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Европаны зерттеудің жоғарғы мектебі, Людвиг Максимилиан Мюнхен Университеті (Германия)
- Синтия Каплан** – Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)
- Геннадий Чуфрин** – РҒА академигі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Әсел Әбен** – бас редактор, Алматы қаласы ҚСЗИ Өкілдігінің басшысы, экономика ғылымдарының PhD докторы
- Айжан Молдағалиева** – редактор, ҚР Президентінің жанындағы ҚСЗИ аға сарапшысы

Editorial Board

- Yerkin Tukumov** – Chairman of the Editorial Board, Director of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Rakhman Alshanov** – President of “Turan” Educational Corporation, President of Kazakhstan Association of Higher Educational, Doctor of Economic Sciences, professor
- Gulmira Ileuova** – Director of “Strategy” Center for Socio-Political Research, Candidate of Sociological Sciences
- Gulnar Nasimova** – Head of Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
- Vyacheslav Dodonov** – Chief Research Fellow of KazISS under President of Kazakhstan, Doctor of Economic Sciences
- Andrey Chebotarev** – Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Sciences
- Martin Brusis** – Director of Graduate School for East and Southeast European Studies, Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Cynthia Kaplan** – Department of Political Science, University of California Santa Barbara (USA), Professor
- Gennady Chufirin** – Academician of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Assel Aben** – Chief Editor, Head of the representative office of KazISS in Almaty, PhD in Economics
- Aizhan Moldagaliyeva** – Editor, senior expert of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

МРНТИ:
06.77.64

ИЗМЕНЕНИЕ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В ПЕРИОДЫ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Вячеслав Додонов

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК,
доктор экономических наук,
e-mail: dodonovv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние сильных внешних факторов на изменение отраслевой структуры занятости в Казахстане. Анализируются изменения численности и удельного веса занятых по видам экономической деятельности, движение рабочей силы в годы, когда наблюдалось сильное воздействие на экономику внешних факторов, а также влияние на изменение численности работников параметров оплаты труда в эти же годы. На основе проведенного анализа выявлен ряд особенностей реакции казахстанского рынка труда на внешние шоки и сделаны выводы относительно изменения его структуры в периоды сильной турбулентности внешних условий.

Ключевые слова: рынок труда, отраслевая структура занятости, внешние шоки, движение рабочей силы, оплата труда.

СЫРТҚЫ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОРТАНЫҢ ТУРБУЛЕНТТІЛІГІ КЕ- ЗЕҢІНДЕ ҚАЗАҚСТАН ХАЛҚЫН ЖҰМЫСПЕН ҚАМТУДЫҢ САЛА- ЛЫҚ ҚҰРЫЛЫМЫНЫҢ ӨЗГЕРУІ

Вячеслав Додонов

ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, эконо-
мика ғылымдарының докторы, e-mail: dodonovv@mail.ru

Андатпа. Мақалада Қазақстандағы жұмыспен қамтудың салалық құрылымының өзгеруіне күшті сыртқы факторлардың әсері қарастырылған. Экономикалық қызмет түрлері бойынша қызметкерлер саны мен үлес салмағының өзгеруі, сыртқы факторлардың экономикаға күшті әсер еткен жылдардағы жұмыс күшінің

қозғалысы, сондай-ақ еңбекақы төлеу бойынша қызметкерлер санының өзгеруіне әсері сол жылдардағы параметрлер талданады. Талдау негізінде қазақстандық еңбек нарығының сыртқы күйзелістерге реакциясының бірқатар ерекшеліктері анықталды және сыртқы жағдайларда күшті турбуленттілік кезеңдерінде оның құрылымындағы өзгерістерге қатысты қорытындылар жасалды.

Түйінді сөздер: еңбек нарығы, жұмыспен қамтудың салалық құрылымы, сыртқы күйзеліс, жұмыс күшінің қозғалысы, жалақы

CHANGES IN THE SECTORAL STRUCTURE OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF KAZAKHSTAN DURING PERIODS OF TURBULENCE OF THE EXTERNAL ECONOMIC ENVIRONMENT

Vyacheslav Dodonov

Chief Research Fellow of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economics, e-mail: dodonovv@mail.ru

Abstract. The article examines the influence of strong external factors on the change in the sectoral structure of employment in Kazakhstan. Changes in the number and proportion of employees by type of economic activity, the movement of the labor force in years when there was a strong impact on the economy of external factors, as well as the impact on the change in the number of employees of wage parameters in the same years are analyzed. Based on the analysis, a few features of the reaction of the Kazakhstan labor market to external shocks were identified and conclusions were drawn regarding changes in its structure during periods of strong turbulence in external conditions.

Keywords: labor market, sectoral structure of employment, external shocks, labor force movement, wages of employees.

Введение

В течение последнего десятилетия экономика Казахстана, так же, как и мировая экономика функционирует в условиях высокой турбулентности внешней среды, которая поступательно нарастает вплоть до беспрецедентных для условий мирного времени шоков. В 2014-15 годах мировые товарные рынки пережили сильнейшее падение цен, вызванное прекращением программ монетарного стимулирования ФРС США; в 2018 годом торговые войны США, инициированные администрацией Д.Трампа, спровоцировали существенное осложнение мировой торговли и инвестиций; пандемия COVID-19 вызвала спад мировой экономики, не имеющий аналогов с 1932 года; экономическая война западных стран и России, инициированная в ответ на военные действия на Украине привела к нарушению цепочек поставок глобального масштаба и росту инфляции в мире до максимумов нескольких десятилетий.

Казахстан является экономикой, глубоко интегрированной в систему мирохозяйственных связей – соотношение внешнеторгового оборота и ВВП за последние пять лет составляло в среднем почти 50% [1], очень значительную роль играют иностранные инвестиции и деятельность компаний с иностранным участием. В связи с этим, шоки, продуцируемые мировой экономикой, оказывают сильное и быстрое влияние на казахстанскую экономику и отражаются, в том числе, на ситуации на рынке труда. При этом различный характер внешних шоков последнего времени обуславливает и отличающееся влияние, оказываемое ими на занятость, так как под ударом оказываются разные отрасли. Так, в 2018-19 годах торговые войны США с КНР с другими странами спровоцировали снижение цен на товарных рынках, в том числе, цен на нефть, в результате чего ухудшились результаты работы нефтедобывающей промышленности Казахстана. В 2018 году рост в горнодобывающей промышленности резко замедлился относительно предыдущего года, составив 4,6% против 9,5% [2]. В 2020 году, в результате шоков, вызванных пандемией COVID-19, наиболее пострадавшим видом деятельности казахстанской экономики стала сфера услуг из-за введенных ограничений на работу торговли, транспорта, гостиниц, ресторанов и пр. Спад в сфере услуг в целом составил 5,3%, в торговле – 3,3%, в транспорте и складировании – 12,7%, в предоставлении услуг по проживанию и питанию – 9,1%. 2021 год был отмечен позитивной динамикой для большинства видов деятельности, но продемонстрировал значимость и иных факторов отраслевого развития – на фоне сильнейшей засухи сократился объем продукции сельского хозяйства на 2,4% [3].

Шоки 2022 года, связанные как с внешними факторами (военными действиями на Украине и последовавшей за ними санкционной войной), так и с внутренними событиями (январские волнения) также привели к спаду в отдельных отраслях и видах деятельности. Так, объем внутренней торговли в первом квартале (когда оба указанных фактора проявились в максимальной мере) сократился на 3,3% [4], снизился объем авиационного (на 36,2%) и автомобильного (на 1,3%) грузооборота [5], пострадали некоторые отрасли обрабатывающей промышленности, зависимые от поставок сырья из России и Украины (в частности, сократилось производство бумаги на 5,9%, изделий из дерева на 8,8% [6]).

Рассматривая влияние внешних шоков на процессы реструктуризации занятости, следует отметить несколько важных, на наш взгляд, моментов. Во-первых, не все шоки, даже достаточно сильные, приводят к изменениям структуры занятости, поскольку сформировавшийся рынок труда отличается устойчивостью, а процессы изменения занятости имеют определенную инертность. Во-вторых, на экономическую динамику и рынок труда оказывают влияние не только шоки, но и последующее восстановление соответствующих отраслей, происходящее в посткризисный период более высокими темпами, что также влечет за собой изменения в занятости, но уже с обратным эффектом. В-третьих, процесс влияния шоков на экономику, как правило, сопровождается

антикризисными мерами государственного регулирования, которые зачастую также оказывают влияние на структуру занятости, причем, не только сохраняя ее докризисные параметры, но и меняя в пользу отраслей, получающих государственную поддержку. Эти и иные особенности функционирования рынка труда в условиях влияния на него кризисных факторов обуславливают сложность оценки и интерпретации данного влияния на структуру занятости в периоды высокой волатильности экономических условий.

Особенную сложность проведения анализа и оценки реструктуризации занятости представляют ситуации, когда турбулентность экономических условий становится беспрецедентно сильной, как это было, в частности, в условиях пандемии COVID-19. Не менее масштабными для мировой экономики могут стать и последствия не имеющего аналогов в новейшей истории санкционного противостояния (по сути, экономической войны) между развитыми экономиками и Россией, начавшегося в феврале 2022 года и способного привести к радикальной трансформации глобальной финансово-экономической архитектуры и сильнейшему кризису. Столь значительные шоки для мировой экономики оказывают соответствующее воздействие и на национальные рынки труда, в том числе, казахстанский, которые сталкиваются с беспрецедентными шоками и вызовами для устойчивости их функционирования. Так, только пандемия COVID-19 привела, по оценкам Международной организации труда (МОТ), к потерям рабочего времени в ее первый, 2020 год в размере 8,9% в мировом масштабе. При этом, потери сохранились на высоком уровне и в 2021 году, а модели МОТ прогнозируют продолжение действия этого фактора и в 2022, и в 2023 годах. Эти же модели показывают, что в Казахстане потери рабочего времени от пандемии были выше и мировых величин, и средних показателей для региона Центральной Азии (таб.1).

Таблица 1. Оценка Международной организации труда последствий пандемии COVID-19, потери часов рабочего времени, % к предыдущему году

	2020	2021	2022	2023
Мир	8,9	4,3	1,8	0,9
Центральная Азия	8,7	6,0	3,6	2,2
Казахстан	11,1	4,5	2,7	1,3

Источник: составлено автором на основе [7].

Шоки столь сильного масштаба, как пандемия, и иные потрясения для мировой экономики, происходящие, в частности, в 2022 году, беспрецедентны для функционирующей в настоящее время глобальной экономической модели. В этой связи отсутствуют как теоретические основы оценки изменения на рынке труда в подобных условиях, так и практический опыт их измерения или методо-

логического осмысления в части как реагирования на них, так и прогнозирования последствий. Хотя попытки научного осмысления ситуации на рынке труда в условиях повышенной кризисной турбулентности, конечно, имеются.

Так, влияние кризисных явлений последних лет в экономике на рынок труда и структуру занятости, в том числе, в годы пандемии COVID-19, нашли отражение в ряде научных работ. Эффекты пандемии для рынков труда отдельных стран рассматривались многими учеными в части оценки их влияния на ключевые параметры занятости – уровень безработицы и состояние рабочей силы (Bartik, A. W. и др., 2020 [8], Borland, J. и Charlton, A., 2020 [9], Cajner, T. и др., 2020 [10], Webster, A., Khorana, S., Pastore, F., 2021 [11]). Также в контексте влияния кризисов на рынок труда часто рассматриваются отдельные его аспекты, такие, как воздействие на уязвимые группы населения, включая молодежь (Larreau, A., Qian Liu, L., 2022 [12]), эффекты для неформальной занятости (Chivu, L., Georgescu, G., 2021 [13]) или меры защиты рынка труда (Seemann A, Becker U, и др., 2021 [14]).

Структурные последствия коронакризиса для рынка труда в части демографических и гендерных сдвигов в США рассматривали Albanesi, S., Kim J. [15] Влияние пандемии COVID-19 на структуру спроса на российском рынке труда отмечала Петрова В.А [16]. Изменения отраслевой структуры занятости в разных государствах, включая Казахстан, отмечали Давлетшина Л.М. и Зайнуллина М.Р. [17], Иванова Н.А. [18], Альшанская А.А. [19]

Основные особенности влияния сильных шоков, включая пандемию, на рынок труда и занятость, отмеченные в исследованиях, в целом закономерны и ожидаемы: снижение занятости и рабочей силы, рост безработицы, сокращение занятости в тех отраслях и видах деятельности, которые оказались наиболее уязвимы к конкретному кризису в определенной стране. Последний аспект наиболее важен в контексте исследования изменений структуры занятости, так как сильные шоки в отдельных отраслях приводят к заметным ее сдвигам, что наиболее выразительно продемонстрировал кризис, вызванный пандемией, оказавший во многих странах, включая Казахстан, сильное влияние на определенный круг отраслей сферы услуг.

Результаты исследования и их обсуждение

В то же время, констатация факта влияния тех или иных шоков на рынок труда и структуру занятости представляется недостаточной для полноценного исследования этого влияния. На наш взгляд, анализ изменения структуры занятости в период влияния на экономику сильных шоков должен быть направлен не только на определение круга отраслей с наиболее пострадавшей занятостью, но и на изучение иных важных аспектов. К их числу, по нашему мнению, относятся следующие:

- скорость реакции отраслевой занятости на шоки, которая отражает устойчивость рынка труда в соответствующей сфере и его способность противостоять этим шокам;

- влияние экономической турбулентности на уровень оплаты труда в отраслях и видах деятельности, которое отражает как степень этого влияния на ключевой для работника показатель занятости, так и воздействие на межотраслевой перелив человеческого капитала в условиях неравномерности изменения оплаты труда;

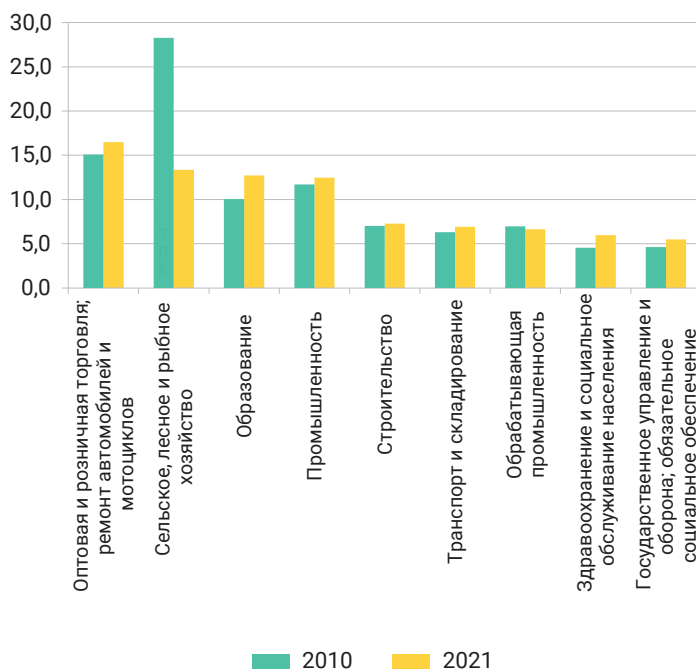
- интенсивность посткризисного восстановления рынка труда в отдельных отраслях, которая также оказывает непосредственное влияние на изменение структуры занятости в результате кризисных явлений, поскольку разная скорость восстановления занятости обуславливает изменение структуры после окончания действия шоков, вызвавших ее угнетение.

Эти аспекты, наряду с сокращением занятости в пострадавших от кризисов отраслях могут, по нашему мнению, дать достаточно полную картину влияния шоков на изменение структуры занятости и, в целом, реструктуризации занятости в условиях социально-экономической напряженности, вызванной различными факторами внешнего и внутреннего характера. Измерение указанных аспектов изменения занятости целесообразно производить на основе анализа таких параметров и показателей, как изменение удельного веса отраслей и видов деятельности в общей численности занятого населения; корреляция между удельным весом отраслей в ВВП и удельным весом занятого в них населения; изменение численности занятых и ее удельного веса по видам деятельности в периоды сильного влияния экономических факторов (прежде всего, кризисного характера); движение рабочей силы и влияние на него экономических факторов (в частности, изменением оплаты труда в периоды экономической турбулентности).

Начиная рассмотрение отраслевой структуры занятости Казахстана, можно отметить, прежде всего, что в течение последнего десятилетия в ней происходили заметные сдвиги с изменениями удельного веса среди основных видов экономической деятельности (рис. 1). Основным «донором» занятого населения на протяжении длительного времени является сельское хозяйство, доля которого постоянно сокращается, тогда как доли других ведущих видов деятельности (с удельным весом занятых более 5%) преимущественно растут.

В этой связи заслуживает внимания тот факт, что единственным, помимо сельского хозяйства, видом деятельности, который в период 2010-2021 годов продемонстрировал сокращение удельного веса занятых, стала обрабатывающая промышленность, которая на протяжении многих лет является основным приоритетом развития большинства государственных программных документов, направленных на ее опережающий рост. Динамика удельного веса занятых в этом виде деятельности не позволяет сделать вывод о соответствии фактической ситуации в отрасли этим программам, так как произошло заметное снижение ее доли в численности занятых с 7% в 2010 году до 6,6% в 2021 году.

Рисунок 1. Удельный вес занятых по основным видам экономической деятельности Казахстана (более 5%) в 2010 и 2021 годах, %. [20]

В этой связи заслуживает внимания тот факт, что единственным, помимо сельского хозяйства, видом деятельности, который в период 2010-2021 годов продемонстрировал сокращение удельного веса занятых, стала обрабатывающая промышленность, которая на протяжении многих лет является основным приоритетом развития большинства государственных программных документов, направленных на ее опережающий рост. Динамика удельного веса занятых в этом виде деятельности не позволяет сделать вывод о соответствии фактической ситуации в отрасли этим программам, так как произошло заметное снижение ее доли в численности занятых с 7% в 2010 году до 6,6% в 2021 году.

Гипотеза о влиянии экономических шоков на занятость в отдельных видах деятельности и, как следствие, на структуру занятости может быть оценена путем сопоставления изменения удельного веса этих видов в общей численности занятых и в ВВП. Если тот или иной вид деятельности испытывал некие шоки или, напротив, получил дополнительный импульс к росту, это должно найти отражение в соответствующих изменениях его доли в ВВП. Влияние на условия функционирования отрасли (как положительные, так и отрицательные) должно также сопровождаться изменением ее удельного веса в занятости. В то же время, очевидно, что взаимосвязь между изменением удельного веса отрасли в ВВП и в занятости не является жестко детерминированной и

будет иметь существенные отличия в различных видах деятельности, отражающие, во-первых, различную степень их устойчивости к шокам и, во-вторых, специфику отраслевых рынков труда. В этой связи целесообразно рассмотреть изменение как показателей занятости, так и их взаимосвязь с удельных весов видов деятельности в ВВП Казахстана (таб.1).

Таблица 1. Изменение занятости по видам экономической деятельности в сопоставлении с изменением удельного веса соответствующих отраслей в ВВП в период 2010-2021 гг.

	Изменение численности занятых, тыс. чел.	Изменение удельного веса занятых, %	Изменение удельного веса отрасли в ВВП, %
Образование	303,8	26,4	18,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	227,7	9,3	34,6
Предоставление прочих видов услуг	210,2	161,7	144,4
Здравоохранение и социальное обслуживание населения	155,8	30,9	76,5
Промышленность	149,2	6,6	-10,6
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	120,1	58,2	-5,3
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	107,6	18,5	-9,5
Профессиональная, научная и техническая деятельность	98,0	52,6	-10,3
Транспорт и складирование	97,7	9,7	-17,5
Предоставление услуг по проживанию и питанию	85,8	67,3	0
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	84,2	32,2	-28,7
Финансовая и страховая деятельность	80,2	62,7	-19,4
Строительство	71,6	3,7	-24,7
Информация и связь	52,4	36,3	-22,6
Искусство, развлечения и отдых	44,6	37,8	50
Операции с недвижимым имуществом	29,4	11,6	-27,9
Водоснабжение; сбор, обработка и удаление отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	26,9	35,2	0
Обрабатывающая промышленность	20,0	-4,6	21,2
Снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом	18,0	4,7	-16,7
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	-1118,5	-52,8	13,3

Источник: составлено по [20; 21].

Представленные в таблице 1 данные ожидаемо демонстрируют очень значительные отличия во взаимосвязи параметров изменения структуры занятости и структуры ВВП у различных видов экономической деятельности. Можно выделить, как минимум, три вида такой взаимосвязи. В первом случае имеется прямая зависимость между изменениями удельного веса отрасли в ВВП и изменениями параметров занятости в ней. Такими видами деятельности являются образование, торговля, здравоохранение, искусство, развлечения и отдых, у которых рост доли в ВВП сопровождался ростом доли занятых, что можно расценивать как свидетельство влияния экономических условий на занятость. В некоторых видах деятельности существенное увеличение занятости и рост ее доли не сопровождалось выраженными изменениями удельного веса в ВВП, то есть, отраслевые рынки труда росли вне зависимости от производственной динамики. Такими видами деятельности в период 2010-2021 годов стали промышленность в целом, деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания, государственное управление, профессиональная, научная и техническая деятельность, транспорт и складирование, обрабатывающая промышленность, строительство. Наконец, к третьей группе видов деятельности можно отнести те, которые демонстрируют разнонаправленные показатели существенного изменения удельного веса в ВВП и в занятости, то есть, выраженную отрицательную взаимосвязь между экономическими условиями и изменением занятости. К этой группе относятся, в частности, два вида деятельности с отрицательным изменением удельного веса занятых (на фоне роста доли в ВВП) – сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, а также горнодобывающая промышленность, финансы, информация и связь, операции с недвижимостью и некоторые другие.

Таким образом, даже на достаточно длительном временном интервале большая часть видов экономической деятельности в Казахстане продемонстрировала отсутствие значимого влияния условий деятельности на изменение структуры занятости, что можно интерпретировать как устойчивость соответствующих отраслевых рынков труда как к шоковым воздействиям, так и к благоприятным факторам их функционирования. Если рассмотреть взаимосвязь между изменением удельных весов видов деятельности в ВВП и в занятости через расчет коэффициентов корреляции между соответствующими динамическими рядами данных 2010-2021 годов, можно уточнить степень зависимости ситуации на отраслевых рынках труда от экономических условий их функционирования (рис.2).

Рисунок 2. Коэффициенты корреляции между удельными весами видов экономической деятельности в ВВП и в численности занятых в период 2010-2021 годов. [20; 21].

Как видно из приведенных данных, фактически в Казахстане только четыре вида деятельности из шестнадцати значимых (с долей в ВВП более 1%) имеют высокую корреляцию между долей в общей численности занятых и долей в ВВП, то есть, отличаются выраженной зависимостью занятости от объема генерирования добавленной стоимости. У остальных видов деятельности коэффициент корреляции либо небольшой, ниже 0,5, что свидетельствует от отсутствия такой взаимосвязи, либо высокий отрицательный (у четырех видов деятельности). В последнем случае имеет место обратная зависимость между занятостью и экономическими результатами соответствующего вида деятельности, что может объясняться различными особенностями – от наличия длительного лага между показателями деятельности и занятости, искажающего корреляцию, до реальной обратной зависимости между этими результатами, которые могут быть обусловлены как отраслевой спецификой занятости, так и некими субъективными факторами. Так или иначе, приведенные выше данные демонстрируют, что в Казахстане в большинстве видов экономической деятельности статистика занятости не в полной мере корреспондируется с результатами производственной деятельности.

Это может объясняться тем, что реакция показателей занятости на изменение отраслевых экономических условий отличается в различных видах деятельности, в некоторых из которых она имеет достаточно длительные

лаги, что обуславливает искажение показателей корреляции, рассчитанной на основе годовых значений соответствующих индикаторов. Это значит, что, как реакция на шоки, так и скорость посткризисного восстановления (либо реакция на положительные факторы отраслевого роста) отличается в различных видах экономической деятельности. Также существуют и особенности реакции отраслевых рынков труда в различные периоды, обусловленные характером и силой действия факторов на отраслевые экономические условия.

Более полное представление о реакции рынков труда отдельных видов деятельности на экономическую ситуацию можно, на наш взгляд, получить, исследуя более оперативные и чувствительные показатели занятости отраслевого характера. Такие показатели содержатся в данных о движении рабочей силы, которые составляются на основании отчетов всех предприятий и организаций, за исключением малых предприятий, с численностью не более 50 человек. Эти данные, хотя отличаются меньшим охватом (численность представленных в них работников примерно в два раза ниже общего количества занятого населения), имеют более детальную отраслевую разбивку и позволяют вычислить изменение численности занятых за один год для каждого вида деятельности. Изменение списочной численности занятых на основе этих данных зачастую демонстрирует отрицательные значения, тогда как рассмотренные выше показатели общего количества занятых практически постоянно растут. Соответственно, данные о списочной численности занятых можно признать более точными, что повышает и корректность оценок ситуации на отраслевых рынках труда, полученных на их основе.

В целях оценки влияния экономических факторов, действующих на рынок труда в периоды их повышенной волатильности, представляется целесообразным проанализировать изменение списочной численности работников по основным видам экономической деятельности в течение нескольких последних лет, отличающихся явно выраженной турбулентностью, в том числе, по причине воздействия внешних факторов. В качестве таких лет нами выбраны 2015 год (год сильного падения мировых цен на нефть и резкого торможения роста экономики Казахстана), 2019 год (год роста нефтяных цен и максимального за последние восемь лет роста ВВП) и 2020 год (год пандемии и сильнейших шоков для казахстанской экономики). Для оценки влияния как негативных, так и позитивных факторов на занятость в основных видах деятельности были сопоставлены показатели изменения списочной численности занятых и изменения объемов производства товаров и услуг в этих видах (таблица 2). Кроме того, было подсчитано количество видов деятельности, в которых объемы производства и численность работников изменялись в одном направлении (росли или снижались) с тем, чтобы оценить влияние экономической динамики на отраслевые рынки труда.

Таблица 2. Сопоставление изменения списочной численности работников и объемов производства товаров и услуг по видам экономической деятельности Казахстана в отдельные годы, %, если не указано иное.

	2015			2019			2020		
	Изменение численности работников	Изменение объема производства	Совпадение направления изменения (+)	Изменение численности работников	Изменение объема производства	Совпадение направления изменения (+)	Изменение численности работников	Изменение объема производства	Совпадение направления изменения (+)
Всего / Изменение ВВП	0,0	1,2		0,6	4,5		-1,0	-2,5	
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	-2,2	3,5		-5,2	-0,1	+	-0,9	5,9	
Промышленность	-4,3	-1,4	+	-1,3	4,1		-2,0	-0,5	+
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	-5,8	-2,5	+	-0,5	3,1		-3,3	-4,0	+
Обрабатывающая промышленность	-5,0	0,2		-1,5	5,8		-1,6	4,0	
Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	-2,1	-1,5	+	-1,1	0,6		-0,9	-0,1	+
Водоснабжение; канализационная система, контроль над сбором и распределением отходов	2,8	-9,9		-3,7	6,7		-1,8	-2,6	+
Строительство	-3,3	4,4		-0,3	13,2		-13,5	11,6	
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	-2,7	0,5		1,9	7,1	+	-0,4	-3,3	+
Транспорт и складирование	-0,2	5,7		-0,3	5,4		-2,1	-22,7	+
Услуги по проживанию и питанию	-7,1	4,7		-0,7	3,1		-18,6	-19,1	+
Информация и связь	-0,2	4,2		0,4	4,5	+	0,1	10,5	+
Финансовая и страховая деятельность	2,3	2	+	2,3	0,8	+	-5,1	1,1	
Операции с недвижимым имуществом	2,1	2,9	+	-1,5	2,0		-2,3	0,0	

	2015			2019			2020		
	Изменение численности работников	Изменение объема производства	Совпадение направления изменения (+)	Изменение численности работников	Изменение объема производства	Совпадение направления изменения (+)	Изменение численности работников	Изменение объема производства	Совпадение направления изменения (+)
Профессиональная, научная и техническая деятельность	1,4	4,7	+	0,1	1,4	+	0,9	-5,1	
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	-3,3	4,1		-6,8	2,2		-5,3	-4,5	+
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	3,8	4,2	+	-0,3	8,4		0,9	1,4	+
Образование	2,1	2,3	+	1,9	6,5	+	0,9	5,6	+
Здравоохранение и социальные услуги	2,6	2,8	+	4,7	1,9	+	3,2	3,7	+
Искусство, развлечения и отдых	1,5	8,1	+	-1,5	0,3		-1,7	3,4	
Количество совпадений			10 (53%)			7 (37%)			12 (63%)

Источник: составлено по [22].

Представленные в таблице 2 данные позволяют сделать следующие выводы о влиянии экономических факторов (прежде всего, негативного характера) на занятость на уровне макроотраслей:

1. В годы негативного влияния внешних шоков (2015 и 2020) взаимосвязь между экономическими результатами и изменением численности занятых в Казахстане была более выраженной, причем эта взаимосвязь была тем сильнее, чем сильнее были экономические шоки и их негативное влияние на экономику. Если в благополучном 2019 году только в 37% видов деятельности наблюдалось однонаправленное изменение объемов производства и занятости, то в 2015 году (когда рост ВВП был стагнирующим) таких совпадений было уже больше половины, а в 2020 году (году экономического спада) их стало 63%.

2. В отдельных видах деятельности взаимосвязь между экономическими результатами и занятостью практически отсутствует, что позволяет охарактеризовать данные отраслевые рынки труда как устойчивые к воздействию как шоков, так и позитивных факторов. К таким видам деятельности относятся сельское хозяйство; обрабатывающая промышленность; электроснабжение,

подача газа, пара и воздушное кондиционирование; транспорт и складирование; операции с недвижимым имуществом: во всех этих видах деятельности численность занятых снижалась как в плохие, так и в хорошие годы. В некоторых видах деятельности наблюдалось сильное расхождение между экономическими результатами и изменением численности занятых, наиболее выраженными такие расхождения были в строительстве, где фиксировалось снижение численности работников при неизменно высоких показателях роста объемов производства.

3. Только в двух видах деятельности (образование и здравоохранение) в каждом из трех рассмотренных годов наблюдалось однонаправленное изменение объемов производства и численности занятых, при этом в обоих случаях эти показатели были положительными, что свидетельствует о повышенной устойчивости этих видов деятельности и отраслевых рынков труда к внешним шокам, обеспечиваемой их стабильным финансированием преимущественно из средств государственного бюджета. Также можно отметить, что агрегированные показатели на уровне национальной экономики в целом – ВВП и изменение совокупной численности занятых – также во все рассмотренные годы было однонаправленным, что свидетельствует о наличии влияния экономических факторов на занятость на макроуровне.

4. Наиболее сильная уязвимость отраслевых рынков труда к внешним шокам 2015 и 2020 годов, выражающаяся в сильном снижении занятости на фоне сильного снижения объемов производства отмечалась в таких видах деятельности, как горнодобывающая промышленность и услуги по проживанию и питанию, что позволяет рассматривать занятость в этих отраслях как наиболее подверженную влиянию шоковых воздействий.

Сопоставление изменения списочной численности работников и изменения объемов производства по видам экономической деятельности Казахстана позволяет также сделать вывод о том, что влияние внешних шоков и, в целом, высокой турбулентности экономических условий имеет ограниченный характер, оказывая заметное влияние на движение рабочей силы только в узком круге отраслей. То есть, даже сильное воздействие очень значимых факторов обуславливает несущественные сдвиги в структуре занятости.

Для уточнения причин этого явления и определения влияния экономических условий на ситуацию на рынке труда нами также были проанализированы изменения параметров заработной платы в видах деятельности с максимальным снижением и ростом списочной численности занятых в те же годы. Рассматривалось два параметра – изменение средней заработной платы по отрасли в течение года и соотношение средней заработной платы в отрасли со средней заработной платой по Казахстану (на декабрь). В ходе анализа предполагалось установить взаимосвязь между изменением условий оплаты труда (которое может являться следствием действия экономических факторов, специфических для отрасли) и изменением списочной численности занятых. То есть, низкий рост зарплаты меньшими, по сравнению со средними, темпами, а

также ее заниженный размер относительно среднего по стране показателя, гипотетически, должны обуславливать более интенсивное вымывание рабочей силы из соответствующего вида деятельности. Напротив, более интенсивный рост зарплат и их уровень выше среднего, предположительно, должен сопровождаться притоком рабочей силы в соответствующие виды деятельности. В таблице 3 представлены результаты проведенных расчетов по группам видов деятельности с максимальным сокращением и ростом численности работников в 2015, 2019 и 2020 годах со средними показателями динамики заработной платы и ее соотношения с аналогичным параметром для Казахстана. В разные годы состав отраслей менялся, так же, как и их количество (от трех до пяти), критерием отнесения видов деятельности к соответствующим группам было значительное отклонение их показателей от среднего уровня.

Таблица 3. Средние значения изменения списочной численности работников, изменения средней заработной платы и соотношения отраслевой зарплаты с ее средним размером для видов деятельности с максимальным и минимальным изменением численности занятых в отдельные годы.

	2015		2019		2020	
	Отрасли с максимальным сокращением численности работников	Отрасли с максимальным приростом численности работников	Отрасли с максимальным сокращением численности работников	Отрасли с максимальным приростом численности работников	Отрасли с максимальным сокращением численности работников	Отрасли с максимальным приростом численности работников
Изменение зарплаты в течение года, %	28,6	22,2	23,3	33,4	18,7	33,1
Соотношение зарплаты в отрасли со средней (декабрь), %	126,4	74,2	50,3	80,7	93,4	74,9
Изменение численности работников в течение года, %	-4,8	3,0	-5,3	2,7	-10,6	1,5

Источник: расчеты автора по [23].

Указанные выше предположения о наличии взаимосвязи между параметрами оплаты труда и движением рабочей силы в указанные годы можно считать подтвержденными лишь отчасти. Только в 2019 году такие взаимосвязи проявились – в видах деятельности с максимальным сокращением списочной численности работников рост зарплаты был заметно ниже, чем в отрас-

лях с увеличением этой численности, а размер средней зарплаты был почти вдвое ниже среднего по Казахстану уровня. Но даже в этом году уровень средней зарплаты в видах деятельности с максимальным увеличением численности занятых был ниже среднего уровня. В 2015 году наблюдался полный диссонанс между изменением занятости и оплатой труда. В отраслях с максимальным снижением численности персонала размер оплаты труда существенно превышал средний уровень по Казахстану, тогда как в отраслях с притоком персонала он, напротив, значительно уступал этой величине. Средний темп роста зарплаты в течение года также был выше в отраслях, перенесших значительный спад численности занятых, чем в отраслях, где наблюдался их прирост. То есть, по всем параметрам, связанным с оплатой труда, в 2015 году ситуация была значительно хуже в тех видах деятельности, где был зафиксирован существенный рост списочной численности занятых. В 2020 году, году не просто сильнейшего кризиса, но кризиса, избирательно поразившего отдельные отрасли (торговлю, транспорт, горнодобывающую промышленность), также не обнаруживается явно выраженной взаимосвязи между параметрами оплаты труда и движения рабочей силы. Отрасли с сильным сокращением численности работников (а в 2020 году это сокращение было особенно резким) имели меньшие темпы роста зарплаты в течение года, но они оставались положительными и незначительно отличались от средних по стране (18,7% против 23,3%). При этом в этих отраслях соотношение зарплаты со средним для Казахстана уровнем было существенно выше, чем в отраслях, где отмечалось увеличение численности работников, то есть, был выше и ее средний уровень. Проведенный анализ в данном случае демонстрирует отсутствие взаимосвязи между движением рабочей силы (которое непосредственно влияет на изменение структуры занятости) и параметрами оплаты труда в периоды влияния на экономику Казахстана сильных внешних шоков (в частности, в 2015 и 2020 годах). Наличие же такой взаимосвязи в благополучном 2019 году может трактоваться как проявление большей активности наемных работников к смене рабочих мест в период экономического роста и опережающего развития некоторых отраслей, которые становятся своего рода магнитами для рабочей силы. В кризисные же периоды, характеризующиеся сжатием спроса на рабочую силу, наемные работники, очевидно, предпочитают не столько искать новые возможности трудоустройства, сколько сохранить имеющиеся рабочие места, даже в условиях ухудшения параметров оплаты труда.

Выводы

В целом, подводя итог проведенному анализу изменения структуры занятости населения Казахстана в периоды влияния на экономику внешних шоков можно сделать следующие выводы:

- отраслевая структура занятости Казахстана отличается низкой эластичностью и в течение последнего десятилетия изменялась незначительно, за

исключением поступательного и значительного сокращения удельного веса сельского хозяйства;

- влияние экономических условий функционирования тех или иных видов деятельности оказывало слабо выраженное воздействие на структуру занятости, так как занятость росла во всех макроотраслях, невзирая на рост или снижение их удельного веса в ВВП, а выраженная корреляция между удельным весом в занятости и удельным весом в ВВП наблюдается только в четырех крупных видах деятельности из шестнадцати;

- влияние внешних шоков на удельный вес занятости даже в наиболее подверженных им видах деятельности носит либо ограниченный характер, снижая его в меньшем размере по сравнению со снижением удельного веса отрасли в ВВП (примером является горнодобывающая промышленность), либо имеет временный эффект с быстрым посткризисным восстановлением (примером являются финансы);

- некоторые крупные виды деятельности демонстрируют высокую устойчивость к внешним шокам, что выражается в отсутствии реакции показателей занятости на эти шоки, главным образом, благодаря устойчивому государственному финансированию (образование, здравоохранение); как следствие, эти виды занятости демонстрируют постоянный рост доли в ВВП, сопровождающийся устойчивым ростом доли в занятом населении, а наличие этих трудоемких «якорных» отраслей повышает и устойчивость структуры занятости в целом;

- в периоды сильных внешних шоков взаимосвязь между экономическими результатами отраслей и показателями занятости усиливается, в благоприятные периоды – снижается; действие сильных шоков на те или иные виды деятельности активизирует вымывание рабочей силы, тогда как в благополучные годы такая взаимосвязь нарушается;

- влияние изменения показателей оплаты труда на движение рабочей силы и, соответственно, на изменение отраслевой структуры занятости в периоды сильных внешних шоков незначительно, что подтверждает выводы об их умеренном воздействии на изменение занятости в отдельных видах деятельности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет характеризовать казахстанский рынок труда как достаточно устойчивый к негативному воздействию внешних шоков, что выражается в несущественных изменениях отраслевой структуры занятости и достаточно быстром ее восстановлении в посткризисные периоды.

* * *

Статья подготовлена в рамках ГФ АР09260584 «Реструктуризация занятости населения Казахстана в условиях социально-экономической напряженности». Источник финансирования: Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Список литературы

1. Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 5.05.2022).
2. Индекс физического объема ВВП методом производства. Статистика национальных счетов. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/6> (дата обращения: 5.05.2022).
3. Итоги развития сферы сельского хозяйства за 2021 год и планы на предстоящий период. Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. 17.02.2022. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/itogi-razvitiya-sfery-selskogo-hozyaystva-za-2021-god-i-plany-na-predstoyashchiy-period-22422> (дата обращения: 5.05.2022).
4. Индексы физического объема розничной торговли. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/17/statistic/6> (дата обращения: 5.05.2022).
5. Основные показатели работы транспорта в Республике Казахстан. Январь-март 2022. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/18/statistic/5> (дата обращения: 5.05.2022).
6. Итоги работы промышленности в январе-марте 2022 года. Экспресс-информация, 12.04.2022. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/151/statistic/6> (дата обращения: 5.05.2022).
7. COVID-19 and labour statistics. Labour market impacts. ILOStat, International Labour Organization, Last update on 17APR22. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/covid-19/> (дата обращения: 5.05.2022).
8. Bartik, A.W., Bertrand, M., Lin, F., Rothstein, J. and Unrath, M. (2020), Measuring the labor market at the onset of the COVID-19 crisis, NBER Working Paper No. 27613 July.
9. Borland, J. and Charlton, A. (2020), The Australian Labour Market and the Early Impact of COVID-19: An Assessment. *The Australian Economic Review*, 53: 297-324. <https://doi.org/10.1111/1467-8462.12386>.
10. Cajner, T., Crane, L. D., Decker, R. A., Grigsby, J., Hamins-Puertolas, A., Hurst, E., Kurz, C., & Yildirmaz, A. (2020), The U.S. Labor Market during the Beginning of the Pandemic Recession. Working Paper 27159, National Bureau of Economic Research.
11. Webster, A., Khorana, S., Pastore, F. (2021). The Labour Market Impact of COVID-19: Early Evidence for a Sample of Enterprises from Southern Europe. IZA DP No. 14269, April 2021.
12. Lariou, A., Qian Liu, L. Inequality in the Spanish Labor Market during the COVID-19 Crisis. IMF Working Paper, 22/18. January 2022.
13. Chivu, L., Georgescu, G. (2021). Employment and labour market vulnerabilities during COVID-19: The case of Romania. Romanian Academy, National Institute for Economic Research, Bucharest. Working Papers No. 210325. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/233969>
14. Seemann A, Becker U, He L, Maria Hohnerlein E, Wilman N. Protecting livelihoods in the COVID-19 crisis: A comparative analysis of European labour market and social policies. *Global Social Policy*. 2021; 21(3):550-568. Doi: 10.1177/14680181211019281.
15. Albanesi, S., Kim, J. 2021. Effects of the COVID-19 Recession on the US Labor Market: Occupation, Family, and Gender. *Journal of Economic Perspectives*, 35 (3): 3-24. DOI: 10.1257/jep.35.3.3.
16. Петрова В.А. Рынок труда и безработица в условиях пандемии COVID-19. *Экономика и социум*. 2021. № 10 (89). С. 960-963.
17. Давлетшина Л.М., Зайнуллина М.Р. Влияние экономических кризисов на структуру промышленности Российской Федерации. *Казанский экономический вестник*. 2021. № 5 (55). С. 5-11.
18. Иванова Н.А. Занятость населения и проблемы формирования ее инновационного типа в период экономической нестабильности. *Инновационная деятельность*. 2012. № 3 (21). С. 17-26.
19. Альшанская А.А. Влияние коронакризиса на состояние рынка труда в Казахстане. *Казахстан-Спектр*. 2021. Т. 98. № 2. С. 73-82.
20. Занятое население по основным видам экономической деятельности.

- Статистика труда и занятости. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/7> (дата обращения: 1.06.2022).
21. Структура ВВП методом производства. Статистика национальных счетов. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/6> (дата обращения: 24.05.2022).
 22. Движение рабочей силы и использование календарного фонда времени наемными работниками в Республике Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/5> (дата обращения: 5.06.2022).
 23. Среднемесячная заработная плата по оценке в Республике Казахстан. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/8> (дата обращения: 5.06.2022).

References

1. Osnovnyye sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli Respubliki Kazakhstan. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz>.
2. Indeks fizicheskogo ob'yema VVP metodom proizvodstva. Statistika natsional'nykh schetov. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/6>.
3. Itogi razvitiya sfery sel'skogo khozyaystva za 2021 god i plany na pred-stoyashchiy period. Ofitsial'nyy informatsionnyy resurs Prem'yer-ministra Respubliki Kazakhstan. 17.02.2022. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/itogi-razvitiya-sfery-selskogo-hozyaystva-za-2021-god-i-plany-na-predstoyashchiy-period-22422>.
4. Indeksy fizicheskogo ob'yema roznichnoy trgovli. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/17/statistic/6>.
5. Osnovnyye pokazateli raboty transporta v Respublike Kazakhstan. Yanvar'-mart 2022. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/18/statistic/5>.
6. Itogi raboty promyshlennosti v yanvare-marte 2022 goda. Ekspres-informatsiya, 12.04.2022. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/151/statistic/6>.
7. COVID-19 and labour statistics. Labour market impacts. ILOStat, International Labour Organization, Last update on 17APR22. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/covid-19>.
8. Bartik, A.W., Bertrand, M., Lin, F., Rothstein, J. and Unrath, M. (2020), Measuring the labor market at the onset of the COVID-19 crisis, NBER Working Paper No. 27613 July.
9. Borland, J. and Charlton, A. (2020), The Australian Labour Market and the Early Impact of COVID-19: An Assessment. *The Australian Economic Review*, 53: 297-324. <https://doi.org/10.1111/1467-8462.12386>.
10. Cajner, T., Crane, L. D., Decker, R. A., Grigsby, J., Hamins-Puertolas, A., Hurst, E., Kurz, C., & Yildirmaz, A. (2020), The U.S. Labor Market during the Beginning of the Pandemic Recession. Working Paper 27159, National Bureau of Economic Research.
11. Webster, A., Khorana, S., Pastore, F. (2021). The Labour Market Impact of COVID-19: Early Evidence for a Sample of Enterprises from Southern Europe. IZA DP No. 14269, April 2021.
12. Lariau, A., Qian Liu, L. Inequality in the Spanish Labor Market during the COVID-19 Crisis. IMF Working Paper, 22/18. January 2022.
13. Chivu, L., Georgescu, G. (2021). Employment and labour market vulnerabilities during COVID-19: The case of Romania. Romanian Academy, National Institute for Economic Research, Bucharest. Working Papers No. 210325. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/233969>
14. Seemann A, Becker U, He L, Maria Hohnerlein E, Wilman N. Protecting livelihoods in the COVID-19 crisis: A comparative analysis of European labour market and social policies. *Global Social Policy*. 2021; 21(3):550-568. Doi: 10.1177/14680181211019281.
15. Albanesi, S., Kim, J. 2021. Effects of the COVID-19 Recession on the US Labor Market: Occupation, Family, and Gender. *Journal of Economic Perspectives*, 35 (3): 3-24. DOI: 10.1257/jep.35.3.3.
16. Petrova V.A. Rynok truda i bezrobotitsa v usloviyakh pandemii COVID-19. *Ekonomika i sotsium*. 2021. № 10 (89). pp. 960-963.

17. Davletshina L.M., Zaynullina M.R. Vliyaniye ekonomicheskikh krizisov na strukturu promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii. Kazanskiy ekonomicheskiy vestnik. 2021. № 5 (55). pp. 5-11.
18. Ivanova N.A. Zanyatost' naseleniya i problemy formirovaniya yeye inno-vatsionnogo tipa v period ekonomicheskoy nestabil'nosti. Innovatsionnaya deyatel'nost'. 2012. № 3 (21). pp. 17-26.
19. Al'shanskaya A.A. Vliyaniye koronakrizisa na sostoyaniye rynka truda v Kazakhstane. Kazakhstan-Spektr. 2021. T. 98. № 2. Pp. 73-82.
20. Zanyatoye naseleniye po osnovnym vidam ekonomicheskoy deyatel'nosti. Statistika truda i zanyatosti. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/7>.
21. Struktura VVP metodom proizvodstva. Statistika natsional'nykh schetov. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/6>.
22. Dvizheniye rabochey sily i ispol'zovaniye kalendarnogo Fonda vremeni nayemnymi rabotnikami v Respublike Kazakhstan. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/5>.
23. Srednemesyachnaya zarabotnaya plata po otsenke v Respublike Kazakhstan. Byuro natsional'noy statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazakhstan. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/8>.

Об авторе

Додонов Вячеслав Юрьевич, видный авторитетный ученый, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, родился 31 июля 1967 года в г. Алма-Ата, Казахской ССР.

Вся научная и профессиональная деятельность Вячеслав Юрьевича связана с исследованиями ключевых проблем макроэкономики, закономерностей и проблем развития мировой экономики, глобальных финансовых, нефтяных рынков, конку-

рентоспособности национальной экономики.

Его путь в экономической науке начался в стенах Алма-Атинского института народного хозяйства, имевшего огромную роль в подготовке экономистов высшей квалификации для КазССР. А после успешного окончания института профессиональная деятельность продолжилась в высшей академической среде Института экономики Академии наук КазССР. В разные годы В.Ю. Додонов вел активную научную и экспертную деятельность в различных ведущих аналитических центрах страны.

В своих многочисленных трудах он исследует и поднимает актуальные проблемы функционирования и развития социально-экономической системы, в том числе проблемы государственного регулирования экономики, устойчивости финансово-валютных рынков, обеспечения экономической безопасности и многие др.

Высокий уровень знаний и профессионализм снискали Вячеслав Юрьевичу глубокое уважение и признание не только среди сообщества экономистов, но и в целом широкого экспертного поля далеко за пределами страны. К его экспертному мнению проявляют интерес многие зарубежные коллеги, интересующиеся различными аспектами экономики и внешнеэкономической политики Казахстана.

Вклад автора в развитие казахстанской экономической науки был отмечен различными ведомственными медалями и грамотами, а в 2021 году Вячеслав Юрьевич был награжден высокой государственной наградой – орденом «Құрмет».

В текущем году **Додонов Вячеслав Юрьевич** отпраздновал свой **55-летний юбилей!** Коллектив Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК высоко ценит вклад Вячеслав Юрьевича в дело процветания и устойчивого развития Казахстана и желает юбиляру долгих, активных и творчески наполненных лет жизни!!!

МРНТИ:
04.41.61

МОЛОДЕЖЬ В КАЗАХСТАНСКОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Жанна Каримова

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор социологии, (Казахстан, Астана), e-mail: karimova_zh@kisi.kz

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-3.01>

Аннотация. В статье на основе анализа актуальных статистических и иных данных выявлены сдерживающие факторы развития национальной системы подготовки молодых научных кадров. С учетом современной мировой практики в области подготовки научных кадров обозначены перспективные направления развития и предложены меры, направленные на привлечение молодежи в науку.

Ключевые слова: наука, молодежь в науке, подготовка научных кадров

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҒЫЛЫМДАҒЫ ЖАСТАР: МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ПЕРСПЕКТИВАЛАРЫ

Жанна Кәрімова

ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ бас ғылыми қызметкері, әлеуметтану докторы (Қазақстан, Астана), karimova_zh@kisi.kz

Аңдатпа. Мақалада тиісті статистикалық және басқа да деректерді талдау негізінде еліміздегі жас ғылыми кадрларды даярлаудың ұлттық жүйесін дамытудың тежеуші факторлары анықталған. Ғылыми кадрларды даярлау саласындағы заманауи әлемдік тәжірибені ескере отырып, дамудың перспективалық бағыттары белгіленіп, жастарды ғылымға тартудың тиімді тетіктері ұсынылған.

Түйінді сөздер: ғылым, ғылымдағы жастар, ғылыми кадрлар даярлау

YOUTH IN KAZAKHSTAN SCIENCE: PROBLEMS AND PROSPECTS

Zhanna Karimova

Chief Research Fellow of the KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Sociology (Kazakhstan, Astana), e-mail: karimova_zh@kisi.kz

Abstract. Based on the analysis of statistical and other relevant data, the constraining factors for the development of the national system for training young scientific personnel are identified. Given the world practices in the field of training scientific personnel, promising areas of development are outlined and measures aimed at attracting young people to science are proposed.

Keywords: *science, youth in science, training of scientific personnel*

Введение

Развитие научного и креативного потенциала молодежи является одним из ключевых приоритетов государственной молодежной политики. В условиях глобальной конкуренции за лучшие умы задача по возвращению и развитию собственного поколения молодых ученых приобретает стратегическую значимость, далеко выходящую за пределы приоритетов сугубо отраслевого развития.

Тем временем, в сфере развития кадрового потенциала казахстанской науки остается ряд нерешенных вопросов. Слабый приток молодежи в науку на фоне активного старения научных кадров и их дефицита в отдельных отраслях требует изучения и принятия эффективных управленческих решений.

Методология исследования. Представители современной французской социологической школы все чаще подчеркивают эпистемологическую значимость двуединого применения макро- и микросоциологического подходов к изучению социальных феноменов. В числе таковых следует отметить научные труды Жан- Юга Дешо [1], Франсуа Дюбэ [2], Лоранс Тэн [3], Ники Ле Февр [4], Эмманюэль Сантелли [5] и др. В частности, в этих работах отмечается важность анализа, при изучении социальных феноменов, как структурных условий (контекста), так и воздействия агентивности акторов. Данная задача предъявляет определенные требования к методологии исследования, нуждаясь в широком применении так называемых качественных методов и междисциплинарного инструментария.

В рамках настоящей статьи акцент делается на анализе структурных условий изучаемого явления. В частности, на основе вторичного анализа статистических сведений и результатов социологических исследований обозначены структурные условия, препятствующие плавному межпоколенческому замещению научных кадров и в конечном итоге способствующие формиро-

ванию серьезных дисбалансов в структуре контингента научных организаций страны. Использование методов сравнительного исследования позволяет посредством сопоставления ключевых индикаторов развития выявить слабые стороны национальной системы подготовки научных кадров и обозначить возможные пути их преодоления.

Анализ агентивности молодых ученых будет предпринят в рамках других научных публикаций и ограничивается выявлением отдельных тенденций на основе изучения результатов вторичного анализа отдельных социологических исследований и эконометрических данных.

Обсуждение основных результатов исследования

По результатам настоящего исследования в числе структурных условий, сдерживающих приток молодежи в науку, следует отметить региональные диспропорции развития научно-исследовательской инфраструктуры и ограничивающие подходы к администрированию системы подготовки молодых научных кадров.

Диспропорции инфраструктурного развития науки в разрезе регионов традиционно проявляются по линии периферия-центр. Наряду с дисбалансом технологического развития регионов, неравномерное распределение сети научно-исследовательских организаций по стране выступает барьером для молодежи, связывающей свое будущее с наукой. В частности, трудности возникают в связи с необходимостью переезда в другой регион с вытекающими потребностями в жилье и других условиях.

Несмотря на то, что количество научно-исследовательских организаций за последние десятилетия существенно увеличилось, диспропорции в распределении сети сохранились. Так, по данным БНС АСПиР РК по состоянию на конец 2021 года, в республике научными исследованиями и разработками в 2021 году было занято 438 организаций. За последние 20 лет их количество увеличилось на 181 единицу. Основным научным центром страны традиционно выступает город Алматы, где сконцентрировано наибольшее число организаций, осуществляющих НИОКР (139 ед.). Вместе с тем, активными темпами развивается и научный потенциал столицы. Так, если за последние 20 лет количество работников, осуществляющих НИОКР, увеличилось на 6 861 человек, то из них 3 380 чел. или 49,3 % пришлось на г. Нур-Султан (ныне – Астана). Тем временем, в трех регионах страны в 2000-2021 годы произошла убыль численности работников, занятых НИОКР: в Актюбинской (-159 чел.), Карагандинской (-139 чел.) и Северо-Казахстанской (-27 чел.) областях.

Половозрастной дисбаланс контингента организаций, занятых НИОКР, характеризуется низким потенциалом замещения ученых-исследователей старше 55 лет молодыми кадрами до 25 и 35 лет, а также сохранением признаков гендерной сегрегации в науке.

Проявление гендерной сегрегации горизонтального типа ярко демонстрирует статистика распределения численности работников, занятых НИОКР, по

отраслям наук. Несмотря на то, что в общей численности работников, осуществлявших НИОКР в 2021 году, преобладали женщины (11 583 чел. или 53,6 %), в сфере инженерных разработок и технологий доля женщин традиционно была ниже и составила 42,1% (для сравнения в области социальных наук – 65,5 %, медицинских – 68,2 %).

Гендерная сегрегация вертикального типа проявляется при анализе квалификационного состава научных кадров. Так несмотря на то, что среди научных работников, занятых НИОКР в области медицинских наук, доля женщин в 2021 году достигала 68,2 %, в числе кадров со степенью доктора наук на долю женщин приходилось 49,8 %. Это указывает на то, что отдельные отрасли науки сохраняют статус «мужских бастионов» с преобладанием ученых-мужчин в высших эшелонах (среди докторов наук, докторов по профилю, академиков и членов-корреспондентов НАН РК).

Динамика межпоколенческого замещения научных кадров демонстрирует проблемы кадрового обеспечения науки в ближайшем будущем. По данным БНС АСПиР РК по состоянию на конец 2021 года из 21 617 человек, занятых НИОКР, 5 055 чел. относились к возрастной категории старше 65 лет, тогда как на долю молодых людей до 25 лет приходилось 1 260 чел. (табл. 1). При таком возрастном составе научных кадров значение коэффициента замещения достигает лишь 0,68. Это означает, что полноценного замещения научных кадров, выбывающих по естественным причинам, не происходит.

При сохранении нынешних темпов подготовки молодых научных кадров и присвоения им ученых степеней, не произойдет и замещения кадров высшей научной квалификации. По данным БНС АСПиР РК в 2021 году кадры высшей научной квалификации в стране представлены 594 докторами наук и 21 доктором по профилю старше 65 лет. Тем временем, в возрастной категории до 35 лет количество кандидатов наук и докторов философии PhD составило 37 и 547 человек, соответственно (табл. 1). При подобном раскладе коэффициент замещения кадров высшей квалификации составляет 0,98, что также указывает на отсутствие плавного восполнения естественной убыли в составе научных кадров в среднесрочной перспективе. В разрезе отдельных отраслей науки ситуация может быть более удручающей.

Таблица 1. Распределение численности работников, выполнявших научные исследования и разработки в 2021 году, по возрасту

	Всего	В том числе:		
		до 25 лет	25-54 года	старше 65 лет
Численность работников, осуществлявших НИОКР на конец отчетного года, всего	21 617	1 260	18 515	5 055
из них специалисты-исследователи	17 092	856	14 654	4 072

	Всего	В том числе:		
		до 25 лет	25-54 года	старше 65 лет
из них женщины	9 316	445	8 318	1 889
из них имеют ученую и академические степени	12 449	319	10 812	3 119
доктор по профилю	55	-	34	29
из них женщины	26	-	18	11
доктор философии (PhD)	1 952	-	1 925	124
из них женщины	991	-	985	51
доктор наук	1 652	-	1 058	1 186
из них женщины	682	-	521	431
кандидат наук	3 838	-	3 202	1 601
из них женщины	2 214	-	1 964	804
магистр	4 952	319	4 593	179
из них женщины	2 991	205	2 771	115

Источник: БНС АСПиР РК

На слабое замещение научных кадров указывают и результаты национальной переписи 2009 года. В частности, по данным переписи населения 2009 года в Казахстане было зафиксировано 24 242 обладателей ученой степени (17 506 кандидатов наук, 5 049 докторов наук и 1 687 докторов PhD). Так, на 10 тыс. населения в Казахстане приходилось порядка 15 человек с ученой степенью, тогда как в Швейцарии в аналогичный период этот показатель составлял 186 человек, в Германии – 93, в Швеции – 65, в России – 50, в Финляндии – 41, в Дании – 25, в США – 23, в Украине – 22, в Болгарии – 21.

Слабое замещение выбывающих по естественным причинам научных кадров обусловлено достаточно низкими темпами подготовки молодых ученых. Последнее, в свою очередь, можно объяснить целым рядом факторов, в числе которых: несбалансированность системы государственного заказа при отсутствии возможности обучения на платной основе; достаточно сложные в сравнении с международной практикой требования к присвоению ученых степеней; несоизмеримость временных и финансовых ресурсов, затрачиваемых на старте научной карьеры, с потенциальными выгодами (неконкурентные условия труда и низкий базовый оклад молодых научных сотрудников государственного сектора); трансформация ценностей образования и труда в среде молодежи, характеризующаяся доминированием ценностных ориентиров на материально обеспеченное будущее.

Из числа обозначенных барьеров к количественному и качественному замещению научных кадров особого внимания заслуживает *несбалансированность государственного заказа на подготовку молодых научных кадров*, которая проявляется в слабом притоке молодых в отдельные отрасли наук. Так, к примеру, в структуре государственного образовательного заказа на подготовку докторов PhD из 1 890 мест 446 – отведены на «Инженерные, обрабатывающие и строительные отрасли», 120 – на «Информационно-коммуникационные

технологии» и 63 – на «Сельское хозяйство и биоресурсы». В результате, уже сегодня отмечается нехватка молодых профессионалов в области здравоохранения и биомедицины, включая специалистов по медицинской генетике, фармако-геномике, эпидемиологии, био-информатике, биофизике, клеточной инженерии и др. [6].

В Казахстане система подготовки докторов PhD внедрена не так давно, а потому формы подготовки и программы докторантуры PhD, подходы к ее финансированию остаются недостаточно диверсифицированными. Тем временем, в международной практике формы финансирования докторантуры PhD во многом зависят от программы подготовки докторов. В частности, можно выделить следующие подходы:

1. *Государственный образовательный заказ.* Широко практикуется кластерная подготовка докторов PhD, подразумевающая финансирование групповых исследований докторантов по приоритетным направлениям экономики. В Норвегии, Швейцарии и Чехии широко распространена подготовка докторов PhD рамках междисциплинарных исследовательских групп, финансируемых за счет правительства в случае, если направление исследования является приоритетным для государства.

2. *Контракт с работодателем.* В целях развития наукоемкого бизнеса в США, Канаде, Германии, Франции, Нидерландах, КНР и по некоторым специальностям в Италии распространено финансирование подготовки докторов PhD за счет работодателей. Механизм финансирования на основе ГЧП осуществляется путем заключения трехстороннего контракта между докторантом PhD, работодателем и учредителем организации, на базе которой осуществляется подготовка. Основным условием финансирования выступает последующая отработка. Ярким примером подобных контрактов может быть Франция, где разработана единая форма контракта CIFRE (Conventions industrielles de formation par la recherche)¹ для подготовки докторов PhD. Контракт заключается между работодателем и потенциальным докторантом PhD, но субсидируется Министерством высшего образования и науки Франции. К 2027 году Министерство высшего образования и науки Франции ставит задачу по доведению количества докторантов-контрактников CIFRE до 2 150 человек в год.

3. *Коммерческая основа обучения для иностранцев и докторантов, обучающихся без отрыва от производства.* Это связано с тем, что в таких странах как США, Канада, Австралия и некоторых странах Западной Европы обучение иностранных студентов составляет значительную статью доходов вузов. Так, в Великобритании около 25% всех иностранных докторантов PhD обучается на коммерческой основе, тогда как в отношении граждан Великобритании этот показатель составляет 19%. В Университете Вашингтон (США) стоимость обучения в докторантуре PhD для иностранных студентов превышает стоимость обучения для резидентов страны.

¹ Индустриальные соглашения об образовании через исследования

4. *Финансовая поддержка докторантов PhD через различные гранты* (эндаумент-фонды, благотворительные фонды вузов и т.д.). К слову, состояние эндаумент-фонда Мичиганского университета в 2019 году оценивался в 12,44 млрд долларов США.

Таким образом, представляется важным создание условий для дальнейшей диверсификации программ и механизмов финансирования подготовки докторов PhD. В частности, в условиях индустриально-инновационного развития страны актуальной может быть кластерная подготовка докторов PhD в междисциплинарных группах, что позволит осуществлять целевую подготовку научных кадров для приоритетных отраслей экономики (нефть, энергетика и др.). Внедрение механизма финансирования докторантуры на основе ГЧП с привлечением работодателей способствует развитию наукоемкого бизнеса в стране. Предоставление для иностранцев возможности обучения на коммерческой основе способствует улучшению показателей интернационализации послевузовского образования в стране.

Сложности процедуры присвоения ученых степеней имеют результатом незначительные показатели защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора философии PhD по итогам обучения в 3-годичной докторантуре. Так, в 2020 году численность выпускников докторантуры PhD, завершивших обучение с защитой диссертации, составила 483 человека или 33,4% [7]. Это на 5,9 п.п. больше по сравнению с предыдущим годом. Отсев докторантов в период обучения лишь отчасти объясняет столь незначительные показатели защиты на выходе из докторантуры. Сдерживающим фактором служит и требование о наличии не менее 1 публикации в международном научном издании, имеющем по данным информационной базы компании ISI Web of Knowledge, Thomson Reuters ненулевой импакт-фактор или входящем в базу данных компании Scopus. Слабые навыки академического письма и недостаточные языковые компетенции докторантов в общей массе не позволяют им полностью соответствовать предъявляемым требованиям.

В мировой практике широко используется компетентностный подход к разработке содержания программ докторантуры PhD. Обучение докторантов PhD направлено на формирование двух принципиальных навыков: 1) проведение и организация научных исследований (знания в области методологии исследований, управления проектами, академического письма и др.); 2) развитие профессиональных компетенций (управление финансовыми, человеческими, временными ресурсами, лидерские качества, умение устанавливать научное сотрудничество и др.).

В Казахстане программы докторантуры PhD содержат образовательные кредиты (50 %), научно-исследовательскую работу (32 %), практику (10) и итоговую аттестацию (8 %). В этом контексте целесообразным видится сокращение академической и расширения компетентностной составляющей в содержании программ докторантуры PhD в пользу включения в них мероп-

приятий по развитию профессиональных навыков, необходимых для ученых (публикация научных статей в международных журналах, продвижение научных разработок, установление научного сотрудничества, написание научных проектов для получения грантов и т.д.).

Несоизмеримость личных инвестиций на старте научной карьеры, с потенциальными выгодами (неконкурентные условия труда и низкий базовый оклад молодых научных сотрудников государственного сектора), *выступает другим фактором, сдерживающим процесс вовлечения молодежи в науку.* В глазах молодежи время, затрачиваемое на обучение на старте научной карьеры (не менее 6 лет) и сопряженные с этим финансовые затраты при отсутствии государственной и иной поддержки выглядят несоизмеримыми с потенциальными выгодами. Так, например, в 2020 году среднемесячный размер заработной платы работников, выполнявших НИОКР, составил 152 тыс. тенге. При этом в государственном секторе среднемесячная заработная плата была практически в 2 раза ниже (161,1 тыс тенге), чем в предпринимательском секторе (310,2 тенге). Подобные различия отчасти объясняются применяемыми в стране подходами к структурированию расходов организаций на НИОКР. В 2021 году доля расходов на оплату труда научных сотрудников составила 47,9 % от общих затрат на НИОКР. Тем временем, по общемировым нормам финансирования сектора R&D фонд оплаты труда научных работников должен составлять ключевую статью расходов, выделяемых на научно-исследовательскую деятельность и разработки.

Слабая интеграция ценностей образования в систему ценностей молодежи – еще один не менее важный фактор, способствующий слабому притоку молодежи в науку. По данным мониторингового социологического исследования НИЦ «Молодежь» в 2022 году в системе ценностей молодежи знания и образование занимают пятую позицию (19,5 %), уступая устремлению молодежи к материально обеспеченной жизни (39,3 %). Ответы респондентов на вопрос с множественными вариантами ответов «*Что для Вас имеет наибольшую ценность в жизни?*» позволяют предположить, что в сознании молодежи получение образование не ассоциируется с возможностью последующей жизни в достатке. Иными словами, в глазах казахстанской молодежи образование не всегда выступает социальным лифтом, позволяющим повысить свой социальный статус. Более того, доминирование ценностей семьи и здоровья над образованием говорит о преобладании у молодежи так называемых ценностей выживания.

Заключение

Как показывают результаты исследования, ключевыми барьерами к постепенному межпоколенческому замещению научных кадров выступает слабый приток молодых кадров, обусловленный отдельными структурными ограничениями – дисбалансом инфраструктурного развития и недостатками администрирования национальной системы подготовки молодых кадров.

Проведенный анализ указывает на необходимость учета при планировании государственного заказа демографических изменений в структуре контингента научных организаций страны по отраслям, в разрезе территорий. Требуется оценки воздействия уже принятые управленческие решения в системе подготовки молодых кадров – требования к защите квалификационных работ, подходы к финансированию и определению содержания образовательных программ.

В целом, обозначенные тенденции развития научного потенциала молодежи требуют пристального внимания уполномоченного органа и эффективного разрешения в рамках межведомственного и межсекторального взаимодействия всех заинтересованных сторон.

Список источников

1. Dechaux Jean-Hugues, 2010, « Agir en situation : effets de disposition et effets de cadrage », *Revue française de sociologie* 2010/4 (Vol. 51), p. 720-746.
2. Dubet François, 1995, *Sociologie de l'expérience*, Paris, Seuil, p. 271
3. Le Feuvre Nicky, 2013, « Femmes, genre et sciences : un sexisme moderne ? », in Margaret MARUANI (dir.), *Travail et genre dans le monde*, La Découverte « Hors collection Sciences Humaines », pp. 419-427.
4. Tain Laurence, 2013, *Le corps reproducteur*, Rennes, Presses de l'EHESP.
5. Emmanuelle Santelli, 2019, « L'analyse des parcours. Saisir la multidimensionnalité du social pour penser l'action sociale », *Sociologie*, 2(2), pp. 153-171.
6. Национальный доклад по науке. – Нур-Султан; Алматы, 2021. – 250 с. – с. 211
7. Национальный доклад по науке. – Нур-Султан; Алматы, 2021. – 250 с. – с. 155

Reference

1. Dechaux Jean-Hugues, 2010, « Agir en situation : effets de disposition et effets de cadrage », *Revue française de sociologie* 2010/4 (Vol. 51), p. 720-746.
2. Dubet François, 1995, *Sociologie de l'expérience*, Paris, Seuil, p. 271
3. Le Feuvre Nicky, 2013, « Femmes, genre et sciences : un sexisme moderne ? », in Margaret MARUANI (dir.), *Travail et genre dans le monde*, La Découverte « Hors collection Sciences Humaines », pp. 419-427.
4. Tain Laurence, 2013, *Le corps reproducteur*, Rennes, Presses de l'EHESP.
5. Emmanuelle Santelli, 2019, « L'analyse des parcours. Saisir la multidimensionnalité du social pour penser l'action sociale », *Sociologie*, 2(2), pp. 153-171.
6. National report on science. – Nur-Sultan; Almaty, 2021. - 250 p. - With. 211 7.
7. National report on science. – Nur-Sultan; Almaty, 2021. - 250 p. - With. 155

KAZAKHSTAN YOUTH: DECLARED FAMILY VALUES AND REAL BEHAVIOUR

**Zhuldyzay Iskakova¹,
Nataliya Kalashnikova²,
Elmira Kaumenova³**

¹researcher of the L. Gumilyov ENU, Ph.D., Kazakhstan,
e-mail*: zhuldyzay89@gmail.com

²Head of the Assembly of People Department of the L. Gumilyov
ENU, Doctor of Political Sciences, Kazakhstan, e-mail:
nerush50@mail.ru

³Master of Science, Sociology and Social Research, Kazakhstan,
e-mail: elmira.kaumenova@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-3.02>

Abstract: In Kazakhstan, the number of studies on the values of youth has been growing in recent years. Most of them demonstrate a predominance of family values. Meanwhile, the country has a disturbing number of divorces, most of which fall on young families. In the following article, the authors attempt to find an explanation for the existing gap between declared values and actual behavior. For this purpose, the authors analyzed existing sociological studies related to youth. The authors conclude that people's responses in surveys may reflect cultural norms and, therefore, reproduce "ideal" behavior. What respondents claim in surveys can often differ from their true beliefs and views.

Keywords: *youth, family values, divorce, sociological research*

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ЖАСТАР: ОТБАСЫЛЫҚ ҚҰНДЫЛЫҚТАР МЕН ШЫНАЙЫ МІНЕЗ-ҚҰЛЫҚ

Жұлдызай Ысқақова¹, Наталья Калашникова², Эльмира Кауменова³

¹Л.Гумилев атындағы ЕҰУ зерттеушісі, PhD, Қазақстан
e-mail*: zhuldyzay89@gmail.com

²Л. Гумилев атындағы ЕҰУ ҚХА кафедрасының меңгерушісі, саясаттану
ғылымдарының докторы, Қазақстан, e-mail: nerush50@mail.ru

³Әлеуметтану және әлеуметтанушылық зерттеулер магистрі, e-mail: elmira.
kaumenova@gmail.com

Аңдатпа. Қазақстанда соңғы жылдары жастардың құндылықтары туралы зерттеулердің саны артып келеді. Олардың көпшілігі отбасылық құндылықтардың басымдығын көрсетеді. Ал, елімізде ажырасулар саны алаңдатарлық, оның басым бөлігі жас отбасылар арасында. Мақалада авторлар жарияланған құндылықтар мен нақты мінез-құлық арасындағы бар алшақтықты түсіндіруге тырысады. Осы мақсатта авторлар жастарға қатысты бар әлеуметтанулық зерттеулерге талдау жасады. Авторлар адамдардың сауалнамаға берген жауаптары мәдени нормаларды көрсетуі мүмкін, сондықтан «идеалды» мінез-құлықты жаңғыртуы мүмкін деген қорытындыға келеді. Сауалнамаларда респонденттердің айтқандары көбінесе олардың шынайы сенімдері мен көзқарастарынан өзгеше болуы ықтимал.

Түйінді сөздер: жастар, отбасылық құндылықтар, ажырасу, әлеуметтанулық зерттеу.

МОЛОДЕЖЬ КАЗАХСТАНА: ДЕКЛАРИРУЕМЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И РЕАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Жулдызай Искакова¹, Наталья Калашникова²,
Эльмира Кауменова³

¹ исследователь ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, PhD, e-mail*: zhuldyzay89@gmail.com

² заведующая кафедрой АНК ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, доктор политических наук, e-mail: nerush50@mail.ru

³ магистр наук, социологии и социологических исследований, e-mail: elmira.kaumenova@gmail.com

Аннотация. В Казахстане в последние годы растет количество исследований, посвященных ценностям молодежи. Большинство из них демонстрируют преобладание семейных ценностей. Между тем, в стране наблюдается тревожное количество разводов, большинство из которых приходится на молодые семьи. В статье авторы пытаются найти объяснение существующему разрыву между декларируемыми ценностями и реальным поведением. С этой целью авторы проанализировали существующие социологические исследования, связанные с молодежью. Авторы приходят к выводу, что ответы людей в опросах могут отражать культурные нормы и, следовательно, воспроизводить «идеальное» поведение. То, что респонденты утверждают в опросах, часто может отличаться от их истинных убеждений и взглядов.

Ключевые слова: молодежь, семейные ценности, развод, социологическое исследование.

Introduction

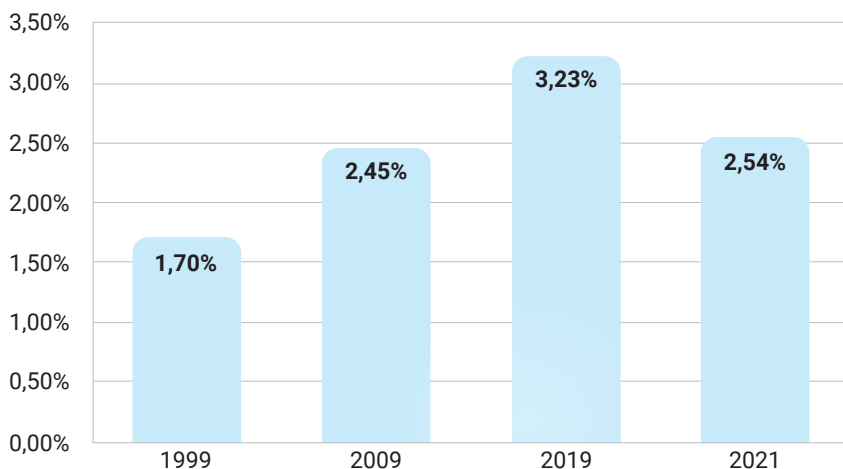
What are modern scholars say about Kazakhstani youth in terms of values? Foreign and local social scientists unanimously claim that the young generation is traditional and place family values on the top of their value hierarchy. For instance, famous social scientist Laruelle (2019) wrote, «The Nazarbayev Generation is quite conformist in its life goals: it believes in family values, marriage, having children, healthy living, and material comfort.» [1, p. 195]. Local experts indicate that Kazakhstani youth do not differ from their age mate from other countries. They value human rights, democracy, equality, good education, and security to some degree. But our youth differently sees life values and has another attitude toward family. The experts characterize them as leaning toward traditional attitudes such as family, marriage, and children [2].

Sociological findings in recent years have demonstrated practically one picture of values on a population level and among youth and young adults. Thus, the survey results by Friedrich-Ebert-Stiftung in 2020 showed that traditional family institution is sustainable, both among adults and among young people [2]. In that connection, integral parts of modern Kazakh society are intergenerational continuity, respect for elders and women, marriage, and family values [3]. In fact, young people get married in great numbers; only in 2017, 7.9 marriages were registered per 1000 inhabitants, which is higher than in most OECD countries [4]. In line with a 2020 survey, 73.1% of respondents indicated that they consider family to be the meaning of their lives. Unsurprisingly, the result is skewed toward females; 75.1% chose this option, whereas only half of the males had the same opinion [5]. However, the situation with the divorce rate in the country is disturbing.

As seen in Figure 1, starting from 2019, the divorce rate has a downtrend. The researchers pointed out that tough economic challenges, combined with the uncertainty created by Covid-19, impacted on separation rate causing critical reduction [4].

Remarkably, the separation rate among young couples does not perfectly fit into the paradigm of society with traditional family values. The age range between 25 and 29 is responsible for the country's most significant number of union dissolutions [6]. The considerable numbers of all splits occur during the first decade of marriage (61.5%), and the first four years of family life constitute a third of all divorces [7]. The findings from two waves of the World Values Survey (6 and 7 waves) showed that most Kazakhstani view divorce primarily in a negative light, considering it unacceptable. Throughout the waves, attitude indicators toward divorce remained their value. The average constituted 4.8 and 4.7, respectively. Compared with other countries, this indicator is considered average; the highest is Denmark - 8.7%, and the lowest among Central Asia countries is Kyrgyzstan - 2.2% [8].

Figure 1. Total divorce rate per 1000 people in Kazakhstan [9]

At the same time, a similar story is told by survey results exploring young people's attitudes toward divorce. The "Youth" Center 2018 demonstrated that the prevailing number of young adults viewed separation as an adverse event (76.6%). Among them, almost every second respondent stated about highly negative attitude, especially if a family with children. Meanwhile, 17.2% of participants indicated that divorce is inevitable in the case of an unhappy marriage. The main reasons for marital splits were financial and housing problems, marital infidelity, bad habits (alcoholism, smoking, gambling), and parental interference between young spouses [10].

The KISD survey [11] demonstrated a slightly different picture, which explored all Kazakhstani adults. Most participants (88.3%) gave a downbeat assessment to divorce. However, splitting this majority into two groups revealed some interesting insights. The first group considered divorce utterly unacceptable in any case (43.2%), and the second group held a negative assessment but believed that divorce is better than constant conflict (45.1%). It is noteworthy that the respondents provided different reasons for divorce compared to the previous study. Most respondents named "domestic violence" the main factor responsible for union dissolution (43.2%). "Alcoholism" (39.7%) and "cheating" (35.85%) took the second place in reasoning, while "parental interference" was indicated the last (4.4%) [7]. Important to point out that recent data analysis on World Values Survey Wave 7 and empirical data from focus groups did not find evidence that extramarital affairs are driven by ICT (information and communication technologies) consumption. Even if instant messaging tools lower divorce costs and expand opportunities for finding new mates, Muslim Kazakhs did not show interest in extramarital affairs that could lead to divorce [4].

Another perspective showed a survey conducted by the Institute of Equal Rights and Equal Opportunities of Kazakhstan and the Center for Support of

Civil Initiatives in 2020. They identified that “intervention of relatives” was the leading cause of splits (61%). Among other reasons were named “permissiveness” (41%), “crisis in family values” (36%), “selfishness” (28%), “social networks influence” (28%), and “simple divorce procedures” (25%). Important to mention that some of these options did not include in the list of studies discussed earlier [11]. Nevertheless, these findings are mixed; they clearly state that regardless that Kazakhstanis view divorce negatively, at the same time, separation is seen as an option to end unhappy marriages. Besides, based on survey results on the general population, Uskembayeva M., etc. [12] concluded that women’s emancipation could explain an increasing number of divorces. Modern women are increasingly reluctant to tolerate unequal relationships in marriage, violence, and spousal irresponsibility. Furthermore, their economic status is not always less than that of men. The following notion is partially supported by Dall’Agnola and Thibault [4], who revealed that Muslim Kazakhs more often initiate divorce than men.

Considering these results as a fundamental driver of the divorce initiative is difficult since the findings are confusing. In most cases, survey participants responded to these questions based on their observations, and even though some respondents had an actual divorce experience, the results were not arranged by this. In addition, an issue of question formulation was raised by Dall’Agnola and Thibault (2021) [4]. They argue that question-wording as “What reason can justify divorce?” asks about not actual causes of divorce but refers to “idealized justifications” of separation in the eyes of the respondent [4]. Besides, a significant variation in divorce reasons from survey to survey might be partially explained by an incomplete list of possible divorce motives. Each survey had its reasons list, and sometimes that lists were not and significantly differed in the first place.

Family dissolution is not only one indicator of ongoing processes in the family institution but is the most illustrative. The divorce rate among young spouses indicates that family and family values have been undergoing fundamental transformations. Even if most people see divorce as an adverse event, careful examination of survey results shows that divorce is acceptable if it is caused by “idealized justifications.”

Taking into consideration the current state of thought among foreign and local scientists that family values are deep-seated in society and the current high divorce rate, we attempt to find answers to the following research questions: “Why is there a gap between declared family values and actual marital behavior? What are the reasons for these discrepancies?”. Therefore, below we examine surveys representative of the country level and where youth and young adults are the main research subjects.

In the following paper, we approached to find an explanation for the existing gap in family values and marital behavior.

Methodological approach and explored surveys

The following article is based on the Desk Research method, which refers to collecting information from open sources. To address posed research questions, we analyzed the survey findings carried out by government institutions and international organizations. Since our subject of interest is Kazakhstani youth, we examined only studies where youth and young people are research subjects. To analyze these studies, we applied the comparative method.

Social surveys review

In Kazakhstan, young people have been under the scope of research for the last decade. Among the first attempts to comprehend youth in various domains is an annual national report produced by Scientific Research Center «Youth». Within these reports, the authors cover crucial statistical indicators and enlarge them with mass research findings on the main aspects of young adult's life, including exploring their system of values. Although surveys show that family values are fundamental to young people, the marriage rate has fallen over the last decade. Since 2011 it has decreased from 57.87% to 52.13% among women and from 48.86% to 41.78% among men. As for the values of young people, over the past five years, the value rating of young people in Kazakhstan has been stable and unchanged [13].

In 2020 «Youth» Center conducted a survey, where data was collected by quantitative method via face-to-face mode, covering respondents between 14 to 28 years old. The sample size comprised 2000 young respondents. Additionally, the qualitative approach was implemented to deepen and broaden understanding (expert focus group method). The survey showed that for most people, the ultimate value was family (85.2%); health and friendship accounted for 51.8% and 28.3%, respectively [14]. As in the previous year, the fundamental value for the prevailing number of young people was named family (82.3%), health (45.6%), and friendship (23.1%) [15].

In 2014 Friedrich-Ebert-Stiftung initiated a survey across the country adopting the research methodology used in the study Shell Youth Study. To meet country conditions and particularities, the methodology underwent adaptation. To achieve the research goals, they applied quantitative (a survey of young people through personal interviews) and qualitative (focus groups and in-depth interviews) research methods. The survey covered 1,000 respondents aged 14 to 29, exploring extensive topics, including interests, plans, dreams, values, attitudes, and opinions. The survey results showed that family institutions and marriage are important for young people, and most see marriage as an essential part of their future adult life. 82.5% of them imagine themselves as married with a family, and 9.4% as living with a partner (and a family). Only 1.5% identify themselves as singles and 0.9% as singles but with one or more children. Remarkably, there was no drastic difference in responses among rural and urban dwellers. Thus 88.7% of rural inhabitants see themselves as married with a family, compared to 77.6% of urban residents [16]. However, more young urban residents (13.4%) would consider cohabitation compared to rural dwellers (4.3%). According to Karmenova Z. [17], this phenomenon could be

explained in terms of the ruralization process that takes place in the cities. It implies that today rural migrants mainly influence cities' marital and reproductive behavior, but not vice versa. Moreover, it should be noted that there is regional heterogeneity in the divorce rate. Separation is more common in urban and northern regions, while the southern part of the country shows an inverse trend [18].

Another perspective on family values predisposition is views about optimal marriage age. The average age considered appropriate for getting married is 22 for women and 25 for men. In the 17-23 years old category, females showed more willingness to get married and start a family compared to males of the same age. Regarding children, a large proportion (37.1%) would like to have two children, 28.1% saying about three kids and 19% about four. Less than 1% do not want any children. Studies show that some young people hold traditional views about family institution. But it is evident that young people's views on the family are changing. Many youths have more modern pictures of how gender roles are distributed within the family. For instance, males and females are responsible for different social functions but have equal rights; women are free and autonomous, independent from men. Perhaps these views were influenced by the increase in economically self-reliant women in this country [16].

In 2020, Friedrich-Ebert-Stiftung performed an extensive representative survey among youth and young adults, covering 1,000 young people between the ages of 14 and 29. To address survey goals, quantitative and qualitative (focus group) data collection methods were employed. Several modes were applied as the COVID-19 wave hit the country (in person, by phone, and online). By the results, the majority (64.6%) perceive marriage as a critical decision to make, and merely for 8% of respondents, it means nothing. Moreover, 86.1% of all the participants favor having a family with children. Most respondents believe that the optimum marriage age for women and men is 25. When asked how many children they would like to have in the future, most young people think of two (31%) or three (29.3%) children. Significantly fewer respondents would like to have four children (12.3%) or more (15.7%) [2].

Based on research findings by Friedrich-Ebert-Stiftung in 2014 and 2020, young Kazakhstanis are predisposed toward family and mostly envision themselves as married parents of two or three children.

Unfortunately, in the the «Youth» Center studies, questions related to family values, attitudes, marital behavior, etc. are not a part of the study.

Discussion

As seen from studies mentioned above, young adults are indeed traditional; most envision themselves as married and with family. However, these findings do not fully explain ongoing processes and do not reflect profound transformations of marriage institutions related to religious dynamics, migration patterns, and the impact of globalization [17]. Moreover, this research is contradicted by statistical records of divorce rate, an increasing number of cohabitation and children born out-of-wedlock, etc.

We suggest that people's responses in surveys might be a reflection of cultural norms and, therefore, picture "ideal" behavior indicators. Dall'Agnoia and Thibault (2021) concluded that what participants claim in social surveys, and specifically in focus-group discussions, frequently differ from their genuine beliefs and attitudes, leading to biased responses toward normative beliefs [4].

In most surveys described above, the primary data collection approach was the quantitative method, implemented in face-to-face mode. Besides, among additional tools were focus groups (qualitative method). We suppose that the research modes like face-to-face and focus groups might be the source of culturally or socially desirable responses, thus causing bias. It has already been established that desirable responding is one of the significant causes of response bias and poses a severe threat to the validity of findings. This type of bias means that the respondent answers in the most positive way to save their face and maintain social approval [18]. This bias is frequently observed in collectivistic societies, which is the case in Kazakhstan. Research findings suggest that collectivism prevails over individualism in our society [19].

Face-to-face and focus-group modes are supposed to the presence of a specially trained interviewer, and the focus group discussion includes other participants. Both modes may suffer from similar biases and issues but to a different extent. One such instance is sensitive questions. Sensitive questions can vary from culture to culture and from person to person. The sensitive question is considered in the case when a respondent thinks that a particular question has socially desirable answers while some other answers are socially undesirable. The socially undesirable responses might be the respondent's attitude or behavior violating certain norms in the given society. As a result of this violation, a respondent may refuse to respond or give an untruthful answer when the truth is considered socially unwanted [20].

In this regard, an interesting experiment was conducted in Japan to explore the impact of other respondents' answers on individual responses in survey studies. They implemented four different conditions varying in the direction and the level of social pressure. The findings have verified that social desirability bias greatly influences individual answers. Participants were seven times more likely to choose socially unacceptable answers if most previous respondents also chose the same option [21].

In the Kazakhstani context, intimate questions regarding marital status and reproductive plans are not considered deeply personal. Conversely, these types of questions are normalized and might be posed by strangers. The older generation is always prepared to give a good lecture about family values and place social pressure on single people and childless couples. But this "normality" could lead to situations where young adults are unwilling to reveal their actual values and attitudes to escape apprehension and social condemnation. It is helpful to say that respecting older adults is deeply embedded into the culture. As it could be seen, interviewer characteristics such as gender, age, and language might predispose respondents to give socially appropriate responses. It was found that the interviewer's presence

during data collection is a pressuring factor that forces participants to provide more socially acceptable answers [21].

In a focus-group setting, social desirability bias is more pronounced. This issue was also raised by Dall’Agnola & Thibault (2021), who pointed out that decision on the sizes of focus groups was primarily driven by the fact that often a few vocal individuals belonging to the older generations dominated during the discussion session but also sometimes even condemned younger people by which impacted on their answers. “Particularly while discussing how traditions and cultural practices of Kazakhs may change through their exposure to Western culture on social media, Kazakh youth either chose to agree with the view voiced by older interview participants or to remain silent and not answer the question at all. Thus, younger participants often felt too intimidated to share sensitive personal ideas with a larger group of people.” [4].

Continuing the subject of survey mode, we discovered a study conducted among Kazak youth (17-25 years old) living in the East-Kazakhstan region. Data collection was carried out in 2020 during the Covid-19 wave. In those circumstances, Internet opportunities were applied; a web survey of 500 respondents and five online focus groups was conducted. The results suggested that study participants showed a transitional state of family values. From their perspective, family is primarily valued as a source of emotional support and a way to escape loneliness. The idea to end the marriage if it failed was not rejected, but it even found support. Most consider the family as a union of equal partners. Even though the reproductive function of the family institute is still significant for these participants, in the rank of the meanings and family values, it was placed in third place. For the most significant number of young Kazakhs, reproduction plans include 2-3 children. Education and being economically independent were named as necessary and obligatory conditions for beginning family life. Many young Kazakhs living in urban areas (especially females) perceive the family as a union of equal partners, which contradicts traditional attitudes [22].

The following study does not differ drastically from the studies described above. Still, it reveals some fascinating insight that youth change their marital behavior by postponing marriage, showing an acceptable attitude toward divorce; the essential condition for marriage is receiving education and gaining economic independence. The following study was conducted on a regional level. It could not be entirely transferred to the whole country since the region has its peculiarities in ethnical structure, language, etc.

In addition, some methodological weaknesses are present. Thus, addressing value orientation among young people with only one question does not provide a complete picture of values and reliable results. Besides, the question wording does not provide any specification regarding the type of family, which leads to ambiguity in the question understanding of «What is the most valuable in your life? », (question from “Youth Center” questionnaire. For instance, some respondents could realize their parent family, while others imply their own (current or prospective) family.

We argue that studying values is challenging and requires a deep understanding of ongoing processes, especially among youth, one of the most dynamic categories. Values, by their nature, could be influenced by various factors, among them religion, social media, political discourse, etc., which should be considered while designing the study methodology.

Conclusion and recommendations

In the following paper, we attempted to find an explanation for the existing gap between declared family values in surveys and contradictions by divorcees. In this regard, we examined the survey findings carried out by government institutions and international organizations. Since our subject of interest is Kazakhstani youth, we reviewed studies written by the “Youth” Center and Friedrich-Ebert-Stiftung. According to “Youth” Center, young people’s values have not changed over the past five years; for the majority of them, family is the most valued. Findings by Friedrich-Ebert-Stiftung show that Kazakhstanis are predisposed toward family and mostly envision themselves as married parents of two or three children.

After carefully examining methodological approaches applied within the studies, we concluded that social desirability bias could partially explain the discrepancy between declared values and actual behavior. It is difficult to say to which extent this type of bias is spread in our cultural context. Therefore, future studies addressing sensitive topics should take into account this type of bias.

This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP13268911).

References

1. The Nazarbayev generation / ed. M. Laruelle. – Lanham: Lexington Books, 2019. – vi, 335 pages.
2. Sharipova, D. Youth in Kazakhstan / D. Sharipova, S. Bejmenbetov. – Almaty: Friedrich-Ebert-Stiftung Kazakhstan, 2021. – 87 c.
3. Values of the Kazakhstani society in the sociological dimension / Ismukhanova G., Sharipova D., Turekhanova B. [и др.]. – Almaty: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2020. – 143 c.
4. Dall’Agnola, J. Online Temptations: Divorce and Extramarital Affairs in Kazakhstan / J. Dall’Agnola, H. Thibault // Religions. – 2021. – Vol. 12, №8. – P.654.
5. Forbes. 73% of Kazakhstanis consider the family meaning of life - social research / Forbes. – https://forbes.kz/news/2020/05/16/newsid_225465.
6. National report «Youth of Kazakhstan – 2015» / Salimgerei A.A., Abdrayimova G.S., Abdikerova G.O. [и др.]. – Almaty, 2015. – 367 c.
7. D. Yesin, A. Kaidarova, Zh. Battalova etc. National report «Kazakhstan families - 2020» / D. Yesin, A. Kaidarova, Zh. Battalova etc. – Nur-Sultan, 2020. – 392 c.
8. WVS Database. – <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSNewsShow>.
9. Total divorce rate in the Republic of Kazakhstan // <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/8>
10. Scientific Research Center «Youth». Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2018 / Scientific Research Center «Youth», 2018. – 411 c.
11. Nurbai, R. Divorces in Kazakhstan: causes, trends, and alimony payments / R. Nurbai. – <https://strategy2050.kz/ru/news/razvody-v-kazakhstane-prichiny-tendentsii-vyplata-alimentov-/>.
12. Uskembayeva M. Case studies for studying the status of families of Kazakhstan / Uskembayeva M., Bulatbayeva A., Rezvushkina T. // Journal of Educational Sciences. – 2020. – Т.62, №1.

13. Scientific Research Center «Youth». National report «Youth of Kazakhstan – 2021: 30 years of Independence». / Scientific Research Center «Youth», 2021. – 320 с.
14. Scientific Research Center «Youth». Sociological research «Youth of Kazakhstan» / Scientific Research Center «Youth». – Нұр-Сұлтан қ., 2020.
15. Scientific Research Center «Youth». Sociological research «Youth of Kazakhstan» / Scientific Research Center «Youth». – Нұр-Сұлтан қ., 2021.
16. Umbetaliyeva, T. Youth in Central Asia: Kazakhstan / T. Umbetaliyeva: Friedrich Ebert Foundation Kazakhstan, 2016. – 258 с.
17. Cleuziou, J. Marriage quandaries in Central Asia / J. Cleuziou, J. McBrien // *Oriente Moderno*. – 2021. – Vol. 100, №2. – P.121–146.
18. Lalwani, A.K. What is the relation between cultural orientation and socially desirable responding? / A.K. Lalwani, S. Shavitt, T. Johnson // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2006. – Vol. 90, №1. – P.165–178.
19. The formation way of independent Kazakhstan from the individualism and collectivism perspective / Z. Kabayeva, B. Imanmoldayeva, S. Mussabaev [et al.] // *Opción*. – 2018. – Vol. 34, №85-2. – P.757–779.
20. Kazenin, K. Survey Responses on Desired Fertility in Patriarchal Societies: Community Norms vs. Individual Views / K. Kazenin, V. Kozlov. – 2020. – .
21. Social Conformity and Response Bias Revisited: The Influence of «Others» on Japanese Respondents / C. Kondo, C. Saito, A. Deguchi [et al.] // *Human Affairs*. – 2010. – Vol. 20, №4. – P.356–363.
22. Stolyarova E.O. Values and social practices of Kazakh youth (on the example of the East Kazakhstan region) / Stolyarova E.O., Aubakirova J.S., Alekseenko A.N. – Ust-Kamenogorsk, 2021. – 148 с.

ГОРОДСКОЙ ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ АЛМАТЫ

Бахтнур Отарбаева

ассоциированный профессор, доктор политических наук,
Алматы Менеджмент Университет;
e-mail: b.otarbayeva@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-3.03>

Аннотация: В статье рассматривается вопрос протестных настроений среди жителей Алматы на почве нерешенности проблем точечной застройки, ухудшения экологии и комфортности среды проживания и связанной с ней гражданской активности, формы протеста и поиска путей коммуникации активистов с властными структурами для решения проблем.

Ключевые слова: гражданский активизм, вовлеченность, гражданское участие, точечная застройка, градостроительная политика.

ҚАЛА ҚҰРЫЛЫС САЯСАТЫНДАҒЫ ҚАЛАЛЫҚ АЗАМАТТЫҚ БЕЛСЕНДІЛІК

Бахытнур Отарбаева

Алматы Менеджмент Университетінің доценті, саясаттану ғылымдарының докторы; e-mail: b.otarbayeva@gmail.com

Аңдатпа: Мақалада Алматыда тығыз салынған құрылыстардағы шешілмеген проблемалар, қоршаған ортаның және өмір сүру ортасының жайлылығының нашарлауы және соған байланысты азаматтық белсенділік, наразылық нысанымен тұрғындарының наразылық көңіл-күйінің мәселесі және мәселелерді шешу үшін белсенділер мен мемлекеттік органдар арасындағы байланыс жолдарын іздеу талқыланады.

Түйінді сөздер: азаматтық белсенділік, тарту, азаматтық қатысу, тығыз құрылыс, қала саясаты.

URBAN CIVIL ACTIVISM IN THE URBAN PLANNING POLICY OF ALMATY CITY

Bakhtnur Otarbaeva

Associate Professor, Doctor of Political Science, Almaty Management University; e-mail: b.otarbayeva@gmail.com

Abstract: The article discusses the problem of protest moods among the residents of Almaty on the basis of the unresolved problems of infill development, the deterioration of the environment and the comfort of the living environment and related civic activity, the form of protest and the search for ways of communication between activists and government agencies to solve problems.

Key words: *civic activism, involvement, civic participation, infill development, urban policy*

Введение

В Казахстане идет активный процесс развития гражданского общества, проявляющийся в различных формах гражданской и политической активности, новых форматах гражданского участия, а также поиске эффективных форм диалога власти и гражданского общества. В процессе конфликтов, противостояния, переговорных процессов вырабатываются определенные демократические практики политического участия и гражданского активизма, взаимодействия и диалога между гражданским обществом и государством. Мы исходим из того, что гражданский активизм это не формальные демократические институты и процедуры с формальным участием при обсуждении готовых предложений и проектов, спущенных сверху, а реальная вовлеченность и действия, направленные на решение социально-значимых проблем, а также способность оппонировать государству, противостоять незаконным действиям, предлагать альтернативные, выгодные для общества, решения. Альмонд Г.А. и Верба С. придавали особое значение гражданскому участию, подчеркивая «что демократии сохраняются благодаря активному участию населения в гражданских делах, высокому уровню информированности о происходящем в обществе и широкому распространению чувства гражданской ответственности. Степень вовлеченности граждан в процесс обсуждения и принятия решений, затрагивающих интересы всего общества – важнейший критерий формирования гражданского общества» [1, С.129].

Участие граждан в принятии решений, управлении считается краеугольным камнем демократии, и оно может осуществляться через различные механизмы и формы и на различных уровнях. Существует несколько моделей участия, самой известной из них это лестница участия Шерри Арнштейн [2]. Автор выделила восемь уровней участия, каждый из которых соответствует одной ступени лестницы, от незначительного участия граждан или его отсутствия на одном конце до формы, полностью управляемой гражданами, на

другом. Чем выше вы находитесь на лестнице, тем больше у вас власти в определении результата. Две нижние ступени — манипуляция и терапия — не предполагают участия. Следующие три шага — информирование, консультация и умиротворение — носят символический характер; они позволяют гражданам иметь право голоса и быть услышанными, но их взгляды могут не учитываться должным образом властью имущими. Последние три шага — партнерство, делегированная власть и гражданский контроль — представляют собой реальную гражданскую власть и наиболее полную форму участия граждан.

Согласно Закону РК «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан» (ст.13. п.3.): горожане имеют право принимать участие в обсуждении проектов генеральных планов развития городов, проектов правил застройки, правил благоустройства территорий, в целом, в формировании градостроительной политики, поскольку это касается вопроса безопасности и благополучия всего общества [3]. Как удачно высказала эту мысль еще более полувека назад Джекобс Джейн: «Город дает что-то всем жителям, только если в его создании участвует каждый из них» [4]. Однако, традиционная длительная практика принятия решений городскими властями без согласования с общественностью привела к катастрофической экологической, инфраструктурной, транспортной ситуации в городе.

Данная статья нацелена на изучение городской гражданской активности и ее форм в области градостроительства и вопроса ее воздействия на выработку и принятие решений в области градостроительной политики в городе Алматы, а также изучения вопросов взаимодействия граждан и власти. Насколько эффективны формы гражданского участия, насколько выстроен диалог власти и гражданского общества в Казахстане? На каком уровне участия мы находимся? Это вопросы, которые требуют ответа на сегодняшний день.

Объектом изучения являются гражданская вовлеченность и активность жителей города Алматы, несогласных с многочисленными нарушениями со стороны строительных компаний, а также выступающих за возможность реального участия в градостроительной политике. В статье рассматривается период развития событий с 2019 по 2022гг. Значимость 2019 года с точки зрения развития гражданского активизма в Казахстане обозначили С.Бейсембаев, А. Гусарова и К.Кабатова, отметив при этом, что «Главным триггером стала отставка первого президента и последовавшая за ней цепочка политических событий» [5. С.24].

Протестные явления и гражданская активность в сфере градостроительства и землепользования стали распространенным явлением в жизни больших городов мира, постсоветского пространства, в том числе и Казахстана. Они стали объектом исследования социологов, политологов, конфликтологов, урбанистов, изучающих особенности развития гражданского общества, социальных конфликтов, городского планирования, взаимодействия и стратегии заинтересованных сторон.

Британские исследователи Martyn Barrett, Ian Brunton-Smith сделали обзор современных представлений о формах гражданской активности и вовлеченности, а также политическом и гражданском участии. Нам близко определение авторов понятия «engagement» (вовлеченность) как наличие интереса, наличие знаний, убеждений, мнений, взглядов или чувств по поводу политических или гражданских вопросов, тогда как смысл термина «participation» (участие) определяют с точки зрения политического и гражданского участия [6]. При этом авторы разделяют значение термина «политическое участие» и «гражданское участие». Первый термин используют для обозначения деятельности, стремящейся к влиянию или влияющей на региональное, национальное или наднациональное управление, либо прямо влияющее на разработку или реализацию государственной политики, или косвенно влияющее на выбор лиц, которые проводят эту политику. Термин «гражданское участие» используется ими для обозначения добровольной деятельности, направленной на помощь другим, достижение общественного блага или решение проблемы сообщества и подразделяют на социальную вовлеченность и социальную активность. Как считает А.О Селиванова, определение социальной активности как скрытой формы политического участия является важным вкладом М. Барретта в новую типологию форм политического участия [7].

Социологи Никовская Л.И. и Скалабан И.А. утверждают о стирании границ между социальным, гражданским и политическим участием, а также отмечают рост сетевых и индивидуализированных форм участия в России. Давая характеристику феномену гражданского участия, они определяют его как «процессы, через которые граждане напрямую или опосредованно влияют на принятие социально значимых решений» [8, С.48], отмечая при этом, что как гражданское, политическое, так и социальное участие являются частью такого комплексного явления как общественное участие.

Тыканова Е.В., Хохлова А.М. анализируют формы участия активистов и потенциал их политизации на основе кейса вокруг конфликта, связанного с городской территорией в Санкт-Петербурге. Авторы приходят к выводу, что, хотя каждая форма участия активистов обладает потенциалом политизации, а отдельные их требования носят политический характер, однако участники предпочитают, чтобы их действия не расценивали как политические [9].

В коллективной статье Семенов А.В., Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. рассматривают вопросы взаимодействия компаний-застройщиков и жителей в рамках градостроительных конфликтов на основе их анализа трех городов разных стран Пермь (Россия), Винница (Украина) и Бонн (Германия). На основе анализа поведения участников конфликтов авторы приходят к заключению, «что рациональная модель поведения сторон градостроительного конфликта имеет свои ограничения, тем не менее она отражает фундаментальные противоречия в ожиданиях сторон и стратегиях участия в конфликте» [10].

Большинство российских авторов, исследующих городские выступления в области градостроительства в России, раскрывают взаимодействия заинтере-

сованных сторон, в основном, опираясь на методологии исследования, основанном на конфликтологическом подходе [11].

Румынские авторы Mariana Nae, Liliana Dumitrache, Bogdan Suditu and Elena Matei рассматривают проблемы, связанные с жилищным строительством в Бухаресте с точки зрения концепции устойчивого развития. Вводят в научный оборот новый термин «жилищный активизм», как новое явление, которое необходимо изучать и считают, что участие граждан в градостроительной политике является позитивным в сохранении идентичности районов и окрестностей города. Кроме того, вовлечение жителей в совместное планирование является желательным и позитивным, а стратегии информирования, проводимые группами гражданских инициатив, обеспечивают необходимую базу для участия жителей в городской жизни [12].

Весьма интересным и актуальным по поднимаемым вопросам является сборник «Urban commons: Городские сообщества за пределами государства и рынка», где рассматриваются взаимоотношения внутри городских сообществ. Особое наше внимание привлекла публикация Мюллер А. в этом сборнике, где она утверждает, что «городские совместности могут разрушать официальные процессы планирования и активно противодействовать государственным и рыночным агентам, действующим на той же городской платформе» [13, С.200]. Несмотря на то, что правительство долго не воспринимало низовые инициативы, но протестные выступления жителей вынудили местные власти Берлина внедрить различные формы «общественного участия» в процесс городского планирования. К ним автор относит такие формы, как информирование, консультирование, приглашение к совместной работе и даже наделение горожан определенными полномочиями. Этот процесс восприятия властями гражданского участия потребовал долгого времени, сопровождался многочисленными конфликтами и противостоянием, о чем автор раскрывает на примере кейса истории парка Гляйсдрайек.

Тема протестных настроений и особенности протестов в Казахстане, их основные факторы и причины были исследованы казахстанскими политологами Насимовой Г.О., Бузуртановой М.М. и Саитовой Н.А в коллективной статье «Social protests in Kazakhstan: Factors and trends» [14]. На основе анализа результатов социологических исследований, материалов СМИ, социальных сетей, причину протестов авторы видят в социально-экономических проблемах, считают, что акции протеста имеют спорадический характер и ограничены по своему масштабу и тематике. Одним из важных выводов, к которому приходят авторы, что механизмы разрешения конфликтов в Казахстане слабо институционализированы, что проявляется в достаточно неразвитых правовых средствах и структурах, направленных на облегчение формулирования претензий, а также примирение или балансирование конфликтующих интересов.

Вопросам политического и гражданского участия, роли социальных сетей в повышении политической грамотности, групповой идентичности активных граждан, повышения взаимодействия государственных институтов и граждан

посвящены публикации Жусуповой А.С. Анализируя исследования зарубежных политологов, данные казахстанских интернет-ресурсов, автор ищет ответы на вопросы: насколько социальные сети влияют на рост гражданской активности, возможно ли использовать социальные сети в качестве платформы для конструктивного диалога власти и гражданского общества и делает вывод о необходимости умелого использования потенциала социальных сетей, в целом современных информационно-коммуникационных технологий для повышения уровня доверия и сотрудничества граждан и власти в Казахстане [15].

Одним из немногих исследований, посвященных анализу урбанистических проблем с точки зрения горожан, является публикация казахстанских социологов Нагаевой А. и Беймишевой А. «Чего хотят алматинцы: исследование актуальных проблем городской среды и качества диалога администрации, сообщества жителей и НПО». Изучив качество и каналы вертикальных онлайн коммуникаций между администрацией и жителями на основе запросов алматинцев в административные органы, авторы отмечают, что «администрация редко и не системно вовлекает горожан в процессы преобразования городской среды и решения проблем. 36% опрошенных жителей Медеуского района и 27% Алатауского говорят о том, что им не хватает открытого диалога с местной властью, а 34% и 29% соответственно говорят о том, что им не хватает инструкций что делать при возникновении проблем» [16].

Несмотря на наличие вышеупомянутой литературы, исследование проблем городского гражданского активизма в Казахстане и поиска выстраивания конструктивного взаимодействия городских управленческих структур и граждан в контексте актуальных подходов политической науки, все еще остается недостаточно изученным.

Методика исследования

В основу исследования легли данные, полученные в результате опроса жителей города старше 18 лет. Опрос проводился методом случайной выборки через онлайн анкетирование на платформе *Survio.com*. Было охвачено 165 человек разного возраста, жителей нескольких районов города. Опрос дал возможность получить не только количественные, но и качественные показатели, по оценке исследуемых отношений. Исследование также включило в себя экспертный опрос с помощью структурированных интервью с 6 экспертами в области гражданского общества в июне 2022 г.

Вторичными источниками явились документы правительства РК, местных исполнительных органов, касающиеся градостроительной политики, материалы заявлений и обращений жителей в государственные органы и официальных ответов на них, публикации в СМИ. Аудио и видео материалы в социальных сетях, содержащие выступления жителей и застройщиков, материалы встреч с представителями городской и районной исполнительной власти, социально-предпринимательской корпорации Алматы (СПК), Общественного Совета г. Алматы также стали предметом изучения. Кроме того, основой для

анализа стала база данных проблемных строек, где имеется информация о районе, адресе объекта, целевом значении участка, кадастровый номер по Генплану, наличие/отсутствие проекта детальной планировки (ПДП), архитектурно-планировочного задания (АПЗ), эскиза, уведомления ГАСК, фиксировавшихся активистами ОО «Защитим Алматы» с 2019–2022 гг. Отдельные выводы были основаны на методе включенного наблюдения.

Результаты исследования и их обсуждение

В последнее десятилетие коммерческое и жилищное строительство в городе Алматы идет ускоренными темпами, где сегмент жилищного строительства является наиболее крупной составляющей. Общая площадь введенных в эксплуатацию жилых зданий за 2018-2020 годы составила 6 011,2 тыс. кв. м., среднегодовые темпы роста составили 105,1%. Темпы роста ввода жилья в 2019 году составили 104,8% (доля в республиканском объеме составила 16,0%) [17], тем не менее, из-за высокого роста внутренней миграции в Алматы существует дефицит жилья. Строительная отрасль благоприятно влияет на приток инвестиций и налогов в местный и республиканский бюджеты.

В то же время массовое хаотичное строительство вызвало законную тревогу и протестные настроения у граждан города, и общественников. Согласно полученным данным 87,9% респондентов ответили утвердительно на вопрос о наличии в их районе уплотняющей застройки (таблица № 1).

Таблица №1. Ответы респондентов на вопрос «Имеются ли в вашем районе точечные, уплотняющие застройки?», в %.

Вариант ответа	Ответы	Доля
Ответ 1. Да	145	87,9%
Ответ 2. Нет	11	6,7%
Ответ 3. Не знаю	9	5,5%

Нарушения формальных процедур со стороны местных исполнительных органов, включая отсутствие общественных обсуждений, привели к усилению недовольства граждан. Из числа опрошенных на вопрос: «Были ли предварительные обсуждения с жителями по поводу будущей застройки со строительной компанией или городскими властями?», – 75,2% ответили отрицательно (таблица №2).

Таблица № 2. Ответы респондентов на вопрос «Были ли предварительные обсуждения с жителями по поводу будущей застройки со строительной компанией или городскими властями?», в %.

Вариант ответа	Ответы	Доля
Ответ 1. Были	20	12,1%
Ответ 2. Не было	124	75,2%

Вариант ответа	Ответы	Доля
Ответ 3. Не знаю	23	13,9%
Ответ 4. Предпочитаю не говорить	0	0,0%

Строительство, ведущиеся без уведомления жителей и их вовлечения в обсуждение проектов, привело к многочисленным обращениям в республиканские и местные государственные органы. Согласно проведенному опросу, 69,7% респондентов обратились с письменными запросами/жалобами с государственные органы по поводу проблем со строительством в период 2019-2022 гг. Письма направлялись на имя акима города Алматы, аппарат Президента РК, Управление зеленой экономики, ГАСК, КГУ Управление городского планирования и урбанистики, Управление градостроительного контроля, КГУ Управление Земельных отношений по городу Алматы и другие исполнительные органы.

Такая активность граждан свидетельствует о том, что большинство верят в действенность письменных обращений. Но вместо конструктивных ответов, чаще получают формальные отписки, где «в шаблонах документов меняются только фамилии». Так, 85,5% респондентов, кто получил ответ на свои обращения, отметили, что ответ носил формальный характер; 18,8% – ответ аргументированный, однако без решения проблемы; только 4,2% получили содержательный ответ с принятием решения в пользу обратившихся (таблица №3).

Таблица № 3. Ответы респондентов на вопрос «Если вы получили ответ на свой запрос, то как бы вы оценили характер этих ответов?», в %

Вариант ответа	Ответы	Доля
Ответ 1. Формальный	141	85,5%
Ответ 2. Ответ аргументированный, однако без решения проблемы	31	18,8%
Ответ 3. Содержательный ответ с принятием решения в пользу обратившихся	7	4,2%

Из анализа процента ответивших на поливариантный вопрос: «Чем лично вас не устраивает строительство в вашем районе?», – большинство респондентов волнует большой перегруз на инфраструктурные электросети, теплосети и другие коммуникации (61,2%), обострение экологических проблем (загрязнение воздуха, нарушение аэрации, закрывает воздушные потоки – 58,8%), и в равной степени у жителей вызывает беспокойство, что строительство ведется на месте детской или спортивной площадки – 58,8%; не учитывается дефицит социальных объектов – 49,7%, строительство ведется с нарушением СНИПов 44,2%. Кроме того указывали, что застройщики начинают строительство без получения архитектурно-планировочного задания (АПЗ), без утверждения проектно-сметной документации, не соблюдая государственные нормы и технические регламенты, решения городскими властями принимаются

без учета мнения жителей, чаще всего в интересах строительных компаний. Одним из факторов, отмеченных в анкете, является мнение, что «строительство приведет к снижению стоимости моей квартиры» (12.1%), хотя в письмах в государственные органы оно не высказывалось (таблица №4).

Таблица № 4. Ответы респондентов на вопрос «Чем лично вас не устраивает строительство в вашем районе?», в %.

Вариант ответа		
Ответ 1. Строительство с нарушением СНИПов	75	44,2%
Ответ 2. Точечная застройка (на месте детской площадки, спортивной площадки, малое расстояние между домами	97	58,8%
Ответ 3. Большой перегруз на инфраструктурные электросети, теплосети и другие коммуникации	101	61,2%
Ответ 4. Не учитывается дефицит социальных объектов	82	49,7%
Ответ 5. Вызывает экологические проблемы (загрязнение воздуха, нарушение аэрации, закрывает воздушные потоки)	97	58,8%
Ответ 6. Строительство приведет к снижению стоимости моей квартиры	20	12,1%
Другой...	10	6,1%

По словам М. Касенова, одного из активистов группы «Стоп застройке», в период 2016-2019 гг. государственные структуры игнорировали обращения гражданского общества. Тем не менее, поскольку количество проблемных строек только увеличивалось, активисты, представляя разные протестные группы по месту жительства, не прекращали обращаться в государственные структуры.

В ответ на многочисленные обращения жителей в октябре 2019 года президент РК Токаев К.К. провел в Алматы совещание по социально-экономическому развитию и дал поручения представителям местной исполнительной власти по решению градостроительных проблем на принципах открытости и прозрачности [18].

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19, введение режима чрезвычайного положения весной 2020 года, когда во всех регионах был введен карантин и другие ограничительные меры, а 5 июля 2020 года введение режима строгой изоляции, снизили темпы строительства. Начиная с 2021 г., когда карантинные меры стали менее строгими, строительные компании вновь активизировали свою деятельность, вызвав ответную протестную деятельность активистов.

Наиболее распространенной формой выражения несогласия жителей является организация сходов и митингов с плакатами против строительства с приглашением СМИ, с целью вызвать общественный резонанс, что, по мне-

нию С.Ташимовой, руководителя ОО «Защитим Алматы», является достаточно эффективным методом воздействия на государственных служащих.

При отсутствии реакции со стороны местных органов власти, жители прибегали к неконвенциональным формам гражданского участия: перекрытию улиц (ЖК Ремизовка, кейс жителей Погрангородка). Основные требования горожан во время таких акций – проверка наличия правоустанавливающих документов на землю, разрешительных документов на строительство у застройщиков, прекращения строительства.

25 марта 2021 депутаты маслихата Алматы приняли новые правила градостроительного планирования города, с учетом отдельных поступивших предложений, которые ограничивали точечную застройку, высотность зданий в отдельных районах и плотность зданий. В Правила были включены требования общественности по сохранению исторического облика зданий и сооружений. В обязанность застройщиков ввели обязательство проводить общественные обсуждения с населением, проживающим на территории района, где начинают строительство. По словам городских властей, новые правила были «призваны установить гармоничный баланс между интересами застройщиков и алматинцев» [19].

В соответствии со статьей 47 Закона РК «Об архитектурной, градостроительной и ...» Генеральные планы являются основным градостроительным документом, определяющим планирование развития города, поселка, села либо другого поселения на перспективу [3]. Генеральный план г. Алматы был разработан до 2020 года. Субподрядчиком по корректировке данного документа было определено ТОО «Алматыгенплан», который представил проект 15 апреля 2021 года на общественных слушаниях, где наряду с представителями государственных структур, присутствовали общественные организации, включая Urban Forum, ОО «Защитим Алматы», Экологическое движение «Защитим Кок-Жайлау» и независимые эксперты. Общественники потребовали признать все обсуждения по проекту корректировки Генерального плана развития Алматы нелегитимными и вернуть на доработку с учетом предложений общественности. До принятия Генерального плана предлагалось установить мораторий на строительство всех объектов уплотняющей и точечной застройки в городе.

В целях борьбы с коррупцией гражданские активисты выступили с предложением создать комиссию при Департаменте по противодействию коррупции по городу Алматы с участием представителей ОО «Защитим Алматы» и других НПО с целью проверки постановлений городских властей на предмет выявления коррупционных действий при выдаче разрешительных документов строительным компаниям, но предложение не было принято. Одним из важных выдвигаемых требований было признать обсуждения по онлайн-платформе ZOOM нелегитимными из-за попыток дискриминации прав отдельных граждан организаторами и модераторами конференций. Поскольку проект корректировки Генплана не был согласован с представителями общественных

организаций, активисты заявили о выходе из состава рабочих групп, заявив при этом, что «Подобная дискриминация граждан Казахстана напрямую нарушает 3, 14, 33 и 31 статьи Конституции РК, Закон РК «О доступе к информации», Закон РК «О местном самоуправлении», а также основные положения «Экологического кодекса РК» и «Орхусской конвенции»» [20].

19 февраля 2021 вышло постановление городского акимата об утверждении Программы реновации жилищного фонда в г.Алматы на 2021-2025 годы. Акционерная компания «Социально-предпринимательская корпорация Алматы» (СПК) была определена уполномоченной организацией для реализации программы реновации жилищного фонда в городе Алматы на 2021-2025 гг. Согласно Программе реновации, акиматом города Алматы запланирован снос 708 двухэтажных домов по всему городу и возведение на их месте 683 многоэтажных дома преимущественно в 10-12 этажей [21]. По мнению жителей, такая уплотняющая застройка неизбежно приведет к перегрузке на инженерные и транспортные сети, переполненности детских садов и школ, нарушению архитектурного облика малоэтажных кварталов, к заторам на дорогах и ухудшению экологии в застроенных кварталах, к росту агрессии и социального недовольства.

Программа реновации жилищного фонда города Алматы реализуется во исполнение пункта 5.4.4. программы «Нұрлы жер» на 2020–2025, которая принималась без общественных обсуждений и широкого учета мнения граждан и жителей домов, которые подпадают под данный проект. В свою очередь, общественная антикоррупционная экспертиза выявила в программе «Нұрлы жер» и Программе реновации серьезные коррупционные риски. В своей петиции на имя президента страны Токаева К.К., жители обратили внимание, что в Программе под реновацией понимается только снос старого жилья, но не учитываются другие виды реконструкции и модернизации, которые активно применяются в развитых демократических странах.

Активисты потребовали ввести мораторий на реализацию Программы «Нұрлы жер» и Программы реновации до устранения коррупционных рисков, вынести на открытое общественное обсуждение и согласование Программу реновации, а также Планы детальной планировки районов города, учитывать не только снос, но и возможности для реконструкции старого жилья. Чтобы быть услышанными, жители были вынуждены неоднократно заявлять об этом на сходах и митингах.

Проект программы реновации является наиболее сложным для реализации и регулирования, поскольку в ней переплелись интересы жителей, которые против сноса их домов, и тех, кто согласен на снос и предоставление нового жилья и, конечно, интересы застройщиков. Активистам поступило предложение от СПК организовать рабочую группу и внести свои замечания и предложения в проект. В группу вошли специалисты из активистов – архитектор и нескольких юристов, которые в течение месяца разработали и представили

свой вариант программы, однако, отзыва о нем и насколько приняты их предложения, группа от СПК не получила.

В августе 2021 года Urban Fogum вместе с урбанистическими организациями из других городов Казахстана обратились к Президенту РК К.К.Токаеву с требованием реформировать систему принятия архитектурных и градостроительных решений, поскольку «сложившаяся в городах Казахстана практика спуска решений сверху вниз и информирования горожан постфактум имеет негативные последствия: бессистемную застройку, деградацию городской среды, зеленых зон, общественных пространств. Отсутствие механизмов вовлечения граждан и экспертов в решение вопросов городского развития вызывает общественное недовольство и повышает риски социальной напряженности и несет угрозу сбалансированному развитию городов Казахстана» [22]. Урбанистами были предложены идеи, которые будут способствовать более устойчивому развитию казахстанских городов: необходимо проведение предпроектных исследований, консультации с жителями, создание обязательных экспертных советов и проведение архитектурных конкурсов.

Известно, что сегодня социальные сети и мессенджеры являются средствами для быстрой мобилизации протестных групп. Коммуникационные средства связи усилили организационный потенциал активистов. По результатам опроса 63,0% респондентов отметили, что для обмена информацией с другими жителями они используют социальную сеть = WhatsApp, 33,7% - Instagram, Telegram, Facebook, 16,4% узнают о предстоящих собраниях из вывешенных объявлений, 9,1% – с помощью телефонной связи, 12,1% – не коммуницируют с соседями (Таблица №5).

Таблица № 5. Ответы респондентов на вопрос «С помощью каких средств коммуникации происходил обмен информацией с вашими соседями?», в %.

Вариант ответа	Ответы	Доля
Ответ 1. Через WhatsApp	104	63,0%
Ответ 2. С помощью телефонной связи	15	9,1%
Ответ 3. Через социальные сети (Instagram, Telegram, Facebook)	54	33,7%
Ответ 4. Писали и вешали объявления	27	16,4%
Ответ 5. Не знаю	20	12,1%

Об опыте объединения и помощи жителям других районов, где шло противодействие действиям застройщика, подтвердили 34,5% респондентов, что показывает понимание общности проблемы и возможности быстрой коммуникации. Это привело к тому, что между группами активистов установились контакты, группы начинают присоединяться к протестным митингам по «чужим» стройкам, в протестное сообщество начинает вовлекаться все больше людей, которые, согласно опросу, считают, что незаконное строительство в районе проживания нарушает их права – 85,5%.

Согласно ст.99 Административного процедурно-процессуального кодекса (АППК) срок рассмотрения жалобы с 1 июня 2021 года составляет 20 рабочих дней со дня ее поступления. Государственные структуры в ответ на жалобы жителей на нарушения со стороны строительных компаний ссылались на Указ Президента РК за №229 от 26.12.2019 года «О введении моратория на проведение проверок профилактического контроля и надзора с посещением в Республике Казахстан» на проверку объектов малого предпринимательства, которыми зарегистрированы многие крупные строительные компании.

Поиск взаимодействия жителей с местными исполнительными органами в решении проблем строительства не находила отклика со стороны последних. Так, активисты микрорайона Самал-2 27 мая 2021 в связи с угрозой строительства четырех многоэтажных жилищных комплексов, организовали встречу с архитекторами и общественными деятелями, чтобы узнать их экспертное мнение, насколько проект соответствует строительным требованиям. Были приглашены представители государственных структур и СМИ, однако, представители ни городского, ни районного акиматов не сочли нужным встретиться с жителями даже при таком «мирном» формате.

По отдельным застройкам, когда обращения в государственные органы оказались не действенны, активисты стали обращаться в суды, нанимая на свои средства адвокатов, но даже выигранные жителями суды не приводили к серьезным изменениям.

Со слов активистки Н. по поводу обращения в суд на строительство клиники Sema Hospital: «Судимся, проигрываем. Сейчас прокуратура судится с ними, по нашим многочисленным обращениям».

Одним из таких резонансных дел явилось обращение под давлением жителей Погрангородка городского управления градостроительного контроля в суд. Оно потребовало признать недействительным договор о купле-продаже земельного участка, принадлежавшего ранее Научному центру акушерства, гинекологии и перинатологии, где началось строительство жилого комплекса. 29 ноября 2021 специализированный межрайонный экономический суд Алматы постановил в удовлетворении иска отказать. Основными мотивами стали истечение срока давности по исковому заявлению, а также отсутствие нарушения норм Земельного кодекса [23].

Тем не менее, в результате активных выступлений жителей при организационно-информационной поддержке ОО «Защитим Алматы», других общественных организаций и решения акима Сагинтаева Б.А. к концу 2021 года было приостановлено строительство 14 жилищных комплексов (ЖК) и коттеджного городка до достижения согласия с жителями домов. Было отменено строительство ЖК на территории сквера на углу улиц Кажымукана-Мендикулова, приостановлено строительство 12-этажной клиники. Согласно анкете, активисты «Защитим Алматы» высылали жителям образцы заявлений в государствен-

ные органы, оказывали юридические консультации, принимали участие в сходах и митингах жителей, осуществляли информационную поддержку, организуя съемки выступлений жителей в прямом эфире, участвуя в рабочей группе по корректировке Генерального плана Алматы, формируя список адресов по проблемным стройкам. Организации удалось привлечь внимание как общественности, так и государственных структур на происходящие многочисленные нарушения строительных и экологических норм в городе.

Общественный резонанс вызвали публикации в социальных сетях, видео и сообщения о захвате водоохраной зоны реки Есентай строительными компаниями, заявление на возбуждение уголовного дела в связи с незаконной вырубкой 100 деревьев, в том числе краснокнижных пород в районе кинотехникума. Организации удалось отстоять парк в микрорайоне «Коктобе», добиться перевода этого участка в категорию R-1 (рекреационная зона), обратить внимание аппарата Президента и СМИ на требование жителей по улице Павлодарская, 48 о необходимости переноса цементного завода в индустриальную зону за черту города. ОО «Защитим Алматы» как общественная организация выступает связующим звеном между жителями и местными государственными органами, способствуя правовому разрешению конфликтов между жителями и застройщиками, требуя подотчетности и прозрачности от государственных структур и бизнеса.

Несмотря на то, что отдельным группам жителей удалось остановить стройки с помощью протестных действий, эксперты оценивают уровень гражданского активизма и коллаборационный потенциал участников протестных групп как достаточно низкий, отмечая их фрагментированность, отсутствие устойчивого взаимодействия и согласованности между активистами. Причинами, препятствующими расширению масштабов городского гражданского активизма, эксперты называют такие как фактор как страх у жителей, неверие в то, что их мнение будет учтено, низкую правовую грамотность. Оценивая поведенческие стратегии активистов и уровень их влияния на выработку и принятие решений городскими властями, эксперты не были столь оптимистичны в ответах: «...могут влиять только тогда, когда общественники будут официальными членами комиссий по градостроительству, по земельным отношениям, по «озеленению»; «влияет частично. Власти делают передышку и, затем все равно делают по-своему». На вопрос о наличии механизмов реального участия в градостроительной политике для активистов, большинство экспертов ответило отрицательно.

Помимо этого, эксперты также отметили ряд причин, таких как, мораторий на проверку бизнеса, коррумпированность чиновников, вносивших сложности во взаимодействие и нахождение консенсуса с властью, однако, полностью игнорировать протесты жителей, городские власти не могли. После выхода Указа президента «О проведении встреч акимов с населением» 7 марта 2022 года, формы взаимодействия городских властей с жителями были изменены. Предполагаем, что именно эти состоявшиеся встречи районных акимов и акима города с населением позволили большей половине респондентов заявить в анкете, что наиболее эффективными формами взаимодействия с местными исполнительными ор-

ганами являются встречи с акимами районов- 53,3% , наименее эффективными – приглашение на митинг- 21,8%, а 52,7% респондентов заявили, что городские власти частично открыты к диалогу, 3,6%- открыты, но в тоже время, 41,8% все еще отмечают, что власти закрыты для диалога. Тем не менее, по мнению одного из активистов, «до недавних пор они (чиновники) смотрели на общественников как на клоунов, не воспринимали всерьез, но сейчас все потихоньку меняется».

Выводы

В Казахстане идет дальнейшая демократизация общественных отношений, поэтому изучение качественных особенностей уровня и характера общественно-политической активности на современном этапе, новых форм гражданского активизма напрямую связано с решением проблемы социально-политической модернизации, так остро стоящей перед казахстанским обществом.

Легитимность и эффективность государственных институтов напрямую зависят от гражданского участия в процессе выработки и принятия социально значимых решений. Идея гражданского участия предполагает максимально возможное вовлечение граждан в процесс управления общественными и государственными делами, однако, как показывает исследование, основной причиной протестных действий в градостроительной политике Алматы явилось то, что граждане не стали объектом политики, механизмы представления интересов граждан оказались не рабочими, легальные каналы выстраивания диалога с властными структурами работают неэффективно. В этой связи, дальнейший рост недовольства и протестных настроений среди горожан на почве нерешенности проблем точечной застройки, ухудшения экологии и комфортности среды проживания, недоступности социальных объектов может обернуться потенциальным фактором внутренней напряженности. Городские власти часто расценивают работу активистов как помеху, которые однобоко подходят к проблемам и не смотрят на проблемы системно. Если изменить такое восприятие гражданского активизма, видеть в активистах потенциальных партнеров, то количество протестных митингов может уменьшиться и городские власти смогут приобрести бесплатный ресурс в качестве добровольных экспертов и консультантов. Уровень взаимодействия между гражданскими активистами и городскими структурами власти, как показывает исследование, находится в большей степени на уровне информирования и консультаций - то есть власти позволяют гражданам иметь право голоса, однако, их критика и предложения не учитываются должным образом, что говорит больше об имитационном характере практики согласования интересов, формальных механизмов диалога, неэффективности работы местных исполнительных органов по вовлечению граждан в формирование градостроительной политики.

Необходимо сделать градостроительную политику более прозрачной и открытой для общественности, не отказываясь от экспертной оценки и предложений профильных общественных организаций, создавая работающие механизмы вовлечения активистов в процесс принятия решений.

Список литературы

1. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры (I) // Политика. 2010. № 2 (57). С. 131–132.
2. Арнштейн Ш. Лестница гражданского участия. Журнал Американского института градостроителей, том 35, № 4, июль 1969, сс. 216-224 // <https://libking.ru/books/sci-/sci-politics/369718-sherri-arnshteyn-lestnitsa-grazhdanskogo-uchastiya.html>
3. Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан. Закон Республики Казахстан от 16 июля 2001 года № 242. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000242>
4. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство. 2011// URL: <http://mognb.ru/books/1140731-smert-i-zhizn-bolshih-amerikanskih-gorodov/read>
5. Бейсембаев С., Гусарова А., Кабатова К. Activists 2.0 Трансформация гражданского активизма в Казахстане в эпоху цифровых технологий. 2020.
6. Barrett M, Brunton-Smith I (2014) Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective, *Journal of Civil Society*, Volume 10, 2014 - Issue 1: Special Issue: Framing Civic Engagement, Political Participation and Active Citizenship in Europe:5–28.
7. Селиванова А. О. Формы политического участия: проблема типологизации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 354–357. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-354-357.
8. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития – Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60.
9. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Между политическим и аполитичным: формы участия локальных сообществ в защите городских территорий // Современный город: власть, управление, экономика [Текст]: сборник научных статей / Пермский нац. исследовательский политехнический ун-т, Пермский ин-т муниципального упр., Гуманитарный фак. ПНИПУ; [редкол. В. П. Мохов (отв. ред.) и др.]. - Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017 (обл. 2014) -. - 21 см. Вып. 7. - 2017. - 358 с. С. 218-236.
10. Семенов А.В., Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. (2018) Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта. // Журнал социологии и социальной антропологии, 21(3): 140–169.
11. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов / И. Р. Медведев. – М.: Инфотропик, 2017. – 372 с.; Кольба А.И. Политико-административное управление агломерациями: проблемы концептуализации. // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, №3. С. 76-90. DOI: 10.31429/26190567-20-3-76-90; Кольба А.И., Кольба Н.В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ. / Политическая наука, 2019, № 22. С. 160-179; Желнина А., Тыканова Е. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы). July 2021. *The Journal of Social Policy Studies* 19(2):205-222 DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222; Шевцова И.К., Бедерсон В.Д. «У власти точка зрения – молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования. // *Political science (RU)*, 2017, N 4
12. Nae M., Dumitrache L., Suditu B. and Matei E. Housing Activism Initiatives and Land-Use Conflicts: Pathways for Participatory Planning and Urban Sustainable Development in Bucharest City, Romania. // *Sustainability* 2019, 11(22), 6211; <https://doi.org/10.3390/su11226211>
13. Мюллер А. От городских совместностей к городскому планированию (или наоборот?). «Планируя» оспариваемую территорию Гляйсдрайек. // *Urban commons: Городские сообщества за пределами государства и рынка. Под редакцией М. Делленбо, М. Кипа, М. Бьеньек, А. К. Мюллер, М. Швэгмана. Перевод с английского Д. Безуглова. - М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 198-220.*
14. Насимова Г.О., Бузуртанова М.М. и Сайтова Н.А. Social protests in Kazakhstan: Factors and trends. - *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2019. Т. 35. Вып. 3. С.472-484 // <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/6283/4957>
15. Жусупова А.С. Тихий запрос на участие: почему казахстанцы не склонны к протестной активности? // <https://ekonomist.kz/zhussupova/tihiy-zapros-na-uchastie/>; Потенциал социальных сетей как механизм реализации концепции «слышащего государства» в Казахстане. // *Казахстан-Спектр -2021-2-* С.23-43.
16. Нагаева А., Беймишева А. Чего хотят алматинцы: исследование актуальных проблем городской среды и качества диалога администрации, сообщества жителей и НПО. // *Общественное доверие и социальный капитал. Международная онлайн-конференция на тему «Общественное доверие и социальный капитал» 14 декабря 2020г. Сб.материалов, Алматы, С.22.*

17. Программа развития «Алматы-2025» // URL: <http://www.mga.kz/solutions/maslikhat-programms/1528-programma-razvitiya-goroda-almaty-na-2021-2025-gody.html>
18. Как борьба городских активистов изменила градостроительную политику в Алматы. // <https://newtimes.kz/obshchestvo/141533-kak-borba-gorodskikh-aktivistov-izmenila-gradostroitelnuu-politiku-v-almaty>
19. Конец точечной застройки: как изменились правила градостроительного планирования // URL: <https://almaty.tv/news/dgizn-megarolisa/2205-konets-tochechnoy-zastrojke-kak-izmenilis-pravila-gradostroitel'nogo-planirovaniya>
20. Пресс-конференция ОО Защитим Алматы «Общественность требует вернуть корректировку Генерального плана на доработку. //URL: <https://www.facebook.com/kibhr/videos/744818006216874>
21. Постановление акимата города Алматы от 19 февраля 2021 года № 1/124 Об утверждении Программы реновации жилищного фонда в городе Алматы на 2021-2025 годы. // <https://spk-almaty.kz/>
22. Восемь урбанистических организаций Казахстана обратились к Президенту К.Токаеву с требованием реформы в системе принятия архитектурных и градостроительных решений // URL: <https://urbanforum.kz/expert-council-2021>
23. Застройщик выиграл суд по делу о строительстве ЖК возле погрангорода в Алматы // URL:<https://informburo.kz/novosti/zastrojshik-zhk-vozle-almatinskogo-instituta-akusherstva-vyigral-sud-protiv-upravleniya-gradostroitel'nogo-kontrolya>

References

1. Almond G.A., Verba S. *Grazhdanskaya kul'tura. Podkhod k izucheniyu politicheskoi kul'tury (I)* // *Politiya*. 2010. № 2 (57). S. 131–132
2. Arnshtein Sh. *Lestnitsa grazhdanskogo uchastiya. Zhurnal Amerikanskogo instituta gradostroitelei*, tom 35, № 4, iyul' 1969, ss. 216-224 // <https://libking.ru/books/sci-/sci-politics/369718-sherri-arnshteyn-lestnitsa-grazhdanskogo-uchastiya.html>
3. *Ob arkhitekturnoi, gradostroitel'noi i stroitel'noi deyatel'nosti v Respublike Kazakhstan. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 16 iyulya 2001 goda № 242*. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z010000242>
4. *Dzhekobs Dzh. Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov*. M.: Novoe izdatel'stvo. 2011// URL: <http://mognb.ru/books/1140731-smert-i-zhizn-bolshih-amerikanskikh-gorodov/read>
5. Beisembaev S., Gusarova A., Kabatova K. *Activists 2.0 Transformatsiya grazhdanskogo aktivizma v Kazakhstane v ehpokhu tsifrovyykh tekhnologii*. 2020.
6. Barrett M, Bruntton-Smith I., 2014. *Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective*, *Journal of Civil Society*, Volume 10, 2014. Issue 1: Special Issue: Framing Civic Engagement, Political Participation and Active Citizenship in Europe: pp.5–28.
7. Selivanova A. O., 2017. *Formy politicheskogo uchastija: problema tipologizatsii* [Forms of political participation: the problem of typology] *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya*. Vol. 17, Issue. 3. pp. 354–357. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-3-354-357.
8. Nikovskaja L.I., Skalaban I.A., 2017. *Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendentsii real'nogo razvitiya* [Civic Participation: Features of Discourse and Real Development Trends] *Polis. Politicheskie issledovanija*. No 6. pp. 43-60.
9. Tykanova E.V., Khokhlova A.M. *Mezhdou politicheskimi i apolitichnym: formy uchastiya lokal'nykh soobshchestv v zashchite gorodskikh territorii* // *Sovremennyy gorod: vlast', upravlenie, ehkonomika* [Tekst]: sbornik nauchnykh statei / Permskii nats. Issledovatel'skii politekhnicheskii un-t, Permskii in-t munitsipal'nogo upr. Gumanitarnyy fak. PNIPU; [redkol. V. P. Mokhov (otv. red.) i dr.]. - Perm': Izd-vo PNIPU, 2017 (obl. 2014). - 21 sm. Vyp. 7. - 2017. - 358 s. S. 218-236.
10. Semenov A.V., Shevtsova I.K., Bederson V.D. (2018) *Gorodskaya mobilizatsiya i gradostroitel'naya politika: strategicheskoe vzaimodeistvie mestnykh zhitelei i zastroishchikov v situatsii konflikta*. // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 21(3): 140–169.
11. Medvedev I. R. *Razreshenie gorodskikh konfliktov* / I. R. Medvedev. – M.: Infotropik, 2017. – 372 s.; Kol'ba A.I. *Politiko-administrativnoe upravlenie aglomeratsiyami: problemy kontseptualizatsii*. // *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk*. 2019. T. 20, №3. S. 76-90. DOI: 10.31429/26190567-20-3-76-90; Kol'ba A.I., Kol'ba N.V. *Gorodskie konflikty kak faktor grazhdansko-politicheskoi aktivizatsii lokal'nykh soobshchestv. / Politicheskaya nauka*, 2019, № 22. S. 160-179; Zhelnina A., Tykanova E. «Igrok!» na «arenaKH»: analiz vzaimodeistvii v gorodskikh lokal'nykh konfliktakh (sluchai Sankt-Peterburga i Moskvy). July 2021. *The Journal of Social Policy Studies* 19(2):205-222 DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222; Shevtsova I.K., Bederson V.D. «U vlasti tochka zreniya – molchaniE»: vzaimodeistvie initsiativnykh grupp i organov mestnoi vlasti v politike gorodskogo planirovaniya. // *Political science (RU)*, 2017, N 4
12. Nae M., Dumitrache L., Suditu B., Matei E., 2019. *Housing Activism Initiatives and Land-Use Conflicts: Pathways for Participatory Planning and Urban Sustainable*

- Development in Bucharest City, Romania. Sustainability 11(22), 6211. Available at: URL: <https://doi.org/10.3390/su11226211>
13. Myuller A. Ot gorodskikh sovmeštnostei k gorodskomu planirovaniyu (ili naoborot?). «PlaniruYA» osparivaemuyu territoriyu Giyaisdraiek. // Urban commons: Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka. Pod redaktsiei M. Dellenbo, M. Kipa, M. B'en'ek, A. K. Myuller, M. Shvegmana. Pervod s angliiskogo D. Bezuglova. - M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. C.198-220.
 14. Nasimova G.O., Buzurtanova M.M. i Saitova N.A. Social protests in Kazakhstan: Factors and trends. - Vestnik SPBGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2019. T. 35. Vyp. 3. S.472-484 // <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/6283/4957>
 15. Zhushupova A.S. Tikhii zapros na uchastie: pochemu kazakhstantsy ne sklonny k protestnoi aktivnosti? // <https://ekonomist.kz/zhushupova/tihiy-zapros-na-uchastie/>; Potentsial sotsial'nykh setei kak mekhanizm realizatsii kontseptsii «slyshashchego gosudarstva» v Kazakhstane.// Kazakhstan-Spektr -2021-2- S.23-43.
 16. Nagaeva A., Beimisheva A. Chego khotyat almatintsy: issledovanie aktual'nykh problem gorodskoi sredy i kachestva dialoga administratsii, soobshchestva zhitelei i NPO. // Obshchestvennoe doverie i sotsial'nyi kapital. Mezhdunarodnaya onlain-konferentsiya na temu «Obshchestvennoe doverie i sotsial'nyi kapital.» 14 dekabrya 2020g. Sb.materialov, Almaty, S.22.
 17. Programma razvitiya «Almaty-2025» // URL: <http://www.mga.kz/solutions/maslikhat-programms/1528-programma-razvitiya-goroda-almaty-na-2021-2025-gody.html>
 18. Kak bor'ba gorodskikh aktivistov izmenila gradostroitel'nuyu politiku v Almaty. // <https://newtimes.kz/obshchestvo/141533-kak-borba-gorodskikh-aktivistov-izmenila-gradostroitel'nuyu-politiku-v-almaty>
 19. Konets tochechnoi zastroyke: kak izmenilis' pravila gradostroitel'nogo planirovaniya // URL: <https://almaty.tv/news/dgizn-megapolisa/2205-konets-tochechnoy-zastroyke-kak-izmenilis-pravila-gradostroitel'nogo-planirovaniya>
 20. Press-konferentsiya OO Zashchitim Almaty «Obshchestvennost' trebuat vernut' korrektyrovku General'nogo plana na dorabotku. // URL: <https://www.facebook.com/kibhr/videos/744818006216874>
 21. Postanovlenie akimata goroda Almaty ot 19 fevralya 2021 goda № 1/124 Ob utverzhenii Programmy renovatsii zhilishchnogo fonda v gorode Almaty na 2021-2025 gody. // <https://spk-almaty.kz/>
 22. Vosem' urbanisticheskikh organizatsii Kazakhstana obratilis' k Prezidentu K.Tokaevu s trebovaniem reformy v sisteme prinyatiya arkhitekturnykh i gradostroitel'nykh reshenii // URL: <https://urbanforum.kz/expert-council-2021>
 23. Zastroishchik vyigral sud po delu o stroitel'stve ZHK vozle pograngorodka v Almaty // URL:<https://informburo.kz/novosti/zastroishchik-zhk-voze-almatinskogo-instituta-akusherstva-vyigral-sud-protiv-upravleniya-gradostroitel'nogo-kontrolya>

DILEMMA AND COUNTERMEASURES OF EDUCATION DIGITIZATION POLICY IN KAZAKHSTAN IN THE POST- PANDEMIC ERA

Giliziyi Baishan

Lecturer at the Shanghai International Studies University, Shanghai, China.

Doctor's degree Student of the Department of Political Sciences, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.

E-mail: 02600@shisu.edu.cn

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-3.04>

Abstract. COVID-19 has accelerated the process of digital transformation of education in various countries. Kazakhstan has actively developed education digitization in recent years, but faced with a sudden pandemic, many problems have emerged in the process of online education. This has exacerbated the inequality of educational resources in various places, increased the cost of education and education, and caused problems such as the inability of online courses to guarantee the effect. This article explores the dilemma of the digital transformation of education in Kazakhstan and understands its safeguards by studying international experiences. Finally, suggestions and countermeasures are put forward. It is necessary to continue to promote the new infrastructure construction of education, build and share high-quality educational resources, strengthen the training system of teachers' information literacy, and rebuild the education evaluation mechanism based on digitalization.

Keywords: *COVID-19, digitalization of education, transformation, online education, educational infrastructure, educational resources, information literacy, educational evaluation.*

**ПАНДЕМИЯДАН КЕЙІНГІ КЕЗЕҢДЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БІЛІМ
БЕРУДІ ЦИФРЛАНДЫРУ СЯСАТЫНЫҢ ДИЛЕММАСЫ ЖӘНЕ ҚАР-
СЫ ШАРАЛАРЫ**

Гулицзыи Байшань

Шанхай шет тілдер университетінің аға оқытушысы, Шанхай, Қытай, e-mail: 02600@shisu.edu.cn

Саясаттану кафедрасының докторанты, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан.

Аңдатпа. COVID-19 әртүрлі елдердегі білім беруді цифрлық түрлендіру процесін жеделдетті. Қазақстан соңғы жылдары білім беруді цифрландыруды белсенді түрде дамытты, бірақ кенеттен туындаған пандемияға тап болғанда, онлайн-білім беру процесінде көптеген проблемалар туындады, бұл әртүрлі өңірлердегі білім беру ресурстарының теңсіздігін тереңдетті, білім беру құнын арттырды, сондай-ақ онлайн-сабақтардың тиімділігіне кепілдік беру қиын болды. Бұл мақалада Қазақстандағы білім беруді цифрлық трансформациялаудың дилеммасы қарастырылады және халықаралық тәжірибені зерделеу негізінде қажетті қорғау шаралары талданады. Сонымен, білім берудің жаңа инфрақұрылымын салуды үнемі алға жылжыту, жоғары сапалы білім беру ресурстарын құру және бөлісу, мұғалімдердің ақпараттық сауаттылығын оқыту жүйесін жақсарту және цифрландыру негізінде білім беруді бағалау тетігін қайта құру бойынша ұсыныстар мен қарсы шаралар ұсынылады.

Түйінді сөздер: COVID-19, білім беруді цифрландыру, трансформация, онлайн білім беру, білім беру инфрақұрылымы, білім беру ресурстары, ақпараттық сауаттылық, білімді бағалау.

ДИЛЕММА И КОНТРАМЕРЫ ПОЛИТИКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Гулицзын Байшань

Старший преподаватель Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай, Китай, e-mail: 02600@shisu.edu.cn

Докторант кафедры политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан.

Аннотация. COVID-19 ускорил процесс цифровой трансформации образования в разных странах. Казахстан в последние годы активно развивал цифровизацию образования, но столкнувшись с внезапно возникшей пандемией, в процессе онлайн-образования возникло множество проблем, что усугубило неравенство образовательных ресурсов в различных регионах, повысило стоимость образования, и также было сложно гарантировать эффективность онлайн-занятий. В данной статье рассматривается дилемма цифровой трансформации образования в Казахстане, и на основе изучения международного опыта разбираются необходимые защитные меры. Наконец, выдвигаются предложения и контрмеры для постоянного продвижения строительства новой инфраструктуры образования, создания и обмена высококачественными

образовательными ресурсами, улучшения системы обучения информационной грамотности учителей и перестройки механизма оценки образования на основе цифровизации.

Ключевые слова: COVID-19, цифровизация образования, трансформация, онлайн-образование, образовательная инфраструктура, образовательные ресурсы, информационная грамотность, оценка знаний.

Introduction

In the 21st century, digitalization is being actively developed worldwide. Kazakhstan has also kept pace with the times. On December 12, 2017, the “Digital Kazakhstan” plan was proposed, and a series of plans were formulated to fully transform into a digital country. The Ministry of Education and Science of Kazakhstan is responsible for implementing the digitalization of education, vigorously training ICT professionals, and providing professional manpower for the country’s development of digitalization. According to the 2018 Digitalization Report of the Ministry of Education and Science of Kazakhstan, 65% of cities have Internet access, and only 35% of rural areas have Internet access. The Ministry of Education and Science of Kazakhstan plans to increase this figure to 89% and 67% respectively in 2019, 97% and 93% in 2020, and 100% in 2021, strengthen the educational infrastructure, gradually digitize education, and further promote Changes in teaching methods [1].

The sudden outbreak of COVID-19 in early 2020 has become a global pandemic, according to data from the “Education Policy Briefing During and Beyond the COVID -19” released by United Nations Secretary-General Antonio Guterres on August 4, 2020, It shows that the pandemic has caused the most severe damage to the education system in history. More than 191 countries and regions around the world have closed schools and teaching institutions, and nearly 1.6 billion students have been affected [2]. The pandemic has also brought considerable challenges to the digitalization of education in Kazakhstan, and at the same time has been forced to speed up the digitalization of education in Kazakhstan.

At the beginning of 2020, after the first case of COVID-19 in Kazakhstan appeared, the Ministry of Education and Science of Kazakhstan has successively issued many policy documents such as “Regulatory documents of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan on Distance Education During COVID-19 (Orders, Guidelines and Instructions)” to guide the normal functioning of the Kazakh education system. During the epidemic, the Ministry of Education and Science of Kazakhstan began implementing a distance education model in four directions. The first is distance education through TV channels. The second is distance education through broadcasting. The third is to conduct distance education by mail, mainly used for homework retention and collection. The fourth is to use online platforms, such as zoom, Microsoft teams, moodle, BilimLand, Daryn.online, Kundelik, etc. and guide teachers and students to ensure the continuous development of education through

these models. In response to the sudden onset of COVID-19, an unprecedented nationwide online education practice has accelerated the transformation of education to digital, but at the same time exposed many shortcomings of digital. How to grasp the opportunities and meet the challenges, realize the transformation of educational forms, the expansion of educational opportunities, the reconstruction of school space and the renewal of learning mode, speed up the comprehensive construction process of education digitization and lead the modernization of education is an urgent problem facing Kazakhstan's education [3].

Research methodology

This paper uses policy analysis, literature research and comparative methods. Through policy analysis, the relevant literature on education digitalization policies in Kazakhstan in recent years is collected and organized to understand the progress of education digitalization transformation. Discuss the main problems of online education in Kazakhstan during the epidemic. By studying the digital experience of international education and based on the existing problems, put forward targeted suggestions for the digital transformation of education in Kazakhstan.

Discussion

The dilemma brought by the pandemic to the digital transformation of education

1. The pandemic has exacerbated inequalities in educational resources

The digital construction of education in Kazakhstan is unbalanced between different regions, between urban and rural areas, and between schools, especially in rural areas. The level of school network construction and informatization application capabilities are significantly lower than those in cities. The sudden outbreak of the pandemic has exposed the inadequacy of education informatization construction in many schools, so there is no way to achieve online education, leading to further inequities in education. The resources required for the transformation of educational informatization include hardware facilities, basic equipment, teacher manpower and other multi- faced supports.

2. The pandemic has increased the cost of education and access to education

The sudden outbreak has imposed additional costs on schools and students. In the process of online education, schools need to bear the cost of course recording and various educational tools. Students need to buy computers, mobile phones and so on to listen to lectures online. More than 300,000 students in Kazakhstan have no access to computers during the pandemic. To this end, the Ministry of Education and Science of Kazakhstan decided to distribute school computers to students temporarily, and purchased 80,000 new computers to ensure the normal conduct of online courses. During the pandemic, schools in remote areas showed problems such as weak infrastructure construction, lack of planning for online materials and teaching materials, failure of information management, and failure to deal with them promptly. The quality of network connections has also become a common

issue faced by schools and students. In order to ensure the normal progress of online education, schools need to invest a lot of money to solve problems such as basic hardware facilities and system upgrades.

3. The effect of online courses cannot be guaranteed

Since the outbreak of the pandemic until early 2022, Kazakhstan has been using the online teaching model. Although the essential online teaching work is guaranteed at the level of the state and the Ministry of Education and Science of Kazakhstan, many problems are still exposed. For example, the learning atmosphere of online teaching classrooms is insufficient, it is difficult for teachers to grasp the real-time listening status of students, the interaction and emotional communication between teachers and students are insufficient, the network speed is slow, students are difficult to concentrate, and online teaching cannot achieve the expected results. Online courses have higher requirements for students' self-discipline in learning, and need their families to create a good learning atmosphere for students without interfering with online learning concentration. During the pandemic, online courses have brought greater challenges to practical courses such as experimental courses, physical education courses, and music courses. It is necessary for schools to innovate teaching methods according to the particularity of the curriculum in order to achieve the effect of the curriculum.

4. The pandemic has tested teachers' ability to transform digitally

Before COVID-19 pandemic, the concept of digital literacy and digital teaching in Kazakhstan was still in the early stage of exploration, and there was an insufficient experience in education digitalization practice. In the emergencies of COVID-19 pandemic, teachers are forced to contact online teaching, and learn to master and improve education digitization-related skills while using them. In this process, the quality of the courses is not up to standard, which affects the learning effect of students. Many schools in Kazakhstan do not have the ability to provide teachers with more digital resources, professional training, and reasonable incentive mechanisms, resulting in the inability to promote the rapid improvement of teachers' digital capabilities. At present, there are not enough teachers in Kazakh schools who can produce high-quality online courses, which is not enough to support the digital transformation of education.

Learning from international experience, taking the digitalization of education in China and Finland as examples

1. The digitalization process of education in China

In recent years, China's education digitization has developed very well. In 2010, the Chinese government issued the Outline of the National Medium- and Long-Term Educational Reform and Development Plan (2010-2020), which clearly stated that information technology has a revolutionary impact on education development and must be highly valued. Since 2010, the Ministry of Education of China has led a number of departments to issue a total of 98 education informatization plans and related policy documents, and put forward clear ideas and specific requirements

from top-level design, development goals, key tasks, action measures: Strengthening digitalization Transform scientific research; give full play to the advantages of universities in the field of digital transformation in disciplines, technology, talents, etc.; support the digital transformation of cities and the construction of an intelligent society. The Chinese government issued the “Education Informatization 2.0 Action Plan” in 2018 and released “China’s Education Modernization 2035” in 2019, describing the phased characteristics of education informatization in the digital age. It also pointed out that it is necessary to promote the new infrastructure of education, create a new environment for the development of education digitalization, fully realize all schools’ access to the Internet, meet the needs of information-based teaching, and gradually popularize the application of wireless networks and smart devices in campuses. At the same time, digital teaching applications need to cover all teachers, learning applications need to cover all school-age students, and digital campus construction needs to cover all schools. It is necessary to further strengthen the information literacy level of teachers and students, build a large platform of “Internet + education”, build a new model of education personnel training, develop a new model of educational services, and explore the model of education governance in the information age [6].

2020, China has been vigorously innovating educational digital scenarios, focusing on replicable, scalable, and high-quality educational application scenarios, coordinate and promote the infrastructure of 10 types of educational application scenarios including teaching, learning, management, examination, evaluation and research, services, resources, practical activities, and home-school interaction. Promote the digitalization of education evaluation and carry out data-driven comprehensive evaluation of education. All localities will connect with the National Education Digital Resource Center to further integrate internal and external and social educational resources, improve the effective supply, and use efficiency of educational resources, and provide citizens with high-quality, balanced, rich and convenient learning support. Implement high-quality national information technology courses for primary and secondary schools and encourage and support educational institutions such as universities and community schools to build information literacy learning platforms and training systems for various social groups. China has comprehensively established and improved a sustainable development mechanism for education informatization, built a networked, digital, intelligent, personalized, and lifelong education system, and built a learning society where everyone can learn, can learn everywhere, and can learn from time to time. The overall level of educational informatization.

2. The digitalization process of education in Finland

With the rapid development of computer science and the trend of social digitization, Finland launched a new round of basic education curriculum reform in 2013, carried out education digitization activities at the national level, and fully implemented the new curriculum standards in 2016. The new curriculum standard clarifies that information technology literacy is not only the object and content of

learning, but also the means and tool of learning. It requires that all grades and all disciplines should use ICT technology reasonably and effectively from the basic education stage.

In the education reform action plan issued by the Finnish Ministry of Education and Culture, the Ministry of Education and Culture of Finland has taken many measures to promote information technology education and invested a lot of money every year to promote the reform of learning methods, the innovation of learning environment and the digitization of learning materials. The three dimensions have promoted the innovation of basic education. develop. Finland attaches great importance to improving the informatization and digital literacy of students and teachers and has developed an online model for teachers' professional development and related electronic resources to ensure that teachers can obtain MOOC resources and improve teachers' professional ability. The Finnish Ministry of Education selects and trains "digital teaching trainers" for all schools. These "trainers" are responsible for training and guiding other teachers to carry out digital teaching methods and strategies, so as to promote the digitalization of teaching in schools. In order to promote the implementation of intelligent education policies, Finland will launch a national-level education system focusing on student identity information management, school daily activity management, game-based education, programming and computational thinking education, digital ability evaluation of teachers and students, and university entrance exams. Implement a series of educational digital practice projects, and vigorously develop and construct a digital learning resource platform. This ensures that all schools have access to digital resources provided by national level platforms. In addition, in the process of teaching implementation, Finland pays attention to the integration and penetration of information technology education across learning and has adopted a series of measures such as innovative teaching environment.

Guarantee measures for the transformation of education informatization

1. The government should promote the digital transformation of education in an all-round way, and strengthen the cooperation and linkage of departments

The digital transformation of education needs to formulate a reasonable plan and layout at the national level. It is necessary to promote the joint promotion of education, industry and information, finance, human resources, communication management and other departments. It is necessary to improve the organizational leadership structure of each department for the digital transformation of education, and to clarify the tasks of each department, positioning and responsibilities, establish an effective multi-subject, resource sharing, and coordinate to promote the national education informatization work. It is necessary to further improve the leadership mechanism, effectively integrate the strengths of management departments, business departments, and technical departments, and do an excellent job in the implementation of tasks. Strengthen the supervision and evaluation of the digital

transformation work of each district and each educational unit by the education supervision department, and regularly disclose the progress and results of the work.

2. Education departments should improve digital policy support and strengthen overall planning

Continue to improve the national education digital construction configuration standards, do an excellent in the financial education expenditure structure, and ensure the main tasks and key projects of digital transformation construction. Schools of all levels and types should increase their support for the construction of educational informatization. On the premise of ensuring the regular operation of schools, priority should be given to ensuring the funds required for the construction of educational informatization, and encouragement and guidance to improve the effectiveness and sustainability of digital applications. The online click-through rate of online courses, digital contributions such as participating in the digital construction of schools and opening online public courses are included as bonus elements into the teacher rank evaluation system. Set up a digital education department, improve the evaluation system and promotion paths.

3. The school should strengthen the cooperation of enterprises and scientific research institutions to promote the transformation of achievements

Give full play to the advantages of universities, enterprises, and think tanks, establish a government-industry-university-research collaboration mechanism, realize diversified investment, scientific design and promotion, and ensure the digital transformation construction and development support policy system. Guide and encourage universities, scientific research institutions, and enterprises to set up research platforms for digital transformation of education, build communication platforms, integrate the advantages of all parties, continuously stimulate the innovative vitality of scientific researchers, support the exploration and practice of digital transformation of education, and promote the application of scientific and technological innovation and the transformation of achievements. Support social institutions to participate in collaborative education in education and ensure diversified investment in the digital transformation of education.

4. Information departments strengthen network security and consolidate technical support

While promoting the digital transformation of education, strengthen the network security system and mechanism, implement the network security responsibility system, and take the school as the unit to implement the main responsibility for network security. Coordinate the construction of an integrated network security supervision mechanism, improve the ability of intelligent diagnosis and disposal of network security, and provide security services such as detection, defense, and response of key systems and key information facilities. While carrying out digital education, implement the network security registration protection system, strengthen the exchange and sharing of network security hidden dangers and letter information, and establish a normal network security attack and defense drill and training evaluation working mechanism.

Results

Facing the post-pandemic era, how to promote the sustainable and in-depth development of digitalization of education in Kazakhstan is a matter of great concern to the education system and the whole society.

1. Build and share high-quality educational resources and focus on online teaching quality

In the post-pandemic era, accelerating the digitalization of education is an important task. Kazakhstan needs to customize the education system and education policy according to its own development situation and guide the digital transformation process of the education system. In this process, it is necessary to share educational resources and pay attention to the quality of online teaching to ensure the effective promotion of education digitalization. Kazakhstan needs to increase policy support for education digitization, increase capital investment, build an education sharing resource platform, and organize excellent teachers to build online classrooms for each course for students across the country. Focus on reproducible, scalable, and high-quality educational application scenarios, explore the construction of digital twin schools, and promote high-quality educational resources nationwide.

2. Promote the construction of new education infrastructure and create a combined online and offline mode of education digitalization

Kazakhstan needs to further develop education digital infrastructure, actively integrate into the new national infrastructure, promote 5G + cloud network integration, implement campus network upgrades, and reshape the entire chain of modern education. Through the practice of online teaching mode in the past two years, it is certain that offline teaching is an irreplaceable mode. If you can effectively combine the online and offline teaching mode, you will get twice the result with half the effort. The mixed teaching mode can not only play the leading role of teachers' guidance, inspiration, and teaching process, but also enhance students' enthusiasm and creativity. Therefore, under the support and guidance of the Ministry of Education and Science of Kazakhstan, schools need to promote and create a hybrid online and offline model vigorously. In this process, the most challenging thing to achieve is practical teaching. In this regard, schools should fully information technology to create a simulation practice application environment, build a cloud environment simulation training platform, and accelerate the construction of an online and offline hybrid teaching model that emphasizes both theory and practice.

3. Provide continuous learning programs and improve teachers' information literacy training system

most critical role in the digital transformation of education, both builders and participants. However, the qualifications and abilities of teachers in Kazakhstan vary widely. Kazakhstan should cultivate teachers' digital thinking to adapt to the development trend of the information age and improve teachers' ability to use information technology to solve problems. Therefore, it is necessary to do a good job in the training of teachers' technical ability improvement. Although artificial intelligence cannot completely replace the work of teachers in the future, teachers can carry out

teaching work more effectively through digitalization. Therefore, teachers should be guided to actively accept the concept of education digitalization and improve their enthusiasm. Promote the reform of educational technology public courses in normal colleges and universities, build future teachers' information literacy training bases, and support normal colleges and universities to use information technology to carry out basic research and practical application of education and teaching. Encourage and support educational institutions such as universities and community schools to build information literacy learning platforms and training systems for various social groups.

4. Promote the digitalization of education evaluation and carry out data-driven comprehensive evaluation of education

As the basic composition of future education, digital education will inevitably face the problem of evaluation in the process of development. For digital education, Kazakhstan should optimize educational evaluation concepts, technologies and tools, and rebuild an educational evaluation mechanism based on digitalization. Relying on accompanying data collection, establish long-term, cross-field, multi-dimensional portraits of teachers and students, strengthen education evaluation data governance, build digital files covering the life of teachers and students, and provide accurate guidance and guidance for student growth and teacher development. Strengthen the collection, analysis, feedback and application of educational dynamic evaluation results, and research and promote the application of students' comprehensive quality evaluation in examinations. Based on big data, continuously improve the education quality monitoring and evaluation system, support the multi-dimensional evaluation of educational talents, and support the early identification and training of top-notch innovative talents.

Conclusions

In the post-pandemic era, the digital transformation of education in Kazakhstan is an irreversible and inevitable trend. Although the epidemic has exposed many problems in the implementation of distance education in Kazakhstan. However, this has also brought new opportunities to the digital transformation of education in Kazakhstan and accelerated the process of education digitalization.

Kazakhstan is in a critical period of digital transformation and upgrading of education. It is necessary to learn not only the technologies, experiences and practices of developed countries, but also the various attempts of developing countries. At the same time, it is necessary to objectively understand the stage of their own development and the development status of education in different regions of the country. Based on the targeted learning of advanced experience, a digital transformation path that suits Kazakhstan's national conditions is explored.

References

1. Prime Minister of Kazakhstan website: State Program Digital Kazakhstan [Electronic Resource]. 2017. Available at: <https://primeminister.kz/assets/media/gosudarstvonnaya>

- programma-tsifrovoy-kazakhstan-rus.pdf?ysclid=l4teb02z kf793933177 (Accessed: 21.03.2022).
2. The Paper.cn. UN: The COVID-19 pandemic has hit education systems, affecting nearly 1.6 billion students worldwide [Electronic Resource].2021. Available at: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_8596263 (Accessed: 21.04.2022).
 3. Official website of the online law of Kazakhstan: Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated April 1, 2020 No. 123 On strengthening measures to prevent the spread of coronavirus infection COVID-19 in educational institutions during the pandemic [Electronic Resource]. 2020. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39049590&pos=4;-106#pos=4;-106 (Accessed: 15.04.2022).
 4. Uvarova A.Yu. Frumina I.D. Difficulties and prospects of the digital transformation of spraying. Publishing House of the Higher School of Economics. Moscow. 2019
 5. Official website of the Government of Kazakhstan: National report on the state and development of the education system of the Republic of Kazakhstan (based on the results of 2019) [Electronic Resource]. 2020. Available at: https://www.gov.kz/uploads/2021/3/11/004d895b28e14465fc4f257dfaa0691d_original.17822697.pdf?ysclid=l4tffxl9vt660616799 (Accessed: 15.04.2022).
 6. Official website of China's Ministry of Education. Education informatization plan and related policy documents [Electronic Resource]. Available at: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk/neirong/fenlei/sxml_jyxxh/jyxxh_xxx/xxh_xgzc/ ((Accessed:27.12.2021)
 7. Shen Tao. Characteristics and Reflections of Online education in the Post-epidemic era. Computer Knowledge and Technology.2021 (32)
 8. Philip G. Altbach. COVID-19 has accelerated the transformation of internationalization of higher education. Management of Higher Education.2022 (1)
 9. Li Nannan. Opportunities and Challenges for the development of basic education in the post-epidemic era. Education and Teaching Research. 2021(11)
 10. China.org.cn. Zhang Zhiyong: Background and trend of school education reform in the post-epidemic era. Available at: http://edu.china.com.cn/2020-07/20/content_76291234.htm (Accessed:20.04.2022)

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ КАЗАХСТАНЦЕВ К МИТИНГАМ

Айгерим Жунусова¹

Мәди Омаров²

Динара Ниеткалиева³

¹докторант и преподаватель кафедры политологии и политических технологий КазНУ им. аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы), e-mail*: zhunussova.aigerim.polit@gmail.com

²докторант и преподаватель кафедры политологии и политических технологий КазНУ им. аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы), e-mail: madi.bekbolat177@gmail.com

³докторант кафедры политологии и политических технологий КазНУ им. аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы), e-mail: issengeldina.di@gmail.com

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-3.05>

Аннотация. В статье раскрываются вопросы отношения казахстанского общества к митингам. Изучение трудов отечественных и зарубежных авторов по данной проблематике позволило проанализировать причины, обуславливающие особенности восприятия протестов населением. Результаты анализа фокус-групп, проведенных в рамках научного проекта AP08857524 «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды», позволили выявить факторы положительного и негативного отношения казахстанцев к митингам.

Ключевые слова: *политический протест, протестный потенциал, митинги, политическое участие, политическое сознание.*

ҚАЗАҚСТАНДЫҚТАРДЫҢ МИТИНГТЕРГЕ ҚАТЫНАСЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Әйгерім Жүнісова¹, Мәди Омаров², Динара Ниетқалиева³

¹Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының докторанты және оқытушысы (Қазақстан, Алматы қ.), e-mail*: zhunussova.aigerim.polit@gmail.com

²Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының докторанты және оқытушысы (Қазақстан, Алматы қ.), e-mail: madi.bekbolat177@gmail.com

³Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының докторанты (Қазақстан, Алматы қ.), e-mail: issengeldina.di@gmail.com

Андатпа. Мақалада қазақстандық қоғамның митингтерге қатынасы туралы мәселелер ашылады. Осы мәселе бойынша отандық және шетелдік авторлардың еңбектерін зерттеу халықтың наразылықтарды қабылдау ерекшеліктерін анықтайтын себептерді талдауға мүмкіндік берді. AP08857524 «Қазақстандағы наразылық әлеуеті: ерекшеліктері, факторлары мен трендтері» ғылыми жобасы аясында өткізілген фокус-топтардың талдау нәтижелері қазақстандықтардың митингтерге оң және теріс қатынасының факторларын анықтауға мүмкіндік берді.

Түйінді сөздер: саяси наразылық, наразылық әлеуеті, митингілер, саяси қатысу, саяси сана

FEATURES OF THE ATTITUDE OF KAZAKHSTAN PEOPLE TO RALLIES

Aigerim Zhunusova¹, Madi Omarov², Dinara Nietkalieva³

¹Doctoral student and lecturer of the Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan, Almaty), e-mail*: zhunusova.aigerim.polit@gmail.com

²Doctoral student and lecturer of the Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan, Almaty), e-mail: madi.bekbolat177@gmail.com

³Doctoral student and lecturer of the Department of Political Science and Political Technologies of Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan, Almaty), e-mail: issengeldina.di@gmail.com

Abstract. The article reveals the issues of the attitude of the Kazakhstan society to the rallies. The study of the works of domestic and foreign authors on this issue allowed us to analyze the reasons that determine the peculiarities of the perception of protests by the population. The results of the analysis of focus groups conducted within the framework of the AP08857524 scientific project “Protest potential in Kazakhstan: features, factors and trends” allowed us to identify factors of positive and negative attitude of Kazakhstan people to rallies.

Keywords: political protest, protest potential, rallies, political participation, political consciousness.

Введение

За последние два года количество митингов в Казахстане значительно увеличилось, что отражается на социально-политической жизни общества и создаёт необходимость изучения отношения общества к происходящим политическим процессам. Казахскими авторами написано множество работ, посвященных изучению вопросов социального самочувствия [1; 2; 3] и протестного настроения населения [4; 5; 6; 7], казахстанские исследовательские центры на постоянной основе проводят мониторинги общественного мнения. Актуальность данной статьи обоснована произошедшими в Казахстане протестами, сопровождавшимися массовыми беспорядками в январе 2022 года. Подобные масштабы такого рода событий ещё не происходили в Казахстане ранее и получили название «Январская трагедия» [8]. Готовности населения страны выходить на акции протеста в большом количестве предшествовали причины социального настроения граждан, природу которых следует искать в области индивидуальной психологии граждан, их отношения к митингам и другим акциям протеста, социально-экономических условиях жизни. Глубинные причины произошедшего на данном этапе остаются малоизученными.

Гипотеза настоящей статьи состоит в том, что причиной положительного отношения выступает восприятие митинга в качестве демократического атрибута политической жизни, а причинами негативного отношения к митингам являются такие факторы, как страх и недоверие, обусловленные в том числе «катастрофическим сознанием».

При том, что существует большое количество теорий, связанных с причинами протестных действий, малоизучен вопрос того, с чем связано сформированное в том или ином обществе отношение к протестам. Подобного рода исследования базируются на теориях из социальной психологии. Например, такие авторы как Джозеф Свитмен, Грегори Р. Майо, Рассел Спирс, Энтони С. Р. Мэнстед, Эндрю Дж. Ливингстон смотрят на отношение к протесту прежде всего через психологические процессы, а отношение к протестам самих протестующих или потенциально протестующих считают моделями коллективного политического действия [9].

Маттео Вергани, Грег Бартон и Мухаммад Икбал [10] представляют группу исследователей, изучивших причины положительного или отрицательного отношения именно к насильственному протесту. Они изучили данные двух типов людей: с положительным и отрицательным отношением к насилию в Италии, исследуя факторы, которые могут объяснить, почему некоторые люди отвергают насильственный протест, несмотря на важные связи (т. е. дружбу, родственные или романтические отношения) с людьми, которые положительно относятся к насилию и несмотря на принадлежность к одному и тому же общественному движению. В других исследованиях можно проследить, что насилие приводит к негативному мнению о протестах, а массовые мирные протесты напротив, приносят общественную поддержку [11].

Жаклин ван Стекеленбург [12] считает, что в первую очередь, отношение к протестам зависит от самого процесса политических протестов или от предшествующих акций протеста. Ж. Стекеленбург пришла к выводу, что уличные демонстрации влияют и на общественное мнение, и также имеют впоследствии влияние на политическую повестку дня, увеличивая внимание к проблеме после демонстрации. Близкую тематику изучали Стефан Уолгрейв и Ренс Флигентхарт [13]. Они провели объединенный анализ временных рядов, чтобы оценить, как количество и масштабы демонстраций влияют на политическую повестку дня в Бельгии (1993–2000 гг.). Их исследование показало, что отношение к протестным действиям в обществе имеет значение для определения политической повестки дня. Это исследование также способствует научному пониманию силы протеста, определяющей повестку дня, показывая сложность причинно-следственных механизмов воздействия протеста. В том числе обращает на себя внимание информационный фактор и роль СМИ в качестве промежуточной переменной, также влияющей на отношение к протестам и на политическую повестку дня. Большое количество факторов определяет то, что протесты по одним вопросам имеют больший эффект, чем по другим.

Таким образом, современные исследователи затрагивают аспекты влияния протестов на общество, но не всегда берут во внимание полную систематизацию причин общественного отношения к протестам. В контексте изучения данной тематики отдельное внимание следует уделить концепции «теории социального сравнения» и теории «мобилизации ресурсов», которые обосновывают положительное отношение к митингам, а также необходимо проанализировать феномены социальной тревоги и недоверия, которые во многом обосновывают негативное отношение граждан к протестам. Среди авторов теорий социальной тревоги следует отметить работы М. Ренн, П. Джексона, Дж. Эвертса, М. И. Витковской. В свою очередь по изучению недоверия примечательны труды П. Штомпки, А. Б. Купрейченко и др.

Методы исследования.

Основным методом исследования в данной статье выступает метод анализа фокус-групп, который позволил получить ответы на вопросы об отношении казахстанцев к митингам и другим акциям протеста. Результаты представленных данных получены в 2021 году, еще до январских событий, что позволяет объяснить некоторые из ранних причин возникновения протестности населения. Практическая значимость статьи дает возможность дальнейшего изучения проблем протестного потенциала общества.

Данные 16 фокус-групповых дискуссий с общим количеством 104 респондентов были собраны в таких городах Казахстана как Тараз, Нур-Султан, Кызылорда, Актобе, Алматы, Жезказган, Караганда, Атырау, Усть-Каменогорск, Петропавловск, Мангистау (Жанаозен). Фокус-групповые дискуссии были проведены как посредством живого взаимодействия интервьюера и рес-

пондентов, так и посредством видеоконференцсвязи, с использованием программы Zoom.

Результаты исследования и их обсуждение

Причины положительного отношения казахстанцев к митингам

Анализ данных фокус-групп показал, что положительное отношение населения к митингам вызвано несколькими факторами. Один из ключевых факторов — это понимание митинга как демократической процедуры, которая способствует соблюдению принципа свободы слова. В этой связи существует множество концепций и трудов оценивающих роль протестов в развитии демократии. Так, американский политолог Дэниел К. Гиллион [14] отмечает, что протесты имеют огромное значение для демократии и дают возможность большинству людей в обществе узнать о проблемах и повлиять на их решение. Многие казахстанцы соглашались с такой ролью протестов и готовы воспринимать митинги как процесс, способствующий укреплению демократии. Прежде всего, это связано с положительной оценкой респондентами зарубежного опыта, а именно опыта развития демократических, в основном европейских стран. Основу такого отношения составляет теория «социального сравнения», автором которой является Л. Фестингер [15]. Согласно данной теории, индивиды склонны к тому, чтобы формировать собственные социальные нормы исходя из норм других людей или окружающей среды, в том числе и оценка индивидами собственных результатов и убеждений производится из сопоставления с другими индивидами. Таким образом, в данном случае атрибуты демократии, в том числе и митинги, выступают как необходимая социальная норма для казахстанцев, когда они проводят сравнение с демократическими странами.

На основе ответов респондентов, можно сделать выводы о следующих основных положительных функциях митингов:

- отражение происходящих в обществе политических и социальных изменений;
- возможность реализации гражданами политических прав, свободы слова и принципа плюрализма;
- проявление политической активности со стороны граждан;
- формулирование позиций и возможность разрешения проблем социальных слоёв или групп населения.

При этом особенное внимание респонденты уделяют культуре проведения митингов и осознанности не только участников митинга, но и власти. На взгляд респондентов большая роль по поддержанию порядка во время митингов возлагается не только на митингующих, но и на государственные органы.

«Люди могут собраться, высказать свое мнение и да, если, что-то пойдет не так, можно будет вызвать «силовикиков» - 43 года, женщина.

«Мы достаточно цивилизованные люди, тем более мы предупредили (прим. - о проведении митинга), они (прим.* - органы гос.власти) должны*

оперативно среагировать на тот случай, если начнется какая-то потасовка, вот и все. Никакой проблемы здесь нет. Люди вот, например, в Европе выходят постоянно на какие-то митинги.» - 39 лет, женщина.

«Те люди, которые выступают на митингах, они равнодушные, с позицией. Получаются пассивные люди, смотря на них, может обратят на это внимание. Благодаря митингам решаются какие-то вопросы. То, что люди собираются, это значит существуют какие-то проблемы у народа.» - респондент-женщина.

Большое значение в отношении к митингам имеет организованность митингов, за которыми респонденты имели опыт наблюдать в Казахстане. Именно организованность, соблюдение порядка проведения митингов, их независимость обуславливают то, как будут восприниматься митинги обществом.

«Пока у нас в стране народ и наверху, как говорится, мы еще не пришли к тому, что у нас митинги действительно будут такими грамотными, не подкупными. Вот в таком случае да, можно, наверное, идти и чего-то добиваться. А сейчас бы, я, наверное, пока не пошла бы.» - женщина, 41 год.

Другой важной причиной является восприятие митингов в качестве возможности влияния на власть. Здесь важно упомянуть о теории «мобилизации ресурсов», которая через призму возможностей организации митинга объясняет возможное положительное отношение граждан к митингам. На данную тематику были написаны труды таких ученых как М. Олсон, Д. Маккарти, М. Зальд, Ч. Тилли, Э. Обершалл.

Сторонники данной теории придерживаются точки зрения, согласно которой протест возникает исходя из совокупности имеющихся ресурсов. При этом ресурсами могут выступать не только материальные, но и постматериальные ценности. Таким образом, в рамках данной теории сама стратегия организации митингов занимает первостепенное значение, именно от этого и будет зависеть положительное или негативное отношение к митингам.

Так, один из сторонников теории «мобилизации ресурсов» Уильям Гэмсон [16], изучив протестные движения выявил, что при правильном типе организации протеста, он способен не только получить одобрение, но и достичь результата в качестве решения возникшей социальной проблемы.

Многие из участников фокус-групп подчеркивают, что влияние на власть усиливается при выходе на митинг большого количества протестующих. О данном аспекте упоминал и Д.К.Гиллион в своём исследовании, выделяя «высокозначимые» протесты, то есть, имеющие большие масштабы. Следует отметить, что и приверженец теории «мобилизации ресурсов» Энтони Обершалл [17] также особое внимание уделял интеграции общества. Он отмечал,

что именно интеграция и сплочение общества способны достичь позитивных результатов при коллективных действиях.

«На счет митингов: митингов как таковых нет, человек 30-40 выходят - это не митинг, это не протест, а если выходит толпа людей, побольше, количеством как в других странах, то это митинг, и там уже государство от безысходности начинает решать проблемы людей.» - 29 лет, мужчина.

Ещё одной причиной, по которой митинги считаются влиятельным инструментом служит их высокое мобилизационное свойство и возможность снижения бюрократических процедур при артикуляции интересов.

*«Думаю правильное решение (прим. * - уведомительный характер митингов), теперь людям, которые хотели свою гражданскую позицию показать и отстоять, будет легче собраться на митингах. Многие вопросы, которые их волнуют уже, наверное, напрямую донести до властей, до акимата, более быстрым способом, не отбивая пороги, обратить внимание на насущные вопросы. Так, наверное, акимат будет быстрее реагировать» - мужчина, 27 лет.*

Положительное отношение к митингам можно интерпретировать, когда респонденты комментируют сложившуюся политическую ситуацию в стране, описывая разрешение митингов в качестве снижения политической напряженности.

«В политическом плане стало менее напряженно, чем было ранее. Освобождение полит. заключенных, Джакишева отпустили, может знак популизма, при смене власти. Разрешили ряд митингов, хотя сам не участвовал, читаю новости.» - 28 лет, мужчина.

Нужно сказать и о том, что респонденты могут быть не готовы выходить на митинги, но при этом упоминают и о других инструментах общественного влияния, например, петиции или письменные обращения в соответствующие государственные органы. Таким образом, казахстанцами митинги не рассматриваются как единственный способ решения проблем.

В целом, на фоне политической модернизации и демократизации в Казахстане, то, что респонденты видят в митингах одну из возможностей реализации политических прав граждан, поддерживают мирные митинги и понимают необходимость соблюдения общественного порядка – положительная тенденция, в том числе и потому что, приобретая большой опыт проведения митингов, в стране формируется устойчивая культура протеста.

Причины негативного отношения казахстанцев к митингам

Среди основных причин негативного отношения казахстанцев к митингам и другим акциям протеста следует выделить социальную тревогу и недоверие населения. При изучении данных феноменов следует остановиться на работах нескольких авторов. Так, по мнению М. Ренн [18], тревога представляет собой первобытный инстинкт и механизм выживания, эволюция которого дала возможность людям и видам адаптироваться, развиваться и выживать. Автор отмечает, что волны народной тревоги возникали в качестве реакции на те или иные события. В качестве примера, она приводит конец вторую половину XX века и глобальную тревогу людей перед ядерной войной и радиацией, в контексте Холодной Войны. По мнению автора, любые социальные и народные тревоги тесно связаны с периодом, в который проживают люди. Когда объект события, вызывающего тревогу, легко обнаружить, то его устранение приводит и к устранению тревоги. Если же объект, вызывающий тревогу, не может быть легко обнаружен и устранен, то люди вынуждены справляться с постоянным страхом. Если распространить это на уровень институтов, то, по мнению автора, становится понятно, что постоянная социальная тревога не ограничивается переживаниями индивида, но затрагивает формальные и неформальные институты.

П. Джексон и Дж. Эвертс [19] пришли к выводам, что социальная тревога представляет собой физическое состояние, включающее ментальный и эмоциональный дистресс, в сочетании с более диффузным чувством беспокойства по поводу предстоящего события, связанный как с текущими событиями, так и с опасениями относительно будущего. Авторы подчеркивают, что социальная тревога экспансивна, то есть вовлекает все большее число людей со временем. Кроме того, они отмечают, что социальную тревогу не следует рассматривать как индивидуальный опыт, а скорее, как общий опыт людей, живущих в одном социокультурном и историческом контексте. Социальная тревога встроена в институты, которые окружают человека, и является частью рутины, связанной с бытовой жизнью индивида.

М. И. Витковская [20] отмечает, что страх является реакцией на реальную или потенциальную опасности, которые грозят физическому или моральному существованию личности – защитный механизм человека. При этом, между страхом и тревогой, как отмечает автор, имеется ряд различий. Так, тревога возникает задолго до появления опасности, в то время как страх возникает при ее наступлении или незадолго до нее. Источник страха, в отличие от источника тревоги, осознается и поддается логическому объяснению. Также, автор отмечает, что феномен страха и тревоги перед социально значимыми негативными событиями и процессами имеет название катастрофического сознания. Катастрофическое сознание складывается из отношения к реальным или потенциальным опасностям, уровня индивидуальной тревожности, социального самочувствия, социальной активности населения. Страх складывается из ин-

формированности об опасности, отношение к которой зависит от культурных особенностей и уровня личностной тревожности.

Катастрофическое сознание связано с переживаниями событий разного уровня – угрозы благополучию (испытания, бедствия, несчастные случаи, катастрофы и т.д.) для того или иного сообщества. Катастрофическое сознание складывается из признания личностью или группой страха перед будущей гибелью привычного мира на основе переживания культурной травмы, в результате чего совершается трансформация идеалов, ценностей в сторону негатива, формируется свой язык символов.

В результате анализа фокус-групп определено, что существующие социальная тревога, социальные страхи и катастрофическое сознание, присутствующие казахстанцам, негативно относящимся к митингам, вызваны прежде всего следующими факторами:

- страх перед мародерством и беспорядками;
- страх перед силовыми мерами со стороны государства в отношении протестующих;
- тревога по поводу возможной утраты политической стабильности.

Опрошенные в результате фокус-групп респонденты, приводили, в частности, следующие доводы, аргументирующие их точку зрения:

«Может перерасти там в мародёрство, например, начнутся там всякие побоища, я не знаю, я боюсь даже представить» - 43 года, женщина.

«Никогда не был на митинге, не буду ходить. Толку нет, вышел на митинг, сразу скрутят. В отдел отвозят, через 3 часа отпускают, что толку?» - 29 лет, мужчина.

«Не нужны нам эти революции, как в той же самой Украине, Беларуси, конечно понимаю есть перегибы власти, Киргизия, но зачем самое важное что есть у нас это наша жизнь, ни к чему эти митинги протесты и погромы ни к чему хорошему не приведут. Ну хорошо это нас чем-то оградит, но ведь кто-то и жизнь потеряет» - 38 лет, мужчина.

Несмотря на то, что фокус-группы были проведены до «Январских событий» в Казахстане, тем не менее, у респондентов уже можно было наблюдать социальную тревогу по поводу возможных мародерств, беспорядков, а также перед силовой реакцией со стороны государства. Причиной подобных настроений могли стать предшествующие события как в Казахстане, так и в других государствах. В частности, если обращаться к казахстанскому прошлому, то в стране имели место беспорядки на этнической почве, как например события в Кордае 2021 года [6], социально-трудовые конфликты, которые привели к беспорядкам и силовой реакции со стороны государства, как например события в Жанаозене 2011 года [5]. Среди зарубежных событий, по части мародерства и беспорядков, выделяется Революция в Кыргызстане 2020 года, сопровождавшаяся в том числе попытками и фактами мародерств в отношении коммерчес-

ких объектов и транспортных средств [21], а по части силовой реакции со стороны государства, выделяются протесты в Беларуси 2020 года, сопровождавшиеся массовыми арестами и пытками протестующих со стороны власти [22].

Следует отметить, что опасения казахстанцев, негативно относящихся к митингам, во многом оправдались и подтвердились в ходе Январских событий 2022 года в Казахстане, которые также сопровождались фактами мародерств, беспорядков, уничтожения государственной и коммунальной собственности, а также реакцией со стороны государства с применением силовых методов.

Что же касается феномена недоверия, то здесь, в первую очередь следует уделить внимание таким авторам, исследующим данное явление, как П. Штомпка и А. Б. Купрейченко. П. Штомпка определяет недоверие как зеркальное отражение доверия, которое является «залогом», имеющим негативный характер. Оно связано с негативными ожиданиями будущих действий других (с враждебными предвидениями, вредными, никчемными, оскорбляющими действиями) и предполагает, что индивид настроен обороняться против них, путем уклонения от действия, отказа их начинать, отстранения, принятия оборонительных шагов от тех, кому не верит. Это происходит тогда, когда у индивида есть основания полагать, что партнер не будет действовать в его интересах [23, с. 83].

А. Б. Купрейченко полагает, что недоверие включает в себя такие компоненты, как осознание рисков, чувство опасности, страха, в сочетании с негативными эмоциональными оценками партнера и возможных результатов взаимодействия [24, с. 57]. Также отмечает, что объектами доверия и недоверия являются отдельные люди, социальные группы и организации [24, с. 62].

Таким образом, на основании вышеуказанных теоретических подходов, можно сделать вывод, что недоверие, как эмоция, присущая казахстанцам, негативно относящихся к митингам, сопряжено прежде всего с тем, что у них отсутствует убеждение в честности и эффективности митингов, а также присутствует негативное отношение к тем людям, которые данные митинги организуют, либо участвуют в них. Так, основные формы проявления недоверия среди казахстанцев, негативно относящихся к митингам, выражаются в виде:

- недоверия к митингам как эффективным инструментам решения проблем;
- недоверия к организаторам митингов и политической оппозиции.

В качестве основных аргументов, респонденты приводили следующие доводы:

«Я не думаю, что через митинг мы чего-то добьемся, всё равно ничего не выйдет от этого. Столько митингов прошло в Казахстане, а мы ни к чему не пришли» - 29 лет, женщина.

«Человек имеет право высказывать свое мнение. Единственная проблема – у нас оппозиция сама себя дискредитировала. У нас нет общественной группы, которая имела бы четкую команду, идею и цель» - 23 года, мужчина.

Из анализа фокус-групп становятся заметны причины недоверия некоторых казахстанцев к политической оппозиции и митингам как инструменту. Наиболее явной причиной является наличие предыдущего негативного опыта, связанного с данными объектами, в отношении которых выражается недоверие. Это могут как предыдущие акции протеста и митинги, цель которых не была достигнута, а также различные скандалы и расколы внутри оппозиционного движения, которые могли повредить репутации оппозиционных партий и отдельных политиков и общественных деятелей.

Подводя итог, можно сделать вывод, что главные причины негативного отношения некоторых казахстанцев к митингам и другим акциям протеста, лежат в плоскости социальной тревоги (и связанным с ней социальным страхам и катастрофическим сознанием), а также в плоскости недоверия. Учитывая, что опасения казахстанцев, негативно относящихся к митингам, во многом подтвердились в ходе Январских событий в Казахстане 2022 года, можно констатировать, что данные опасения не были беспочвенными.

Заключение

Результаты анализа данных показали, что отношение к митингам среди казахстанцев неоднозначно, ещё формируется оценка роли данной формы протеста и осознание места митингов в жизни казахстанского общества. С одной стороны, казахстанцы считают митинги неотъемлемым атрибутом демократической политической системы, который способен решить множество социальных вопросов, которые поднимаются участниками митингов. В соответствии с этим образ митингующих представляется как индивидов, которые выполняют свой гражданский долг и имеют чёткую политическую позицию. Именно с помощью митингов общество может влиять на решения политических элит, и чем большее количество людей способен мобилизовать митинг, тем сильнее и результативнее его влияние. С другой стороны, большая часть казахстанцев испытывает сомнения в отношении проведения митингов. Это отношение объясняется двумя основными причинами: митинг может деструктивно повлиять на политическую систему и политический строй или митинг не будет иметь никакого влияния и окажется бесперспективен. К деструктивным исходам митингов респонденты как правило, относят: мародёрство, погромы, задержания, применение силовых методов в процессе митинга.

Следует сказать, что отношение граждан к митингам определенным образом влияет на политическое и правовое сознание, и во многом может характеризовать отношение к сложившейся социально-политической среде. Так, например, представления и суждения, согласно которым митинги это неэффективная, ненужная и бесперспективная процедура, могут ограничивать человека в использовании демократических инструментов и методов влияния, что может также повлиять на неполноту в реализации его политических прав.

Другие факторы влияния на отношение к митингам связаны с положительным или отрицательным восприятием проведения митингов в зарубежных ст-

ранах, а также с отношением к непосредственным организаторам или лидерам митингов.

Во время проведения фокус-групп не все респонденты знали, что митинги в Казахстане носят не разрешительный, а уведомительный характер. Поэтому в целом, мы приходим к выводу о том, что в целях укрепления демократического развития в государстве и механизмов реализации концепции «Слышащего государства» необходимо повышать политическую культуру общества, прежде всего, через осведомленность населения о существующих политических правах, о том, как граждане могут реализовывать эти права, и через разрушение стереотипов о протестах и протестующих.

* * *

Авторы статьи, являясь членами исследовательской группы научного проекта AP08857524 «Протестный потенциал в Казахстане: особенности, факторы и тренды», выражают благодарность руководителю проекта, заведующей кафедрой политологии и политических технологий «КазНУ имени аль-Фараби» Насимовой Г.О. за возможность использования качественных данных исследования, научное консультирование и всецелую поддержку молодых учёных; руководителю Центра социальных и политических исследований «Стратегия» Илеуовой Г.Т. за вклад в разработку инструментария исследования и помощь в овладении методологией, а также всем членам исследовательской группы, благодаря которым получены научные результаты.

Список литературы

1. Социальный портрет современного казахстанского общества: (сборник статей) / Ин-т мировой экономики и политики при Фонде первого Президента Респ. Казахстан - лидера нации. - Астана; Алматы: Вып. 1 / ред. Султангалиева А. К. - 2015. - 239 с.
2. Нурғалиева М.М. Уровень жизни казахстанцев и проблемы социального неравенства. – Алматы, 2015. – 102 с.
3. Сатпаев Д., Умбеталиева Т., Алияров Е., Жусупова А. и др. Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодёжи. – Алматы, 2014. – 193 с.
4. Насимова Г. О., Бузуртанова, М. М., Саитова, Н. А. Социальные протесты в Казахстане: факторы и тренды. Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология, 2019. - 35(3), 472–484. <https://doi.org/10.21638/srbu17.2019.307>
5. Насимова Г. О. Уровень социальной конфликтности в Казахстане: риски и потенциальные угрозы // Центральная Азия и Кавказ. Том 14, выпуск 4, 2011. С. 105-114.
6. Кумар Е., Бактыбаев Б. Анализ межэтнических конфликтов и применение теорий национальной идентичности в казахстанском контексте. Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Социологические и политические науки». №1(73), 2021г, 95–102. DOI:<https://doi.org/10.51889/2021-1.1728-8940.13>.
7. Жусупова А. Потенциал социальных сетей как механизм реализации концепции «Слышащего государства» в Казахстане. - Казахстан-Спектр, 2021. - 98(2). https://doi.org/10.52536/KS/vol_98_issue_2_A2
8. Илеуова Г.Т. Алматинская трагедия в восприятии населения страны. – 2022, <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/805-almatinskaya-tragediya-v-vospriyatii-naseleniya-strany>

9. Joseph Sweetman Gregory R. Maio Russell Spears Antony S.R. Manstead Andrew G. Livingstone // Attitude toward protest uniquely predicts (normative and nonnormative) political action by (advantaged and disadvantaged) group members // *Journal of Experimental Social Psychology* Volume 82, 2019, Pages 115-128.
10. Vergani M, Barton G, Iqbal M. Beyond social relationships: Investigating positive and negative attitudes towards violent protest within the same social movement. *Journal of Sociology*. 2017; 53(2): 445-460.
11. Doug McAdam and Yang Su // The War at Home: Antiwar Protests and Congressional Voting, 1965 to 1973 // *American Sociological Review* Vol. 67, No. 5 (Oct., 2002), pp. 696-721 (26 pages) Published By: American Sociological Association.
12. van Stekelenburg J, Klandermans B. The social psychology of protest. *Current Sociology*. 2013; 61(5-6):886-905.
13. Walgrave S. Vliegthart R. The Complex Agenda-Setting Power of Protest: Demonstrations, Media, Parliament, Government, and Legislation in Belgium, 1993–2000 // *Mobilization: An international journal*. - 2012. - 17(2): 129-156.
14. Daniel Q. Gillion, *The Loud Minority: Why Protests Matter In American Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2020. - 207 p.
15. Festinger, Leon. *A Theory of Social Comparison Processes*. — 1954.
16. Gamson, William A. *The Strategy of Social Protest*. Homewood // The Dorsey Press, 1975.
17. Obershall A. *Social Conflict and Social Movements*. Prentice Hall, 1973; P. 145.
18. Wrenn M. V. *The Social Ontology of Fear and Neoliberalism* // *Review of Social Economy*, 2014. № 72:3. С. 337-353.
19. Jackson P., Everts J. Anxiety as social practice // *Environment and Planning*, 2010. Vol. 42. С. 2791-2806.
20. Витковская М. И. Теоретико-методические проблемы изучения «страха» в социологии // *Вестник РУДН, серия Социология*, 2003. № 4-5. С. 86-91.
21. Третья революция в Кыргызстане. Главное. 2020, <https://vlast.kz/politika/41986-tretya-revoluciya-v-kyrgyzstane-glavnoe.html>
22. Central Asian Bureau for Analytical Reporting <https://cabar.asia/ru/sobytiya-v-belarusi-reaktsiya-v-kazahstane-i-kyrgyzstane>
23. Штомпка П. Доверие – основа общества / Петр Штомпка: пер. с пол. Н. В. Морозовой – М.: Логос, 2012. – 440 с.
24. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 564 с.

References

1. Sotsial'nyi portret sovremennogo kazakhstanskogo obshchestva: (sbornik statei). - In-t mirovoi ehkonomiki i politiki pri Fonde pervogo Prezidenta Resp. Kazakhstan - lidera natsii. - Astana; Almaty: Vyp. 1. - red. Sultangaliev A. K. - 2015. - 239 s.
2. Nurgaliev M.M. Uroven' zhizni kazakhstantsev i problemy sotsial'nogo neravenstva. – Almaty, 2015. – 102 s.
3. Satpaev D., Umbetalieva T., Aliyarov E., Zhusupova A. i dr. Kokteil' Molotova. Anatomiya kazakhstanskoi molodezhi. – Almaty, 2014. – 193 s.
4. Nassimova G. O., Buzurtanova, M. M., Saitova, N. A. Sotsial'nye protesty v Kazakhstane: faktory i trendy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2019. - 35(3), 472–484.
5. Nassimova G. O. Uroven' sotsial'noi konfliktnosti v Kazakhstane: riski i potentsial'nye ugrozy. - *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. Tom 14, vypusk 4, 2011. S. 105-114.
6. Kumar E., Baktybaev B. Analiz mezhehtnicheskikh konfliktov i primeneniye teorii natsional'noi identichnosti v kazakhstanskom kontekste. *Vestnik KaZNPu im. Abaya, seriya «Sotsiologicheskie i politicheskie nauki»*. №1(73), 2021g, 95–102.
7. Zhusupova A. Potentsial sotsial'nykh setei kak mekhanizma realizatsii kontseptsii «Slyshashchego gosudarstva» v Kazakhstane. - *Kazakhstan-Spektr*, 2021. - 98(2).
8. Ileva G.T. Almatinskaya tragediya v vospriyatii naseleniya strany. – 2022, <https://www.ofstrategy.kz/ru/research/socialresearch/item/805-almatinskaya-tragediya-v-vospriyatii-naseleniya-strany>
9. Joseph Sweetman Gregory R. Maio Russell Spears Antony S.R. Manstead Andrew G. Livingstone. - Attitude toward protest uniquely predicts (normative and nonnormative) political action by (advantaged and disadvantaged) group members. - *Journal of Experimental Social Psychology* Volume 82, 2019, Pages 115-128.
10. Vergani M, Barton G, Iqbal M. Beyond social relationships: Investigating positive and negative attitudes towards violent protest within the same social movement. *Journal of Sociology*. 2017; 53(2): 445-460.
11. Doug McAdam and Yang Su. The War at Home: Antiwar Protests and Congressional Voting, 1965 to 1973. - *American Sociological Review* Vol. 67, No. 5 (Oct., 2002), pp. 696-721 (26 pages) Published By: American Sociological Association.

12. van Stekelenburg J, Klandermans B. The social psychology of protest. *Current Sociology*. 2013; 61(5-6):886-905.
13. Walgrave S. Vliegenthart R. The Complex Agenda-Setting Power of Protest: Demonstrations, Media, Parliament, Government, and Legislation in Belgium, 1993–2000. - *Mobilization: An international journal*. - 2012. - 17(2): 129-156.
14. Daniel Q. Gillion, *The Loud Minority: Why Protests Matter In American Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 2020. - 207 p.
15. Festinger, Leon. *A Theory of Social Comparison Processes*. — 1954.
16. Gamson, William A. *The Strategy of Social Protest*. Homewood. - The Dorsey Press, 1975.
17. Obershall A. *Social Conflict and Social Movements*. Prentice Hall, 1973; P. 145.
18. Wrenn M. V. *The Social Ontology of Fear and Neoliberalism*. - *Review of Social Economy*, 2014. № 72:3. C. 337-353.
19. Jackson P., Everts J. Anxiety as social practice. - *Environment and Planning*, 2010. Vol. 42. C. 2791-2806.
20. Vitkovskaya M. I. Teoretiko-metodicheskie problemy izucheniya «strakha» v sotsiologii. - *Vestnik RUDN, seriya Sotsiologiya*, 2003. № 4-5. S. 86-91.
21. *Tret'ya revolyutsiya v Kyrgyzstane. Glavnoe*. 2020, <https://vlast.kz/politika/41986-treta-revolucia-v-kyrgyzstane-glavnoe.html>
22. Central Asian Bureau for Analytical Reporting <https://cabar.asia/ru/sobytiya-v-belarusi-reaktsiya-v-kazahstane-i-kyrgyzstane>
23. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva*. - Petr Shtompka: per. s pol. N. V. Morozovoi – M.: Logos, 2012. – 440 s.
24. Kupreichenko A. B. *Psikhologiya doveriya i nedoveriya*. – M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2008. – 564 s.

СТРАТЕГИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Арман Касымбаев¹,
Галым Малик²

¹PhD докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы,
e-mail*: 251546@mail.ru

²PhD докторант Казахского национального педагогического университета, Казахстан, г. Алматы,
e-mail: galim.malik@mail.ru

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2022-3.06>

Аннотация: Статья рассматривает роль языка в полиэтнических сообществах, где на сегодняшний день языковая политика становится важнейшим вопросом этнических конфликтов и столкновений в развивающихся странах мира. Модель языковой политики – это один из методов, с помощью которого государство пытается урегулировать этнические противоречия внутри различных сообществ. Во многих случаях языковая политика выступает как фактор сдерживания межэлитарных противостояний в рамках отдельно взятого государства. Политическая элита использует различные стратегии для урегулирования языковых процессов, а именно: ассимиляционистских или плюралистических стратегий достижения политической цели. В рамках этой статьи было рассмотрено множество примеров конкретных языковых политик с точки зрения их вклада в достижение политических целей элитарных групп. Языковая политика в новейший период изучается как базирующаяся на взаимодействии двух очевидных, но конфликтующих друг другу необходимостей. В подавляющем большинстве стран, где осознанная языковая политика власти, так и неконтролируемая политика через «экономический оборот» направлена, зачастую, на поддержание потребности взаимопонимания. Потребность идентичности носителей языков меньшинств часто страдает, что может приводить к межэтническим конфликтам.

Ключевые слова: язык, языковая политика, языковое планирование, языковые стратегии государства.

ҚАЗІРГІДАМУКЕЗЕҢІНДЕГІ ТІЛ САЯСАТЫНЫҢ СТРАТЕГИЯСЫ: САЯСИ ТАЛДАУ

Арман Қасымбаев¹, Галым Мәлік²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты, Қазақстан, Алматы қаласы, e-mail*: 251546@mail.ru

²Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің PhD докторанты, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: galim.malik@mail.ru

Аңдатпа: Мақала бүгінгі таңда тіл саясаты әлемнің дамушы елдеріндегі этникалық қақтығыстар мен қақтығыстардың маңызды мәселесіне айналатын полиэтникалық қауымдастықтардағы тілдің рөлін қарастырады. Тіл саясатының моделі-бұл мемлекет әртүрлі қауымдастықтардағы этникалық қайшылықтарды шешуге тырысатын әдістердің бірі. Көптеген жағдайларда тіл саясаты жекелеген мемлекет шеңберіндегі еларалық қарама-қайшылықтарды тежеу факторы ретінде әрекет етеді. Саяси элита тілдік процестерді реттеу үшін әртүрлі стратегияларды қолданады, атап айтқанда: саяси мақсатқа жету үшін ассимиляция немесе плюралистік стратегия. Осы мақалада элиталық топтардың саяси мақсаттарына қол жеткізуге қосқан үлестері тұрғысынан нақты тілдік саясаттардың көптеген мысалдары қарастырылды. Соңғы кезеңдегі Тіл саясаты екі айқын, бірақ бір-біріне қайшы келетін қажеттіліктердің өзара әрекеттесуіне негізделген. Биліктің саналы тіл саясаты, сондай-ақ «экономикалық айналым» арқылы бақыланбайтын саясат көбінесе өзара түсіністік қажеттілігін қолдауға бағытталған елдердің басым көпшілігінде. Азшылық тілдерінің жеке басын сәйкестендіру қажеттілігі жиі зардап шегеді, бұл ұлтаралық қақтығыстарға әкелуі мүмкін.

Түйін сөздер: тіл, тіл саясаты, тілдік жоспарлау, мемлекеттің тілдік стратегиясы.

STRATEGIES OF LANGUAGE POLICY AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT: A POLITICAL ANALYSIS

Arman Kasymbayev¹, Galym Malik²

¹PhD student of Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty, e-mail*: 251546@mail.ru

²PhD student of the Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan, Almaty, e-mail: galim.malik@mail.ru

Abstract: The article examines the role of language in multiethnic communities, where today language policy is becoming the most important issue of ethnic conflicts and clashes in developing countries of the world. The language policy

model is one of the methods by which the State tries to settle ethnic contradictions within various communities. In many cases, language policy acts as a deterrent to inter-elite confrontations within a single state. The political elite uses various strategies to regulate language processes, namely: assimilationist or pluralistic strategies to achieve a political goal. Within the framework of this article, many examples of specific language policies were considered in terms of their contribution to achieving the political goals of elite groups. Language policy in the recent period is studied as based on the interaction of two obvious, but conflicting necessities. In the vast majority of countries where the conscious language policy of the authorities and uncontrolled policy through “economic turnover” is often aimed at maintaining the need for mutual understanding. The need for identity of speakers of minority languages often suffers, which can lead to interethnic conflicts.

Keywords: *language, language policy, language planning, language strategies of the state.*

Введение

В современную эпоху государство стало главной ареной этнических конфликтов. Конфликты из-за средств к существованию или латентные противоречия, которые в более ранние периоды могли быть оспорены на местном уровне, как правило, обостряются на государственном уровне [1]. Современные государства проникли в общество с помощью сетей нормативных актов и услуг, которые оказывают различное воздействие на этнические общины в пределах их границ. Группы считают необходимым мобилизоваться по этническому признаку, чтобы защищать и продвигать политическими действиями то, что их представители определяют, как их «коллективное» взаимодействие, потому что эти интересы - политические, экономические, культурные - могут быть критически затронуты политикой и распределением государственных средств. Статус языка является одним из таких важнейших интересов [13].

На каком языке или языках правительство будет действовать, вести свои дела? На каком языке или языках оно готово общаться с общественностью, обеспечивать соблюдение нормативных актов, предоставлять услуги, обучать молодежь? Поскольку язык является отличительным свойством большинства этнических сообществ и лежит в основе этнической идентичности и этнической гордости, относительный статус языка может приобретать огромное символическое значение в этнически разделенных обществах. Признание одного языка «национальным» или «официальным» – это не просто вопрос удобства или облегчения общения- связь; это символизирует уважение к сообществу, которое оно представляет. Отказ в таком статусе и присвоение его другой общине символизирует этническую стратификацию внутри государство [3]. Но выбор языка также несет в себе инструментальные выгоды и издержки. Человек, который может работать в правительстве на своем родном языке, конкурировать в области образования и иметь дело с правительством на своем

родном языке, имеет как практические, так и психологические преимущества перед конкурентами, которые вынуждены работать, возможно, неудобно, на втором языке.

Статус языков неизбежно становится политическим вопросом для правительств в многонациональных обществах. Чем выше степень этнического плюрализма, тем более потенциально спорным является этот вопрос. Политические элиты могут использовать язык формирования такого общества и государственного устройства, которые они считают желательными для будущего [7]. Это часто означает укрепление гегемонии их собственной этнической общины, но плюралистические модели также могут быть включены в их расчеты. Они могут также использовать язык в качестве инструмента урегулирования конфликтов, регулирования конкурирующие притязания этнических групп на покровительство государства, тем самым пытаясь достичь приемлемых моделей мирного сосуществования. Большинство групп иммигрантов и малых этнических общин коренных народов практически не ожидают, что их язык сможет получить официальный статус; они должны адаптироваться к доминирующему режиму, надеясь, возможно, сохранить свой язык в качестве родного языка своими собственными коллективными усилиями. Это требования более густонаселенных, особенно коренных общин, обычно обосновавшихся на своей традиционной родине, где они могут требовать автономию или угрозу отделения.

Методология исследования

Методологическая основа работы определяется спецификой предмета исследования. Область языковой политики чрезвычайно сложна с точки зрения исследования и требует комплексного методологического подхода в контексте изучения различных аспектов этого предмета. Основная методология включает набор общенаучных и общелогических методов: анализ и синтез, индукция и дедукция. Диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному был использован для выявления общих закономерностей развития языковых стратегий. Методы формальной логики использовались для изучения возможных проявлений языка в политике.

Исследование основано на принципах неоклассического социолингвистического подхода, подразумевающего методологический плюрализм и синергетическое единство нескольких теоретических концепций. Сравнительно-исторический метод использовался при изучении различных примеров языковой модели в странах Юго-Восточной Азии и концепций политической воли в различных лингвистических ландшафтах; межвременное сравнение позволило выявить общие и отличительные черты и классифицировать подходы к выявлению источников языковой политики в различных государствах мира. Системный подход ориентирован на изучение современных политических тенденций в контексте языкового планирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Доминирующий принцип политической легитимности в течение последних двух столетий закреплял авторитет государства в согласии управляемых. Несмотря на то, что политические элиты широко злоупотребляли этим принципом и нарушали его на практике, он, тем не менее, сохраняет мощную моральную привлекательность. Правители всех мастей утверждают и пытаются продемонстрировать, что они действительно правят с согласия народа. Одной из целей политических элит является укрепление политического сообщества - национального единства - поскольку считается, что верность к государству и его институтам обеспечивает политическую стабильность и значительно облегчает процессы управления [2]. В многонациональных государствах достижение согласия, основанного на общем чувстве принадлежности, является проблематичным настолько, что требует специальных и часто четких мер на уровне политики и даже конституций. Одним из основных элементов разногласий в этих условиях является язык.

Общепринятое мнение среди политических элит, как и среди ученых и наблюдателей, заключается в том, что политическое сообщество обычно требует общего языка и что все меньшее представляет собой плохой и нестабильный компромисс [6]. Этот общий язык должен быть средством общения этнической группы, которая дает свое название государству и контролирует его институты. Хотя возникающая в результате национальная культура берет свое начало в культуре доминирующего сообщества, она постепенно становится достоянием всего общества. Все государственное управление и все поддерживаемое государством образование должны проводиться исключительно на государственном языке. Неофициальные языки низведены до статуса народных, полезных в быту и в деятельности по соседству. Коммерческие предприятия, независимо от происхождения их владельцев и руководителей, считают необходимым или целесообразным функционировать на официальном языке. Представители этнических меньшинств считают, что карьерный рост для них самих и их детей требует свободного владения официальным языком.

Со временем эта политика культурной ассимиляции ослабляет этнические меньшинства, кооптируя их более амбициозных и энергичных членов; в итоге эта стратегия предсказывает, что большинство из них также ассимилируются в социальном плане. Создание единой нации, «единой и неделимой», на национальной территории призвано устранить двойную лояльность и потенциал для этнической подрывной деятельности, создавая в процессе интегрированное политическое сообщество посредством единого национального или официального языка. Эта стратегия требует бескомпромиссного настаивания на исключительном использовании официального языка во всех мероприятиях, связанных с правительством, без каких-либо уступок языковым правам меньшинств.

Франция является классическим примером строгой одноязычной политики. Во времена Французской революции два столетия назад менее половины

населения Республики говорило по-французски [11]. Сменявшие друг друга режимы, республиканский и роялистский, неустанно продвигали парижский французский как исключительный язык управления и образования [4]. Знание и использование французского языка стали настолько универсальными, что правительство в настоящее время разрешает преподавание в некоторых классах и радиовещание на бретонском и других региональных языках, чтобы помочь им выжить, хотя бы как просторечие. Аналогичная языковая стратегия активно реализуется другими правительствами на всех континентах с той же целью – построить интегрированную нацию на национальной территории. Тайские элиты пытаются ассимилировать в культурном и, в конечном счете, в социальном плане свои многочисленные меньшинства (китайцев-иммигрантов, а также коренные народы), настаивая на центральном тайском диалекте в качестве исключительного средства государственного управления, средств массовой информации и образования. Эта политика видоизменяется, но с большой неохотой, только в глубоком юге, где малайскому языку разрешено ограниченное официальное использование, признавая, что малайский - мусульманское меньшинство не согласится на ассимиляцию в тайско-буддийском обществе. Турецкое государство, отказывающееся предоставить статус меньшинства своему курдскому народу в Восточной Анатолии, которые составляют 20 процентов ее населения, намеревается, что агрессивная и неустанная одноязычная политика постепенно будет способствовать превращению курдов в «горных турок» [5].

Аналогичная одноязычная политика проводится в большей части Латинской Америки, где управление, государственное управление и образование осуществляются исключительно на испанском языке, языке большинства метисов. Языки коренных индейцев, на которых говорит большое количество людей, систематически обесцениваются и рассматриваются как отсталые наречия. Для облегчения предоставления некоторых государственных услуг некоторым родным языкам делаются неофициальные уступки. Ожидается, что по мере того, как индейцы станут «цивилизованными», они охотно станут лингвистически испаноязычными и что культурная ассимиляция будет следовать за социальной ассимиляцией в национальном сообществе. Постепенная эрозия индийской этнической принадлежности будет сигнализировать о достижении полной государственности и политической общности. Аналогичным образом арабский язык используется в качестве основного средства включения крупных берберских общин в то, что элиты Севера Африканские государства надеются превратиться в интегрированные арабоязычные культурные и политические сообщества.

Несмотря на свой демографический плюрализм, Соединенные Штаты рассматриваются как интегрированное и инклюзивное политическое сообщество, сформированное последовательными волнами иммигрантов, которые охотно приняли английский, язык отцов-основателей, как цену «американизации» и полного участия в американском образе жизни. Хотя история не совсем

так проста, она, по сути, точна. На национальном, государственном и местном уровнях американское правительство функционирует на английском языке, как и его отрасли промышленности, церкви, образовательные учреждения и средства массовой информации. Эта быстрая аккультурация, этот лингвистический плавильный котел, происходила на практике без четкой языковой политики на любом уровне правительства. Этнические общины были свободны в попытках, посредством добровольных усилий, сохранить свою коллективную идентичность, институты и языки в качестве родных языков; неизменно в результате аккультурации язык был первым свойством отличительной этнической принадлежности, которое подверглось эрозии и исчезло. От Атлантики до Тихого океана Соединенные Штаты фактически превратились в одноязычное сообщество.

Политически доминирующие малайцы, представляющие небольшое демографическое большинство в Малайзии, признают, что Малайзия по-прежнему будет «многорасовым» обществом, что ее китайское меньшинство, составляющее более трети от общего числа, не будет ассимилировано в малайско-мусульманскую общину. Действительно, еще до обретения независимости политика Малайзии строилась по явно этническим признакам. Малайские элиты считают, что в любой стране коренные народы, в данном случае малайцы, имеют право устанавливать правила, которым должны соответствовать иммигранты и их потомство, и эти правила включают и языковой режим. Неохотному китайскому меньшинству была навязана строго одноязычная политика, при этом малайский был принят в качестве исключительного языка правительства, государственного управления и образования [3]. Мандаринский и тамильский языки остаются языками обучения только на начальном уровне. Английский, который был языком правительства и престижного образования в колониальный и непосредственно постколониальный периоды, был лишен официального статуса, отчасти потому, что китайцы, неспособные добиться какого-либо официального признания своего родного языка и, считалось, что они возвращаются к английскому, чтобы избежать использования малайского языка. Хотя неформальное использование английского языка в государственных учреждениях и высших учебных заведениях сокращается, английский остается важным языком бизнеса в открытой экономике Малайзии.

Хотя они соблюдают режим малайского языка в силу прагматической необходимости, многие немалайцы считают его инструментом и выражением малайского господства, и символом их собственного политического и культурного подчинения, статуса второго сорта. Малайские элиты утверждают, что «национальное единство» (политическое сообщество) требует общее средство коммуникации, которое, собственно, и является средством общения коренных народов. Как только иммигрантские народы, согласно этому аргументу, признают необходимость и преимущества единого официального языка – и тем более, что малайские элиты считают, что их политические, экономические и религиозные права полностью соблюдаются - в этом штате может возникнуть

подлинно национальное чувство общности, даже если ему суждено навсегда остаться многорасовым по составу.

Другой вид одноязычной стратегии был реализован в Индонезии. С момента своего возникновения в 1920-х годах лидеры индонезийского националистического движения признавали, что общие символы необходимы для противодействия последствиям крайнего этнического разнообразия в их борьбе против голландского колониального правления и что движение должно в то же время избегать впечатления яванского доминирования, поскольку яванцы, безусловно, являются крупнейшей этнической общиной Индонезии. Так движение за независимость приняло в качестве общего индонезийский язык (Индонезия, Бахаса) вариант малайского языка, языка относительно небольшого прибрежного меньшинства, который, однако, использовался торговцами в этом районе в качестве языка коренных народов и имел преимущество относительно простой синтаксической структуры. Этот выбор обеспечил национальный язык, избегая при этом впечатления доминирования принадлежностью или предпочтением к одной из более крупных этнических групп. С момента обретения независимости успешный индонезийский режим энергично продвинул «Бахаса» как исключительный официальный язык правительства, образования, государственного управления и, конечно же, вооруженных сил. Чтобы продемонстрировать уважение к основным языкам коренных народов, обучение в течение первых трех лет проводится на языках коренного населения, более того, правительство покровительствует и финансирует развитие литературы и культуры коренных народов. Ожидается, что индонезийцы будут говорить на двух языках, на своем этническом наречии и на национальном языке, переключаясь по мере необходимости. Несмотря на этническую напряженность, которая остается на поверхности индонезийской общественной жизни, национальная языковая политика не подвергается сомнению; она служит важным элементом сплочения в этом большом многонациональном государстве.

Менее удовлетворительным одноязычным способом является использование в официальных целях иностранного языка, который является нейтральным среди конкурирующих общин коренных народов, что позволяет избежать конфликта по этому вопросу. Нейтральным иностранным языком обычно является язык бывшей колониальной державы, потому что он известен среди элиты всех местных этнических общин. Иностраный язык становится рабочим средством государственного управления, государственного управления и формального образования, хотя некоторое начальное образование и вещание могут осуществляться на различных местных языках. Потому что многие люди, часто большинство, не могут общаться на официальном языке, как правило, существует разрыв между чиновничеством и общественностью, и большинство государственных услуг должны предоставляться также на местных языках двуязычными государственными служащими. Языковая политика в таких государствах, включая большую часть Африки, является средством предотвращения конфликтов, лишенной страсти, которая характеризует поощ-

рение или противодействие использованию языка, когда на карту поставлены относительный статус и достоинство коренных этнических общин.

Нейтральный язык — это практическая формула для поддержания мира, для деполитизации языка и удаления его из общественной повестки дня. Однако в нем отсутствует исконная аутентичность, к которой стремятся националисты даже после обретения независимости. Соблазн для государственных элит, часто побуждаемый интеллектуалами-националистами и политическими конкурентами, состоит в том, чтобы надеть националистическую мантию, чтобы повысить свою политическую привлекательность и в процессе продвигать местный язык, который может быть каким-то образом принят- способный ко всем основным этническим общинам. Усилия филиппинских элит и их попытки индийских коллег отказаться от английского языка и заменить его языком коренных народов, тагальским (также известным как пилипино) и хинди соответственно, в качестве национального и официального языка, привели к серьезной политической реакции. Эти языки были связаны со стремлением к культурному доминированию одной большой этнической группы, расположенной недалеко от столицы. Поэтому они были неприемлемы для других важных этнических общин. Индийский опыт будет обсужден ниже. Несмотря на возрождение национализма и антиамериканизма среди лиц, формирующих общественное мнение, нынешняя конституция Филиппин сохраняет английский, а также тагальский в качестве официальных языков. Однако он надеется на будущее появление «пилиппинского» в качестве единого национального языка, в настоящее время не существующего, который, как мы надеемся, будет включать лучшие черты нескольких языков коренных народов, что позволит вести бизнес в республике на общем языке, который будет символизировать национальное единство и политическую общность.

Предпочтения политических элит в отношении одноязычного режима часто должны уступать двуязычным и даже многоязычным мерам. Например, «перестройка» языковых парадигм происходит в Казахстане, особенно в изменении их доли функций и обучения [9]. Очевидные изменения наблюдаются в специфике функций русского языка. Кроме того, в соответствии с современными требованиями и глобализацией все большее внимание уделяется английскому языку. Именно поэтому Президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул культурную программу “Триединство языков”: казахский, русский, английский”, реализация которого была выделена в отдельное направление внутренней политики государства и рассматривается как условие усиления социальной согласованности и свидетельство конкурентоспособности страны. Два из трех языков являются мировыми языками со всеми атрибутами и эффектами, связанными с этим статусом: русский язык занимает довольно стабильное положение в Казахстане, а английский рассматривается как язык успешной интеграции в мировую экономику и науку. При этом, языковые процессы и контроль за ними занимает важное место в государственной политике Республики Казахстан. В частности, языковая политика становится важней-

шим направлением в развитии Казахстана, поскольку в ней отражаются намерения усилить самоидентификацию и укрепления государственного языка [10]. Для политической элиты Казахстана языковая политика рассматривается как инструмент согласования с разнополярными частями общества. Сулейменова Е.Д. (2011) указывает в своей монографии, что статусное планирование в Казахстане является наиболее мощным регулятивным инструментом функционирования казахского языка в наиболее важных сферах коммуникации. Более того, это позволяет государству осуществлять контроль за соблюдением законодательства и соблюдением языковых условий [8].

Появились различные модели официально санкционированного языкового плюрализма. Как правило, это сложные механизмы, которые предполагают вариации, в соответствии с конкретными обстоятельствами, аналитически различных личностных и территориальных принципов: граждане, где бы они ни находились, имеют право иметь дело с правительством и обучать своих детей на официальном языке своей страны. Выбор - принцип личности; и что все лица в пределах географически определенного региона должны соблюдать его единый официальный язык – территориальный принцип.

Последнее подразумевает федеральные или подобные федеральным механизмам, которые действительно характеризуют большинство многоязычных режимов. Федеральный статус может предоставить этническим группам политические ресурсы, необходимые для обеспечения безопасности их языка и культуры в пределах их территориальной родины. Федерализм, однако, не является беспроblemным. Это не решает частую проблему меньшинств, которые могут не принадлежать к этнической группе, доминирующей в регионе. Эти меньшинства могут потребовать официального признания своего языка в сфере образования и государственного управления. С другой точки зрения, то же самые политические ресурсы, которые могут защитить этнический язык и дать ему возможность процветать на своей родине, могут быть использованы для содействия отделению от федерального государства, для подрыва и разрушения политического сообщества.

Эти многочисленные возможности можно проиллюстрировать конкретными примерами. Простейший образец - официальное двуязычие на всей территории унитарного государства, принцип личности. Для этого требуется два (или более) набора учебных заведений, финансируемых за счет государственных средств, но управляемых представителями этнических общин. Для этого также требуется ряд должностных лиц и государственных служащих, которые могут работать на двух (или более) языках. Эта модель успешно работает среди граждан Южной Африки, где английский и африкаанс укоренились в конституциях штатов. С момента установления режима апартеида в 1948 году африкаанс стал основным рабочим языком правительства, в то время как английский остается основным языком бизнеса. Государственные услуги, включая образование, были доступны на обоих языках в соответствии с принципом личности. В крошечном островном государстве Сингапур правительство

предоставляет услуги, включая начальное и среднее образование, на каждом из четырех официальных языков: мандаринском, тамильском, английском и малайском. Правительство, высшее образование и экономические предприятия в современном сектор функционирует в основном на английском языке, доминирующем языке международного бизнеса и науки. Поскольку английский язык является языком восходящей мобильности, большинство родителей в настоящее время отправляют своих детей в англоязычный образовательный поток. Одна из причин выбора малайского языка в качестве символического «национального языка» и многоязычного режима заключается в том, чтобы развеять опасения своих соседей из Юго-Восточной Азии по поводу того, что китайское большинство в 75 процентов намерено создать пятнадцатую провинцию Китая [4].

Большинство полиязычных стратегий осуществляются на основе той или иной версии территориального федерализма, которая учитывает региональную концентрацию основных этнических общин. Классическим примером является Швейцария, где три языка имеют официальный статус в центральном правительстве, хотя немецкий, на котором говорят 75 процентов населения, служит рабочим языком администрации. В то же время кантоны, предоставляющие большую часть услуг гражданам Швейцарии, функционируют на строго одноязычной основе в соответствии с территориальным принципом. За исключением четырех кантонов, образование и государственные услуги однозначно доступны только на единственном официальном языке кантона. В то время как политическая культура Швейцарии в высшей степени заботится о правах языковых меньшинств в центральном правительстве, в большинстве кантонов она привержена прямому принципу территориального одноязычия на региональном уровне. Несмотря на игнорирование прав меньшинств в большинстве кантонов, эта языковая политика поддерживает высокий уровень политического сообщества в многонациональной Швейцарской конфедерации.

Напротив, языковой конфликт в последние годы превратил Бельгию из унитарного в регионализованное федеративное государство. Хотя центральное правительство работает на обоих официальных языках, французском и фламандском, большинство услуг были регионализированы. За исключением столицы, Брюсселя, где действует собственный двуязычный режим, региональные власти функционируют строго на одноязычной основе с минимальными уступками языковым правам меньшинств. Аномалии в этих региональных механизмах парализовали бельгийскую политику на длительные периоды, хотя насилие к счастью, этого удалось избежать. В течение трех десятилетий бельгийская политика, где религия и класс когда-то были наиболее заметными разногласиями, была одержима проблемой языка. Те, кто утверждает, что политизированные языковые споры являются всего лишь суррогатами экономических, классовых или других «более рациональных» интересов, были полностью сбиты с толку недавней интенсивностью и постоянством

языковых конфликтов в этом сложном и высокоиндустриальном государстве. Суждено, по-видимому, сосуществовать в одном и том же государстве, фламандцы и валлоны пытаются сохранить неустойчивое политическое сообщество-единство на их отдельных языках.

Заключение

Этнические группы редко едины в своих притязаниях на государство, политика внутри этнических движений обычно бывает спорной и нередко жестокой. Статус языка, однако, как правило, является фундаментальным вопросом, по которому фракции этнических движений, скорее всего, объединятся и сохраняют свою солидарность. Есть несколько вопросов, помимо религии, которые могут мобилизовать и поддержать такую страсть, как статус языка, поскольку он занимает центральное место в коллективной идентичности.

Языковое поведение является важным аспектом социальных наук, тонкости и сложности которых исследуются в дисциплине социолингвистики. Это включает в себя влияние экономических, социальных и технологических изменений на языковое поведение, относительный рейтинг престижности различных языков, а также способность, необходимость и склонность людей при различных обстоятельствах и в разных ролях переключаться между двумя или более языками. Эта статья, однако, ограничена политикой выбора языка в современных политиях, языком как проблема политических конфликтов и приспособления в государствах с этническим плюрализмом, а также полезность языковой политики - предоставление официального статуса одному или нескольким языкам и отказ в нем другим - как средство достижения цели политического сообщества. Будет рассмотрено последствия языковой политики для двух основных подходов к урегулированию этнических конфликтов: ассимиляционистских стратегий и плюралистических стратегий.

Список источников

1. Brass P., *Ethnic Groups and the State*. Totowa NJ: Barnes and Noble, 1985, 345 p.
2. Cobban A. *The Nation State and National Self Determination*. New York: Thomas Crowell Co, 1969, 573 p.
3. Esman, MJ. «Language Policy and Political Community in Southeast Asia.» In *Language Policy and Political Development* (B. Weinstein, ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing Co, 1990, 185-201 p.
4. Jacob, J.E. «Language Policy and Political Development in France.» In *Language Policy and Political Development* (B. Weinstein, ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing Co, 1990, 43-65 p.
5. Landau J., E. Ozbudun and Tachau F. *Electoral Politics in The Middle East: Issues, Voters and Elites*, London: Croom Helm, 1980, 232 p.
6. Mill J.S. *Considerations on Representative Government*. London: Routledge, 1904, 154 p.
7. Rubin J. and Jernudd B.H. *Can Language Be Planned? Sociolinguistic Theory and Practices for Developing Nations*. Honolulu: University Press of Hawaii, 1971.
8. Сулейменова Е. Д. Языковые процессы и политика: монография. Алматы: Казахский университет. – 2011.
9. Султан Д.С., Сабирова Д.Р. Современная языковая политика в Республике Казахстан. *Казанский вестник молодых ученых Традиции и инновации в*

- методике преподавания иностранных языков. том 2 № 5 (8). 2018, - 60-62 с.
10. Тажибаева С. Ж, Козырев Т. А. Межъязыковое взаимодействие в современном Казахстане. Сибирский филологический журнал № 2. 2015. – 124 -133 с.
 11. Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France. London: Chatto and Windus, 1979, 321 p.
 12. Vella F.W. Chaiyol King Vajiravudh and the Development of Thai Nationalism. Honolulu: University of Hawaii Press/, 1978, 267 p.
 13. Weinstein B. (1983) The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choice. New York: Longmans, 1983, 412 p.

References

1. Brass P., Ethnic Groups and the State. Totowa NJ: Barnes and Noble, 1985, 345 p.
2. Cobban A. The Nation State and National Self Determination. New York: Thomas Crowell Co, 1969, 573 p.
3. Esmann, M.J. «Language Policy and Political Community in Southeast Asia.» In Language Policy and Political Development (B. Weinstein, ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing Co, 1990, 185-201 p.
4. Jacob, J.E. «Language Policy and Political Development in France.» In Language Policy and Political Development (B. Weinstein, ed.). Norwood, NJ: Ablex Publishing Co, 1990, 43-65 p.
5. Landau J., E. Ozbudun and Tachau F. Electoral Politics in The Middle East: Issues, Voters and Elites, London: Croom Helm, 1980, 232 p.
6. Mill J.S. Considerations on Representative Government. London: Routledge, 1904, 154 p.
7. Rubin J. and Jernudd B.H Can Language Be Planned? Sociolinguistic Theory and Practices for Developing Nations. Honolulu: University Press of Hawaii, 1971.
8. Suleimenova E. D. Language processes and policy: monograph. Almaty: Kazakh University. – 2011.
9. Syltan D.S, Sabirova D.R. Sovremennaya yazykovaya politika v Respublike Kazahstan. Kazanskij vestnik molodyh uchenyh Tradicii i innovacii v metodike prepodavaniya inostrannyh yazykov. том 2 № 5 (8). 2018, - 60-62 p.
10. Tazhibaeva S. Zh., Kozyrev T. A Mezhyazykovoe vzaimodeystvie v sovremennom Kazakhstane. Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. № 2. 2015. – 124 -133 p.
11. Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France. London: Chatto and Windus, 1979, 321 p.
12. Vella F.W. Chaiyol King Vajiravudh and the Development of Thai Nationalism. Honolulu: University of Hawaii Press/, 1978, 267 p.
13. Weinstein B. (1983) The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choice. New York: Longmans, 1983, 412 p.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦА НА 2022 ГОД. ЧАСТЬ III.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Прохорова Н.В. Водные ресурсы КНР: проблемы освоения. — М.: ИДВ РАН, 2021. — 248 с.

В серии монографий Института Дальнего Востока ряд работ затрагивает центральноазиатскую проблематику. В частности, к ним следует отнести книгу Н.В.Прохоровой, посвященную водной политике КНР. В ближайшее десятилетие дефицит воды в КНР ещё более обострится. По оценкам экспертов, к 2030 г. КНР будет импортировать из-за рубежа не менее 240 млрд. куб. м воды. Земледелие и скотоводство на севере и северо-западе не могут обойтись без искусственного орошения и дополнительного водоснабжения. Данный фактор уже не первое десятилетие напрямую затрагивает Казахстан. Это заставляет китайцев разрабатывать новые проекты, способные снизить напряжённость в водном вопросе. В реализации глобальных замыслов по освоению природы трансграничья Китай ориентируется на тесное сотрудничество с сопредельными государствами по эксплуатации находящихся в совместном использовании ресурсов, что предполагает развитие и освоение прибрежных территорий, использование земельных и лесных ресурсов.

В КНР работают над формированием законодательства по трансграничным рекам и ищут пути защиты и наи-

более выгодного обоснования своих интересов в данной сфере. Многие специалисты сходятся во мнении, что во взаимодействии по данным вопросам КНР и ее соседи находятся на самой начальной ступени сотрудничества, предполагающего обмен информацией о состоянии трансграничных водных объектов. У КНР существуют планы по увеличению численности населения Синьцзян Уйгурского АР за счет переселения в этот регион этнических ханьцев, а также планы по усилению промышленной базы Синьцзяна и увеличению орошаемых площадей до 600 тыс. га. Решить эти задачи планируется путем забора до половины стока трансграничных с Казахстаном рек Иртыш, Или и др. (всего у Китая и Казахстана 23 трансграничных водотока). Это вызывает серьезные опасения Казахстана за сохранность своей природы. Поскольку до 70 % стока этих рек формируется на китайской территории, практикуемая Китаем схема водопользования вызывает серьезное беспокойство у Казахстана, который еще с начала 2000 х гг. активно пытается согласовать с КНР договор о водodelении.

И только в 2009 г. во время визита Ху Цзиньтао в Казахстан казахской стороне было дано понять, что Китай также осознает необходимость подобного договора. Ввиду продолжающе-

гося бурного экономического развития Синьцзяна и все возрастающей потребности региона в воде сроки возможного подписания данного договора пока не были определены. Китай все еще продолжает опираться на статью № 4 «Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере использования и охраны трансграничных рек», согласно которой, Казахстан не может противодействовать планам КНР по расширению забора воды рек Или и Иртыш, так как это является рациональным подходом китайской стороны.

Автор обращает внимание, что в настоящее время отмечается положительная динамика в разрешении вопросов о водodelении между Казахстаном и Китаем: в 2013 г. было объявлено о создании рабочей группы по вопросам водodelения между двумя странами. В 2015 г. водохозяйственные органы начали переговорный процесс по согласованию проекта соглашения между правительствами двух стран о водodelении трансграничных рек. Ранее стороны сосредоточились на завершении научных изысканий по оценке водных ресурсов двух стран, что должно послужить основой разработки Соглашения по водodelению между Казахстаном и Китаем. Следует заметить, что в сферу влияния казахстанско-китайских переговоров косвенно вовлечена и Россия, так как на ее территорию из Казахстана вытекает река Иртыш, берущая начало в Китае. Но Китай придерживается тактики двухсторонних договоренностей.

Со стороны Китая необходимость подписания договора о водodelении с Казахстаном продиктована, прежде всего, поддержанием экологического баланса в регионе, из-за нарушения которого у КНР могут возникнуть проблемы — в случае, если соль от иссы-

хающего озера Балхаш в Казахстане станет распространяться по ветру и дойдет до ледников Тянь-Шаня. Осевшая на них соль будет способствовать таянию ледников, что негативным образом отразится на экосистемном балансе КНР. Водная политика Китая отличается большим региональным разнообразием. Каждый регион должен находить такие способы ведения хозяйства, которые максимально соответствуют природно-географическим условиям, в которых он располагается. В граничащем с Казахстаном Синьцзяне, который является засушливым регионом, в части водосберегающих технологий заимствуется опыт Израиля, практикуется создание передовых центров по развитию водосберегающего орошения, а также искусственного озеленения.

Справедливости ради следует признать, подчеркивает Г.Прохорова, что для поддержания и защиты экологии в регионе с китайской стороны делается многое. Уровень взаимодействия Китая с сопредельными государствами по использованию трансграничных водотоков за последние 25 лет значительно продвинулся. В настоящее время КНР разрабатывает проекты сотрудничества с соседними странами, подразумевающие доступ Китая к зарубежным водным ресурсам. Китайские специалисты внимательно изучают прецеденты международного права по вопросам освоения и распределения водных ресурсов трансграничных водотоков и активно используют их в разработке собственных подходов. Китайские ученые отмечают эволюцию международной позиции в отношении права государств на трансграничные водные ресурсы: от признания абсолютного суверенитета государств в праве распоряжаться всеми ресурсами на своей территории до признания права на ограниченный суверенитет прибрежных

государств, учитывающий общность владения конкретным водным ресурсом. Китайцы в этой модели делают ударение на праве совместного обладания ресурсом.

В проблеме освоения трансграничных водных ресурсов ключевое место занимает вопрос о фактических и исторических правах на обладание природным ресурсом в конкретной местности. В проекте «Экономического пояса Шёлкового пути» внимание общественности в основном сосредоточено на его сугубо экономических составляющих, и крайне редко говорится об экологических программах Китая, связанных с этим проектом. Основная ветвь западного направления Шелкового пути проходит через Синьцзян Уйгурский автономный район. В пределах СУАР за счет таяния снегов в горах формируется более 570 малых рек. Синьцзян занимает в стране первое место по запасам воды в ледниках. Практически все реки автономного района страдают от чрезмерного забора воды. Подземные воды также характеризуются значительной степенью освоенности, хотя исследования по дистанционному зондированию из космоса показали наличие значительных неразведанных запасов подземных вод. С введением системы прав на воду и мер водосбережения в сельском хозяйстве, в некоторых районах объем водопотребления значительно сократился. В настоящее время многие китайские СМИ проводят идею о том, что для процветания СУАР следует создать масштабную свехуровневую (не ограничивающуюся в рамках административно-территориальных образований) гидрографическую сеть.

Она должна состоять из каналов по переброске воды (закрытых, открытых, осуществляемых путем самотека или с помощью насосных станций и др.) и водных резервуаров. Ожидается,

что подобная водная политика приведет к созданию в Синьцзяне оазисной экономики, будет способствовать его процветанию, привлечению большого числа туристов, подъему производительности сельскохозяйственного сектора. Намеченное прежде на 2010 г. начало строительства западной ветви Проекта до сих пор откладывается; к тому же появились не сколько других альтернативных проектов свехдальней переброски воды в этот регион: из Бохайского залива, реки Брахмапутры, водных объектов Казахстана, Киргизии, с территории России. Разрабатывается местный проект переброски в Синьцзян вод Хуанхэ через озеро Цинхайху. Несмотря на кажущуюся неосуществимость большинства из перечисленных проектов, ряд китайских ученых считает, что развитие Синьцзяна невозможно без реализации проектов свехдальней переброски вод. Однако в стратегии освоения и защиты водных ресурсов СУАР государство исходит также из того, что экосистема региона обладает собственной системой восстановления экологического баланса, и основное внимание следует уделить реализации этого потенциала.

Исследователь отмечает, что применение в СУАР технологий, связанных с восстановлением ландшафтов, имеет важное значение для разработки стратегии взаимодействия с государствами, расположенными по трассе нового Шелкового пути. Так, удалось остановить пересыхание поверхностного стока реки Тарим с мая 2010 г. по май 2011 г., благодаря чему её воды дошли до озера Тайтэмаху. Еще в древности, например, в период правления династии Цин, сельскохозяйственное орошение на берегах Тарима было очень развито. А в 1950 х годах по течению реки было построено более 200 водохранилищ, практически весь сток реки использовали на орошение.

Китайские ученые отмечают, что пояс Шелкового пути исторически занимал территорию с очень чувствительными экосистемами. В особенности подчеркивается, что природные среды Синьцзяна и Центральной Азии тесно связаны между собой особенностями рельефа и водными источниками, и что нарушение экологического баланса на любом отдельном участке этой территории может спровоцировать цепную реакцию экологических проблем в разных государствах. Во время визитов в государства Центральной Азии китайские делегации постоянно подчеркивают, что межгосударственное сотрудничество в рамках проекта Шелкового пути ни в коем случае не может опираться только на экономическую составляющую. Усилены мероприятия по предотвращению формирования песчаных бурь, закреплению песков, водосбережению, созданию оазисов и так называемых зеленых заслонов. Уделяется огромное внимание технологиям обводнения пустынь.

Одновременно озвучивается необходимость сотрудничества с учеными стран, входящих в пояс Шелкового пути. Подчеркивается, что проблемы засух, эрозии почв, опустынивания имеют трансгосударственный характер. В июне 2014 г. ЮНЕСКО признало всемирным наследием отрезок Шелкового пути длиной в 5 тыс. км, простирающийся от Центральной китайской равнины до Семиречья (Казахстан). Данный маршрут, включающий сеть дорог, был назван «Чаньань Тяньшаньским коридором». Современный маршрут, сформировавшийся в период между II веком до н.э. и I веком н.э., начинается от городов Сиань и Лоян, и заканчивается в районе Жетысу (Казахстан). Уже более 15 лет ученые Казахстана и Китая совместно изучают экосистемы бессточных озер Центральной Азии.

Автор приводит важную для нас информацию. В настоящее время проблема борьбы с опустыниванием готовится для внесения в стратегическое планирование проекта Шелкового пути («Один пояс — один путь»). Таким образом, в рамках данного проекта развивается масштабное экологическое строительство, затрагивающее и водные ресурсы. К участию в ликвидации опустынивания будут привлечены многие страны. Линий Шелкового пути несколько, в том числе так называемая «северная ветвь» — через Россию. В КНР давно поднята проблема кризиса в распределении водных ресурсов по территориям экономического пояса Шелкового пути. Считается, что водный кризис в Средней Азии — это не кризис дефицита объемов водных ресурсов, а кризис их распределения. Данный регион оценивается Китаем, как обладающий большим потенциалом в формировании и улучшении систем распределения водных ресурсов.

Китай проводит исследования и привлекает специалистов многих стран к изучению моделей низкочрезвычайно водной экономики и образа жизни. Ещё одна проблема, активно обсуждаемая в научном сообществе — создание моделей горно-морской экономики, основой которой могут стать системы транспортных коммуникаций трансчерного выхода к морям. В Китае проекты данного направления разрабатываются в рамках глобальной программы по объединению рек, озер, каналов и водохранилищ. Особый интерес вызывают внутриконтинентальные проекты по созданию судоходных каналов, объединенных с крупными водными артериями и трассами переброски вод. В настоящее время в китайских СМИ активно обсуждаются проекты морских «шелковых путей». Они предполагают создание специальных маршрутов между внутренними и трансграничными

ми реками Китая и выходами к морям. В отношении трансграничной реки — Иртыш — у Китая также есть планы ее превращения в грузовую артерию Великого Шелкового пути.

В мае 2013 г. при Академии наук КНР был создан Центр изучения экологии и среды Центральной Азии. В настоящее время его отделения, а также исследовательские станции по ведению разнообразных полевых исследований действуют в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. Центр ведет подготовку кадров для совместных исследований в области освоения и защиты природных ресурсов среднеазиатских стран, расположенных по линиям Шелкового пути. Ведутся подготовительные работы по созданию Фонда совместных геополитических исследований. Особое внимание китайскими учеными уделяется разработке путей решения проблемы Аральского моря. Для этого рассматриваются проекты комплексных мероприятий, включающие комбинации различных вариантов перебросок вод вне территории Китая.

Таким образом, китайские ученые разрабатывают собственные проекты управления ресурсным потенциалом, расположенным в том числе и за границей. В этой связи следует отметить, что восстановление хрупких экосистем, борьба с опустыниванием, создание пейзажных видов, работы по продвижению теорий объединенного комплексного управления водными ресурсами направлены не только на улучшение состояния региональных экосистем, но и на создание инструментов доступа Китая к международным ресурсам.

Однако странам - соседям КНР, подчеркивает автор, следует с осторожностью подходить к внедрению экологических технологий Китая на своих территориях. Среднеазиатским государствам и России следует учи-

тывать возможные последствия, связанные с выращиванием на их территориях трансгенных лесов вне строго отведенных для этих целей экспериментальных площадок — т. е., в промышленных масштабах, для создания пейзажных видов, или противодействия опустыниванию.

России также придется приложить усилия, чтобы не допустить превращения Средней Азии в полигон для воплощения креативности китайской научной мысли, содействовать сохранению биологического разнообразия на территориях среднеазиатских государств, улучшению и сохранению водных ресурсов высокого качества. Автор отмечает, что отдельные направления китайской политики освоения водных ресурсов напрямую затрагивают водную, экологическую и геополитическую безопасность Российской Федерации и ее союзников в Центральной Азии.

Клиновский В.А. Политико-правовая история языковых реформ в Китайской Народной Республике. — М.: ИДВ РАН, 2021. — 176 с.

Другой книгой, затрагивающей отношения Центральной Азии с Китаем (через фактор СУАР), является монография В.А.Клиновского «Политико-правовая история языковых реформ в КНР» в серии изданий ИДВ РАН. В монографии проводится анализ языковых реформ в Китайской Народной Республике. Автор исходит из того, что сегодня на территории Китая проживает большое количество признанных или непризнанных официально национальностями меньшинствами народов. Некоторые из них имеют почти такую же древнюю историю, как и ханьцы. На протяжении многих веков отношения китайцев с этими народами были весьма противоречивыми и часто враждебными.

В развитии курса языковой политики КПК в отношении языков малых народов четко выделяются три последовательных стадии: 1) этап плюрализма (1949—1957 гг.); 2) этап языкового монополизма (1958—1978 гг.); 3) этап аккомодационизма, для которого характерно относительное уравнение в правах общепотребительного языка и языков национальных меньшинств (с 1978 г. до наших дней).

В 1953 г. 93% населения Синьцзяна составляли неханьские народы, начинает автор. В декабре 1958 г. на одиннадцатой Всекитайской конференции Единого народного фронта было объявлено о том, что «Социалистические отношения между народами страны стремительно развиваются... Интеграция между ними, усиливается». В связи с началом кампании «Большого скачка», связанной с проведением реакционной политики леворадикальной партийной верхушкой, национальные различия в Китае были объявлены преодоленными, и кампания по развитию национальных письменных систем пошла на спад. Ситуация еще больше усугубилась после вооруженного восстания в Тибете в марте 1959 г.

К середине 1990-х годов во внутренних районах страны переход на билингвальное образование был в основном закончен. Однако в приграничной зоне это было сопряжено с некоторыми трудностями, связанными с нежеланием местного населения обучаться китайскому языку или тем более на китайском языке. Главной особенностью политики КНР в отношении языков национальных меньшинств является ее прочная связь с национальной политикой государства.

Проиллюстрировать эту ситуацию автор предлагает на примере языкового планирования в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Со времен образования КНР в этом регионе, достаточно

остро стоит национальный вопрос. В нем традиционно проживают национальные меньшинства, ранее имевшие достаточно слабые контакты с ханьцами, весьма различные по этническому происхождению, относящиеся к разным религиозным конфессиям (хотя преимущественно это мусульмане) и говорящие на различных языках. На современном этапе в рамках многонационального государства, коим сейчас является Китай, любые этнические группы, будь то малочисленные народы или титульная нация, наделяются равными правами: правом на собственную историю и культуру, правом на свободу вероисповедания и так далее. Следует сразу же отметить, что в КНР во второй половине XX в. эти права в основном не ущемлялись сколько-нибудь серьезным образом. Исповедуя идеологию атеизма, китайское руководство, как правило, не навязывало малым народам какие-либо религии и не пыталось искоренять существующие. Так же не отмечалось за этот период масштабных преследований на национальной почве. Однако в других областях культуры отношения китайцев и соседних народов складывались не всегда гладко.

В 50-х годах XX в. Восточный Туркестан (а ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район) был окончательно присоединен к территории Китая. Тюркские народы Синьцзяна, а это большей частью уйгуры, имеют длительную историю и богатые культурные традиции. Естественно, что при новых порядках в условиях коммунистической диктатуры маоистов все они столкнулись с необходимостью мириться с новой идеологией. В первые десятилетия существования КНР западные национальные автономии долгое время не ощущали на себе культурного давления со стороны ханьского этноса в связи с низким уровнем индустриализации и неразвитостью

коммуникаций. Но ситуация изменилась с принятием курса на экономическое развитие этих регионов и началом массовых переселений туда китайцев из восточных районов в 1980-х годах. В это время жители национальных автономий на западе страны стали постепенно ощущать на себе интенсивное влияние китайской культуры. Оно, помимо прочего, состояло в том, что местные языки стали, так или иначе, вытесняться китайским.

Исследователь исходит из того, что этнополитические конфликты в Западном Китае, в том числе в Синьцзян-Уйгурском автономном районе имеют в основе спорный вопрос о принадлежности этих территорий. Идея независимости Синьцзяна, который выпал из состава Китая после падения династии Цин и был заново включен в него фактически насильственным путем, активно пропагандируется отдельными группами лиц и политическими деятелями как в самом Китае, так и за рубежом (преимущественно в исламских государствах). Территория Восточного Туркестана впервые была присоединена еще во II в. до н.э., но после каждого распада китайского государства откалывалась, и суверенитет над ней следующим династиям приходилось восстанавливать военным путем. Народы, населявшие регион в разные исторические эпохи, всегда стремились к независимости от Китая.

Конфликт уйгуров и китайцев принял открытый характер в середине 1990-х годов, затем, после десятилетнего затишья, вновь обострился в конце 2000-х. Руководство КНР, естественно, осознавало неустойчивость положения и принимало различные меры для предотвращения кризисов. Прежде всего, усилия направлялись на экономическое развитие региона с целью создать в нем такие условия жизни, при которых у населения не было бы при-

чин желать дестабилизации. Стремясь осуществить это в кратчайшие сроки, руководство КНР, не тратя времени на подготовку квалифицированных специалистов в самом регионе, направляло их в Синьцзян из других провинций. Этот шаг многие восприняли как попытку этнической ассимиляции местного населения. Однако для нее всегда необходимо некоторое культурное взаимопонимание между народами. На деле уйгуры и этнические китайцы живут весьма изолированно друг от друга. Кроме того, общение между представителями уйгурского и ханьского этноса сильно затруднено. Китайцы, прибывающие с востока, на уйгурском языке не говорят, а для общения между собой выходцы из разных регионов, являющиеся носителями разных диалектов, используют путунхуа.

Уйгуры в начале 1990-х годов преимущественно владели только своим языком. Повсеместно внедряемая государством система билингвального образования призвана решить эту проблему. Однако здесь действует еще один фактор: в Китае предусматривается только изучение представителями малых народов общеупотребительного языка. Китайцы, проживающие в национальных автономиях, по закону не обязаны изучать языки коренного населения. Исключение составляют только лица, состоящие на службе в государственных органах. Но абсолютное большинство их попросту игнорирует это требование. Все это дополнительно способствует отторжению китайского языка уйгурами.

Еще одним результатом претворения в жизнь плана по переходу национальных автономий на двуязычное образование, по мнению автора, является то, что высшее образование в ВУЗах страны осуществляется с начала XXI в. только на китайском языке. В Синьцзяне это привело к резкому сокращению

представителей коренных народов, обучающихся в университетах. До 2004 г. преподавание велось на двух языках, после даже преподавание уйгурской литературы иногда велось на китайском. Вывод национального языка из сферы высшего образования и как следствие — из научной сферы, ведет к тому, что языки нацменьшинств перестают развиваться, теряют способность вырабатывать неологизмы и новые грамматические конструкции. Из-за этого все более удобным для использования во всех сферах жизни становится китайский язык.

При этом нельзя сказать определенно, осуществляют ли китайские лидеры осознанный лингвистид или, пытаясь способствовать развитию культуры малых народов, неожиданно создают для себя побочную проблему. Ситуация, сложившаяся в настоящее время в КНР, не является такой уж специфической. Постепенное исчезновение национальных языков в крупных странах является естественным. В любом многонациональном государстве наблюдаются сходные процессы. Однако при этом далеко не всегда это ведет к открытому выражению протеста представителями различных этнических групп. Здесь играет свою роль уровень культурного самосознания народа. И если говорить о коренном населении Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, то уровень его культурного самосознания весьма высок.

Все это, подчеркивает ученый, естественно, понимают и руководители властных структур КНР. В целом, политика КНР в этой области носит двойственный характер. Государство придерживается официального курса на сохранение и развитие культуры малых народов и законодательно закрепляет их лингвистические права. Но при этом проведение такого курса пересекается с интересами государства в сфе-

ре национальной политики, в результате чего происходит сужение функциональной сферы применения языков.

Таким образом, заключает автор, политика КПК в отношении языков малых народов прошла в своем развитии несколько последовательных этапов, на каждом из которых ее идейные основы значительно менялись.

Дерюгина И.В. Сельское хозяйство Казахстана: конец XIX – начало XXI в. Отв. ред. А.В. Акимов; Институт востоковедения РАН. – М.: Филинь, 2021. – 252 с.

Данная книга, изданная в рамках центральноазиатских исследований ИВ РАН, написана в жанре экономической истории и посвящена эволюции сельского хозяйства Казахстана с конца XIX в. до начала XXI в. В ней впервые в рамках одного исследования дан сквозной анализ трех эпох экономического бытия сельского хозяйства в стране: первая – конец XIX в. – начало XX в.; вторая – 1920–1990 гг. XX в.; третья – конец XX в. – начало XXI в. Книга построена на современных подходах к периодизации экономической истории сельского хозяйства Казахстана. Особенностью является то, что исторические реалии точно соотнесены со статистическими показателями, сделаны попытки отойти от политических оценок, сконцентрировавшись на изучении ретроспективного и современного процесса аграрной эволюции. Работа основывается на новых методиках изучения экономического процесса в сельском хозяйстве, которые включают сравнительно-историческое исследование, статистический анализ больших данных, графическую интерпретацию, циклическую периодизацию экономического роста.

Первый период эволюции, охватывающий конец XIX – начало XX в., непосредственно связан с колониаль-

ной политикой Российской Империи, которая предполагала трансформацию сельского общества через переселение российских крестьян в казахские степи и седентаризацию местного кочевого населения. Второй период, включающий 1920–1990 гг. XX в., – это время жестких преобразований, которые пережил Казахстан в составе СССР. Этот период для сельского хозяйства ознаменовался экономическими и политическими шоками – коллективизацией, освоением целины и трагедией Великой Отечественной войны. Третий период, в котором пребывает аграрный сектор Республики Казахстан с начала 1990-х гг., – это период независимого развития. Руководство Республики Казахстан, взяв курс на создание рыночной экономике, добилось ко второму десятилетию XXI в. относительно стабильного экономического роста в сельском хозяйстве.

В четвертой главе представлен ретроспективный анализ длинных рядов урожайности с 1906 г. по 2020 г. Основой данного анализа стало две оригинальные методики: первая – трендовый метод исследования динамического ряда урожайности, второй – метод изучения циклической неравномерности движения урожайности. Базой изучения циклической неравномерности выступала известная методика Н.Д. Кондратьева, по которой выявлено три цикла урожайности на протяжении начала XX– начала XXI в.

Наибольшее внимание в этой главе уделено визуализации и интерпретации графической информации. В 1920 г. началась советская эра в истории Казахстана и становление социалистического способа производства. Первоочередной задачей советской власти стала национализация земли, в дальнейшем последовала конфискация скота и имущества у зажиточных крестьян и баев. В целях ликвидации дискрими-

нации национальностей были уничтожены земельные привилегии российских крестьян, уравниены права на воду крестьян-казахов с крестьянами-переселенцами; условно обеспечено равноправие всех национальностей при наделении землей.

В 1928–1932 гг. была осуществлена насильственная коллективизация, усиленная гнетом внеэкономических мер принуждения, в частности, плановыми государственными заготовками, ценовой политикой и др. В тесной увязке с коллективизацией была задумана массовая седентаризация кочевых и полукочевых хозяйств, которые должны были быть поголовно коллективизированы. Появилась идея укрупнения и создания колхозно-совхозных комбинатов с однобокой животноводческой специализацией, где обобществленный скот собирался на гигантских необорудованных площадках. Результатом стало резкое падение урожайности и сборов зерновых культур, почти в семь раз сократилось поголовье крупного рогатого скота, в тринадцать раз – поголовье овец.

К началу 1950-х гг. было восстановлено доколлективизационное поголовье скота. Однако программа развития животноводческой базы в Казахстане была свернута, и в середине 1950-х гг. был взят курс на освоение целинных земель и создание крупного зернопроизводящего хозяйства.

В середине XX в. с момента освоения целины произошла резкая смена формы существования земледельческого хозяйства, стал создаваться новый технологический способ производства – трудосберегающий. Для формирования данного технологического способа производства зерновой сектор страны обладал всем набором классических признаков. Громадные пространства, доступные для сельскохозяйственного освоения, позволяли внедрять капита-

лоемкие механические средства труда, способствуя тем самым выдвигению в качестве приоритетного фактора роста в зерновом хозяйстве Казахстана высокой производительности труда. Нехватка рабочей силы для осуществления масштабных проектов освоения целинных земель (эта нехватка возмещалась организованным властями массовым перемещением в Республику населения из центральных районов СССР) создавала мощный дополнительный стимул к экономии труда посредством механизации земледельческих операций. В результате зерновой сектор Казахстана стал развиваться как экспортоориентированное хозяйство, которое во второй половине XX в. выступало поставщиком пшеницы в республике СССР, а впоследствии, с 1990-х гг. – в третий рассматриваемый нами период – на мировой рынок.

В третий период аграрной эволюции (с начала 1990-х гг.) теперь уже независимой Республики Казахстан сильнейшим образом проявились противоречия, исторически заложенные в «социалистической» экономике сельского хозяйства. В свою бытность в составе СССР Казахстан занимал особое место в межреспубликанском разделении труда. Это был регион, располагавший избытком (по отношению к внутренним нуждам) основных сельскохозяйственных ресурсов. Зависимость сельского хозяйства Казахстана от внешнего для него хозяйственного комплекса привела в начале периода независимости к тому, что экономические пертурбации, происходившие вовне, самым непосредственным образом затрагивали сельское хозяйство страны. Иначе говоря, сложившееся в СССР межреспубликанское разделение труда, в которое был вовлечен аграрный сектор Казахстана, создало дополнительные трудности на пути продви-

жения Республики к новой экономической модели сельского хозяйства.

Начало периода независимого развития ознаменовалось разрывом сложившихся экономических (межреспубликанских) связей, и как результат падением производства сельскохозяйственной продукции. Земельная реформа, реально начавшаяся в 1995 г., имела важнейшее значение для формирования рыночного хозяйства. Однако до сих пор имеет место жесткое противодействие ввести частную собственность на земли сельскохозяйственного назначения.

В настоящее время эффективно функционируют три типа хозяйств: сельскохозяйственные предприятия, ориентированные на производство зерна и поставки зерна на мировой рынок, крестьянские (фермерские) хозяйства, специализирующиеся преимущественно на производстве овощей и бахчевых, хозяйства населения, которые производят до 70% всей продукции животноводства. Особое место в аграрной отрасли занимает животноводство. Пережив разрушение кочевого хозяйства, которое на могло автономно существовать ни в структуре экономики Российской Империи, ни в народном хозяйстве СССР, независимый Казахстан стоит перед дихотомией развития животноводческой отрасли – отгонно-пастбищное хозяйство versus крупное стойловое животноводческое хозяйство.

Зерновой сектор сельского хозяйства имеет экспортную направленность. Однако основу экспортного потенциала аграрного сектора в Казахстане составляют сырьевые товары. Около 80% экспортной продукции агропромышленного комплекса реализуется в виде сырья, при этом 42% приходится на злаковые культуры. В числе важных проблем сельскохозяйственной отрасли – высокая импортозависимость по

ряду продуктов, например, таких как мясные и другие готовые продукты. С начала 2010-х гг. правительство усилило внимание к развитию сельского хозяйства, было принято ряд государственных программ, направленных на модернизацию аграрного производства.

Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура): (Коллективная монография). Отв. ред. Н. П. Космарская; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. – 202 с.

Другая книга в серии изданий ИВ РАН посвящена различным аспектам восприятия России жителями трех стран Центральной Азии — Казахстана, важнейшего стратегического и экономического партнера России, имеющего с ней огромную по протяженности общую границу, а также Киргизии и Узбекистана. Их связи с Россией исторически обусловлены и разнообразны, но сейчас определяются в первую очередь многолетним притоком в страну сотен тысяч трудовых мигрантов. Исследование основано на эмпирических материалах, собранных авторами в 2014–2019 гг. Качественными методами (экспертные и биографические интервью, фокус-группы, контент-анализ сетевых публикаций). Все представленные в книге сюжеты неразрывно связаны с Россией в ее различных ипостасях — как бывшей империи, колонизовавшей бескрайние пространства азиатского материка; как преемницы государства, когда-то общего для многих людей разных национальностей, населяющих сейчас страны региона; как движущей силы в рамках существующего в регионе экономического объединения (ЕАЭС); наконец, как части сохраняющегося в этих странах, но во многом живущего здесь своей собственной жизнью рус-

скоязычного культурного пространства. Издание рассчитано на историков, социологов, политологов; на студентов и аспирантов этих специальностей, на преподавателей вузов, а также на всех читателей, которых могут заинтересовать искренние и непредвзятые мнения о России, высказанные обычными жителями стран — бывших соседей по общему советскому дому.

Knoope Peter, de Leede Seran (eds.). Negotiating Gender in Central Asia: The Effect of Gender Structures and Dynamics on Violent Extremism. – Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, 2022. – 164 p.

Сборник «Переговоры по гендерным вопросам в Центральной Азии: эффект гендерных структур и динамика насильственного экстремизма» (под ред. П.Кнопу и С. Леде) посвящена необычной теме. Речь идет о применении насилия в отношении женщин на половой основе. В Киргизии, например, автор соответствующего раздела говорит о «войне против женщин». В целом эти процессы вытекают из роста и возрождения патриархальных отношений и исламизации региона. Два раздела книги затрагивают участие женщин (из Узбекистана и Казахстана) в сирийском конфликте, вопросы их «демобилизации» и адаптации к нормальной жизни.

Starr S. Frederick. Rethinking Greater Central Asia: American and Western Stakes in the Region and How to Advance Them. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 41 p.

Проф. Фредерик Стар, автор нашумевшей в свое время концепции «Большой (т.е. расширенной) Центральной Азии» решил с учетом изменившейсяся

геополитической ситуации откорректировать собственную теорию. Напомним, что эта концепция подразумевала объединение региона ЦА с Афганистаном и другими государствами Южной Азии в некий единый геоэкономический конструкт. То есть, фактически подразумевалось, что страны ЦА на себя бремя экономического, прежде всего энергетического, содержания южного соседа. Проект, естественно, провалился, и единственным его следствием стали встречи в дипломатическом формате 5+1 под эгидой США.

Ф.Старр отталкивается от двух геополитических шоков последнего времени: панического бегства американцев из Афганистана и вторжения России на Украину. По его мнению, изменение военно-политической ситуации в Афганистане усилило изоляцию региона и его зависимость от России. Однако, продолжают другие проекты: Юг-Север (через Индию и Иран) и Каракорумский мост из Китая в Пакистан. Все они, так или иначе, касаются Центральной Азии. Но США и Европа остаются вне этого геополитического процесса. Таким образом, подытоживает автор, республики ЦА попадают в транспорт смысле в еще большую зависимость от России и Китая. В этих условиях США и ЕС должны в своей политике в отношении Центральной Азии использовать влияние Турции и государств Персидского залива.

Автор не скрывает опасений, что после Украины Россия может продолжить процесс восстановления советской зоны за счет центральноазиатских республик. Соответственно роль Афганистана (для Запада) не только остается важной, но и возрастает. Также Вашингтон должен восстановить в прежнем и большем объеме свое стратегическое влияние на Пакистан, который единственный, кто способен манипулировать Талибаном. Основ-

ные препятствия на пути реализации западной стратегии в Евразии и Центральной Азии Ф.Старр видит в руководимой Пекином ШОС и руководимым Москвой ЕАЭС.

В конечном итоге автор призывает пересмотреть официальную стратегию США в отношении Центральной Азии. В этом случае Вашингтону понадобится поддержка Великобритании, Турции и Евросоюза. Таким образом, несмотря на тот факт, что проф. Старр назвал свою работу «Пересмотр Большой Центральной Азии», смысл остался тот же. Все упирается в Афганистан как инструмент реализации стратегии Запада по отрыву региона от Большой Евразии.

Российско-китайский диалог: модель 2022: доклад № 78. 2022.А. В. Кортунов, К. В. Бабаев, Чжао Хуашэн, Лю Хуацинь и др.; под ред. И. Н. Тимофеева, П. В. Бакулиной, Е. О. Карпинской и др. Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2022. — 82 с.

Центральноазиатская проблематика рассматривается в традиционном обзоре «Российско-китайский диалог» (РСМД) за 2022 г. в евразийском масштабе и в контексте противодействия Западу, политики ШОС и реализации проектов ЕАЭС и Один пояс, один путь.

В работе отмечается, что Москва и Пекин одинаково заинтересованы в безопасности и процветании стран Центральной Азии и Евразии в целом, хотя по отдельным аспектам их интересы могут не совпадать. Экономическое влияние Китая в Центральной Азии растет, одновременно укрепляется и влияние России в сфере безопасности, особенно после вывода американских войск из Афганистана. Москва и Пекин осознают, что только при условии уважения разумных и законных прав и

интересов друг друга в регионе удастся поддерживать стабильность и тренд на развитие.

Евразийский регион поделен авторами на субрегионы: Центральную Азию, Южный Кавказ и Новую Восточную Европу, — в каждом из которых существуют конфликты между соседями или противоречия, связанные с расхождением их интересов. Неоднородность не позволяет обобщать наблюдаемые тенденции, проблемы и интересы стран региона. Так, государства Центральной Азии взаимодействуют со всеми крупными игроками от России и КНР до Индии, Пакистана, США и ЕС.

Москва стремилась продвигать идею диалога ЕС и ЕАЭС, что, по оценкам российских экспертов, с геополитической точки зрения можно объяснить желанием уравновесить влияние Китая в регионе. В 2019 г. Европейский союз обновил стратегию по отношению к странам Центральной Азии. В документе подчеркиваются такие интересы ЕС, как использование транзитного потенциала региона, импорт энергоносителей и доступ на рынки стран ЦА. На последнем месте в этом списке — региональная безопасность. Евросоюз и страны Центральной Азии взаимодействуют в формате встреч министров иностранных дел стран региона с Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности и европейским комиссаром по международному партнерству. В ноябре 2021 г. на очередной встрече обсуждалась ситуация в Афганистане, и государствам ЦА обещали выделить практически половину средств из пакета помощи Кабулу общим объемом около 1 млрд. евро. С 2010 г. Инвестиционный фонд ЕС для Центральной Азии выделяет средства на реализацию проектов по окружающей среде, энергетике и развитию социальной инфраструктуры в регионе.

В 2015 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди совершил турне по странам Центральной Азии, после чего официальное взаимодействие Нью-Дели с региональными государствами на разных уровнях интенсифицировалось. С 2019 г. проходит Диалог «Индия — Центральная Азия» на уровне министров иностранных дел, последняя встреча в рамках которого состоялась в декабре 2021 г. в Нью-Дели. Секретари советов безопасности государств ЦА приняли участие в Третьем региональном диалоге по безопасности по Афганистану в индийской столице в ноябре 2021 г., где был представлен общерегиональный подход к ситуации в стране.

27 января 2022 г. состоялся первый саммит в формате Центральная Азия — Индия в связи с 30-летием установления дипломатических отношений с государствами региона, которые входят в ареал «расширенного соседства» Нью-Дели. Подобные мероприятия планируется проводить один раз в два года. С точки зрения экономического влияния на страны Центральной Азии Индия не представляется конкурентом для России и КНР, хотя объемы торговли и планируется увеличить. Однако политический интерес Дели к этим государствам важен в контексте развития внутрорегиональной динамики и взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Распространение индийской мягкой силы в регионе способно сгладить дисбаланс во внешнем социокультурном влиянии на Центральную Азию, где в отдельных странах, например, в Казахстане и Киргизии, мягкая сила США и ЕС превалировала на многих направлениях.

Между продвижением мягкой силы России, КНР и Индии не должно быть идейных противоречий, так как все эти государства входят в ШОС. Москве,

Нью-Дели и Пекину важно понимать, что влияние каждого члена этой организации по отдельности складывается в общее идейно-культурное поле, которое в том числе и представляет собой основу «шанхайского духа». К моменту принятия Индии и Пакистана в ШОС в 2017 г. КНР и Россия уже не считали их присутствием в Центральной Азии угрозой своему влиянию, а изменение геополитической обстановки в мире в 2022 г. делает расширение присутствия Нью-Дели (и Исламабада) в регионе как альтернативы западному влиянию еще более выгодным для России.

При этом ни ШОС, ни ОПОП не позиционируются их членами как «анти-западные» проекты. В среднесрочной перспективе в рамках ШОС, по мнению российских экспертов, было бы правильным обсудить сочетаемость различных вариантов взаимодействия и интеграционных механизмов для понимания того, не пересекают ли они «красные линии» государств-членов, и выработать стратегии сопряжения либо размежевания таких экономических, культурных, информационных, медицинских и других инициатив.

Вместе с тем в отдельных областях наблюдается определенная конкуренция между Россией, КНР и Индией в Центральной Азии, например, в сфере «вакцинной дипломатии» и медицины в целом. Именно соперничество за влияние в регионе выступает движущей силой, которая стимулирует Москву, Пекин и Нью-Дели делать выгодные предложения по поставкам вакцины, безвозмездной помощи, расширению торгово-экономического сотрудничества. В связи с этим для самого Центральноазиатского региона соперничество и конкуренция держав — членов ШОС приносит только выгоду.

По сравнению с другими региональными и глобальными державами Пакистан в целом уделяет меньше вни-

мания сотрудничеству с Центральной Азией как с отдельной зоной. Определенным преимуществом Исламабад считает свое географическое положение, благодаря которому взаимодействие позволяет странам ЦА и западным территориям КНР получить доступ к теплым водам Аравийского моря и порту Гвадар — самому короткому пути отсюда на Ближний Восток и в Западную Азию. Весной 2021 г. было подписано соглашение о строительстве железной дороги Термез — Мазари-Шариф — Кабул — Пешавар, которая будет возводиться в течение пяти лет и свяжет Узбекистан, Афганистан и Пакистан.

Для Ташкента, активно проводящего политику усиления взаимодействия Центральной Азии и Южной Азии, этот проект позволяет диверсифицировать транспортные маршруты в дополнение к выходу к морю через иранские порты. В июле 2021 г. в столице Узбекистана прошла международная конференция высокого уровня «Центральная и Южная Азия: региональная взаимосвязанность. Вызовы и возможности», направленная на обсуждение модели взаимовыгодной стратегической связки «Центральная Азия — Южная Азия» в транспортно-логистической, энергетической, торговой, производственной, инвестиционной, технологической и культурно-гуманитарной сферах.

Ситуация в Центральной Азии отличается сложностью и изменчивостью, регион по-прежнему сталкивается с такими угрозами, как терроризм, религиозный экстремизм, транснациональная преступность, торговля наркотиками, нелегальная миграция, нестабильность в Афганистане, экологические катастрофы и т. д. Все это может нанести ущерб интересам двух стран. Безопасность и внутривнутриполитическая стабильность в Центральной Азии важны для России и Китая: они не могут до-

пустить, чтобы турбулентность в государствах Центральной Азии спровоцировала нестабильность в граничащих с ними регионах двух стран. Москва и Пекин поддерживают местные политические системы и системы государственного управления, они не заинтересованы в дестабилизации Центральной Азии в результате действий внешних акторов — инспирированных Западом «цветных революций» или проникновения религиозно-экстремистских и террористических сил.

Россия обладает рядом специфических интересов в регионе. Во-первых, Центральная Азия представляется ключевым участником евразийского интеграционного процесса под эгидой Москвы. Она будет прикладывать все усилия для укрепления ведущей роли ЕАЭС в регионе и продвижения интеграции в рамках Содружества независимых государств (СНГ). Во-вторых, Центральная Азия выступает стратегически важным регионом для России с точки зрения энергетического сотрудничества. В-третьих, Москва заинтересована в трудовой миграции из стран ЦА. За счет нее Россия может восполнить дефицит рабочей силы на низкоуровневых позициях на рынке труда, опираясь в том числе на широкое распространение русского языка в регионе, что упрощает интеграцию мигрантов. Переток избыточного человеческого капитала из Центральной Азии, в свою очередь, помогает сохранить социальную стабильность в государствах — экспортерах трудовых ресурсов. Кроме того, переселение в РФ способствует продвижению российской мягкой силы в Центральной Азии. Денежные переводы мигрантов играют заметную роль в содействии развитию некоторых стран региона. И в этом отношении возможности России не сопоставимы с китайскими.

По оценкам авторов из КНР, к интересам Москвы в Центральной Азии

также можно отнести балансирование влияния США и Китая за счет углубленного сотрудничества со странами региона в политике, экономике, энергетике, безопасности и в гуманитарной сфере.

Интересы Пекина в Центральной Азии связаны со следующими факторами. Во-первых, благоприятная ситуация в регионе важна для поддержания безопасности, стабильности и высоких темпов развития западных регионов КНР. Страны Центральной Азии в целом проводят многовекторную и сбалансированную внешнюю политику, не ориентируются на какую-либо одну державу и поддерживают мирное сосуществование и сотрудничество внутри региона, что отвечает интересам Пекина.

Во-вторых, Центральная Азия важна для Китая с точки зрения диверсификации источников энергии. КНР поддерживает целую сеть поставок нефтегазовых ресурсов, в которую входит и этот регион, что позволяет гарантировать энергетическую безопасность страны. Торговля энергоресурсами также позволяет укреплять сотрудничество, отвечая экономическим интересам соответствующих государств ЦА.

В-третьих, Центральная Азия — важный полигон для ОПОП. Благодаря строительству Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), а также реализации конкретных проектов в его рамках Пекин способствует повышению уровня связанности инфраструктуры и эффективности деловых операций в регионе, а также улучшению условий для его интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. В-четвертых, расширяя масштабные разнородные и многопрофильные обмены и углубляя сотрудничество в гуманитарной сфере, Китай укрепляет взаимопонимание между народами КНР и стран Центральной Азии, в осо-

бенности на молодежном уровне, и создает региональное сообщество единой судьбы.

Россия имеет ряд очевидных преимуществ в реализации своей политики в Центральной Азии по сравнению с Китаем. В области безопасности для ОДКБ, лидирующую роль в которой играет Москва, характерны высокий уровень институционализации и эффективная система внутренней координации. В силу исторических и иных причин Россия занимает более устойчивые позиции в Центральной Азии в области энергетики. Кроме того, уровень вовлеченности РФ в образовательную и научную деятельность в странах региона несоизмерим с китайским. Вместе с тем, по китайским оценкам, перспективы создания политического альянса в регионе, в том числе на базе ЕАЭС, невелики. Некоторые страны обеспокоены тем, что такое объединение наносило бы ущерб их статусу независимых суверенных государств. Кроме того, менее экономически развитые центральноазиатские акторы при вступлении в ЕАЭС были заинтересованы именно в создании новых точек роста в партнерстве с Россией.

В китайских академических кругах принято считать, что экономические проблемы, социальная напряженность и недостатки в государственном управлении, с которыми столкнулись страны Центральной Азии, на первый взгляд вызваны негативным влиянием *COVID-19*, однако на деле все они есть следствие запоздалых социальных, политических и экономических преобразований. Россия и Китай предоставляли помощь странам региона в борьбе с заболеваемостью: были направлены тест-системы, медицинские бригады 28 и вакцины против коронавируса. Кроме того, Москва приняла специальные меры по улучшению положения трудовых мигрантов из стран Централь-

ной Азии, а Пекин расширил закупки сельскохозяйственной продукции из региона, особенно из Казахстана.

Негативное влияние на безопасность ЦА может оказать ситуация в Афганистане, сложившаяся после вывода американских войск. Во-первых, занятие Талибаном лидирующих позиций провоцирует активизацию религиозных экстремистских сил в странах Центральной Азии, в результате чего местные власти столкнутся с более сложными политическими проблемами и вызовами в области безопасности. Республики Центральной Азии могут стать более зависимыми от России в вопросах военной безопасности, что, по китайским оценкам, создаст угрозы сохранению их автономности.

Ожидается, что центральноазиатские страны, столкнувшись с угрозами безопасности со стороны Афганистана, повысят свои требования к ШОС, в том числе к России и Китаю. Возрастут запросы на предоставление специального оборудования, обучение персонала и совместное патрулирование в приграничных районах.

Позиции России и Китая в вопросах поддержания мира и стабильности в Центральной Азии, борьбы с «тремя силами зла» и недопустимости длительного присутствия здесь вооруженных сил внерегиональных держав схожи. Две страны готовы к совместным действиям, включая консультации на высоком уровне, обмен информацией, совместные военные учения, совместные заявления и т. д. Китай понимает, что Россия имеет большее влияние на ситуацию в области безопасности в Центральной Азии, чем КНР, и надеется, что Москва продолжит играть стабилизирующую роль в регионе.

Западные эксперты постулируют конкуренцию между Китаем и Россией в ЦА и даже заявляют о неизбежности их конфликта. Однако российско-ки-

тайские отношения стратегического взаимодействия существуют не только на словах, они не вынужденная мера, а осозанный выбор: только при условии уважения Россией и Китаем разумных и законных прав и интересов друг друга в регионе удастся сохранить стабильность и тренд на развитие, а ШОС и ОДКБ смогут гармонично развиваться и дополнять друг друга.

В январе 2022 г. в Казахстане вспыхнули беспорядки, страна пережила самый тяжелый кризис за 30 лет независимости. Президент Касым-Жомарт Токаев запросил помощь ОДКБ. РФ сыграла заметную роль в урегулировании ситуации, отмечалось российско-китайское стратегическое сотрудничество. Во-первых, Москва и Пекин сходятся во взглядах на причины обострения. Официальные лица в обеих странах склонны считать, что беспорядки инициированы внешними силами, однако, по мнению многих представителей академических кругов, внутривластный кризис был вызван противоборством политических сил и экономическими трудностями.

Во-вторых, несмотря на различия в масштабах реакции России и Китая на кризис в Казахстане, между ними налажена координация. Москва — член ОДКБ и имеет оперативный канал связи с Нур-Султаном, что позволило ей сыграть важную роль в стабилизации ситуации. У Пекина есть важные экономические и стратегические интересы в Казахстане, и сотрудничество с

Москвой представляется наилучшей возможностью для их защиты. По оценкам некоторых китайских экспертов, в результате кризиса Россия восстановила стратегическое влияние на Казахстан, что внесло вклад в изменение геополитического устройства постсоветского пространства.

Ввиду краткосрочности кризиса и его комплексного характера крупные внешние игроки не успели оказать сколько-нибудь существенное влияние на его течение, хотя в России и Казахстане распространялись слухи о возможном вмешательстве США. Возможно, события повлияли на решение о передаче власти в Туркменистане путем проведения досрочных президентских выборов в марте 2022 г. По мнению российских экспертов, результатом кризиса в Казахстане в январе 2022 г. стало усиление ОДКБ как региональной организации, так как блоку удалось провести свою первую реальную коллективную операцию.

Таким образом, заключают авторы, кризис в Казахстане продемонстрировал, что в Центральной Азии сохраняются риски дестабилизации в связи с деятельностью террористических и экстремистских движений или с вмешательством внешних сил. Это не отвечает интересам ни стран ЦА, ни России и Китая. Москва и Пекин разделяют общие потребности в сохранении стабильности здесь, и их сотрудничество может стать важной основой региональной безопасности.